

Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области
Московский государственный областной университет

На правах рукописи

Прямухина Светлана Александровна

Структурно-семантическая типология калькирования в лексической системе
русского языка (на материале немецкоязычных калек)

Специальность 10.02.20 –
«Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Ирина Николаевна Филиппова

Москва – 2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Онтологическая сущность калькирования как объекта лексикологии и контактологии.....	16
1.1. Проблемы определения кальки и ее места в лексическом составе языка: отношение кальки к заимствованию, к исконному слову, к переводу.....	17
1.2. Успехи и проблемы типологизации калькированных единиц	29
1.3. Построение полидифференциальной типологии калькированных с немецкого языка в русский лексических единиц.....	36
Выводы по главе 1.....	39
Глава 2. Характеристика типов лексического калькирования с немецкого языка в русский в XVIII–XIX вв.....	42
2.1. Словообразовательное калькирование как наиболее продуктивный тип лексического калькирования.....	43
2.1.1. Характеристика типов словообразовательного калькирования.....	50
2.1.2. Экспликация и анализ сложений с первым компонентом <i>ново-</i>	62
2.1.3. Экспликация и анализ сложений с первым компонентом <i>право-</i>	76
2.1.4. Экспликация и анализ сложений с первым компонентом <i>само-</i>	88
2.1.5. Экспликация и анализ сложений с первым компонентом <i>взаимо-</i>	146
2.1.6. Экспликация и анализ сложений с первым компонентом <i>воле-</i>	150
2.1.7. Производные слова как репрезентация словообразовательного потенциала калькирования.....	155
Выводы по главе 2.....	164
Заключение	167
Список сокращений	172
Список литературы	173

Введение

Данное диссертационное исследование посвящено изучению структурно-семантической типологии калькированных лексических единиц в русском языке в результате русско-немецких контактов XVIII–XIX вв.

Вопросы лексикологии занимают ведущее место в лингвистике, так как лексическая система языка постоянно эволюционирует и изменяется. В результате языковых контактов и языковой интеграции обогащается словарный состав, при этом в нем отражаются условия определенного исторического периода развития общества. Одним из значимых результатов межъязыкового и межкультурного взаимодействия является калькирование лексем.

Степень разработанности темы

Изучение калькированных единиц изначально являлось составной частью проблем исследований заимствований, словообразования и перевода. Исследователи заимствованной лексики в русском языке – Л. Гальди [Гальди, 1958], Л.П. Крысин [Крысин, 1965], З.С. Ложнова [Ложнова, 1976], в английском языке – И.В. Арнольд [Арнольд, 1959], И.О. Наумова [Наумова, 1993], Т.А. Полякова [Полякова, 1980], в немецком – Э. Бак [Bach, 1949], Е.В. Жабина [Жабина, 2001], К.-Е. Зоммерфельдт [Sommerfeldt, 1997], Х. Лауффер [Lauffer, 1976], А.А. Матвеев [Матвеев, 1966], В. Флейшер [Fleischer, 1987] рассматривают калькированные единицы как один из способов заимствования.

Вопросов калькирования касаются В.В. Виноградов [Виноградов, 1938, 1955, 1994], Е.А. Земская [Земская, 1957], М.Д. Степанова [Степанова, 1953] и другие, в трудах которых были разработаны основные понятия словообразования.

Л.С. Бархударов [Бархударов, 1975], Н.П. Василевская [Василевская, 2011], Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне [Vinay, Darbelnet, 1965], И.В. Журавлева [Журавлева, 2016], Л.М. Зиннатуллина [Зиннатуллина, 2016], В.Н. Комиссаров [Комиссаров, 1990], Л.Л. Нелюбин [Нелюбин, 2009], Я.И. Рецкер [Рецкер, 1981] и другие,

изучая перевод безэквивалентной лексики, выделяют калькирование, как один из его способов. Так, В.Н. Комиссаров говорит о том, что безэквивалентная лексика встречается в основном среди неологизмов и лексем, обозначающих специфические понятия и национальные реалии, для которых приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода. Одним из типов окказиональных соответствий он называет кальки. Калькированные единицы воспроизводят морфемный состав слова или составные части устойчивого словосочетания в иностранном языке. При этом В.Н. Комиссаров отмечает в переводческой практике широкое распространение калек, которые затем используются в непереводных материалах на языке перевода, то есть соответствующие единицы иностранного языка приобретают постоянные соответствия и теряют свою безэквивалентность [Комиссаров, 1990, с. 147–148].

Л.С. Бархударов справедливо отмечает, что калькирование чаще всего используется как прием перевода сложных слов и устойчивых выражений. При этом ученый акцентирует внимание на том, что для читателя, незнакомого с иностранным языком, калькирование не всегда раскрывает значение переводимого слова или словосочетания. Причину этого он видит в том, что сложные слова и устойчивые словосочетания часто имеют значение, не равное сумме значений составляющих их компонентов. При калькировании же используются эквиваленты именно этих составляющих, соответственно значение лексического образования в целом может остаться нераскрытым [Бархударов, 1975, с. 99].

Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне, рассматривая технические способы перевода, выделяют калькирование как «прямой» или буквальный способ. В то же время ученые называют рассматриваемое явление заимствованием особого рода, при котором происходит заимствование синтагмы и буквальный перевод ее составных элементов. В результате язык перевода пополняется новыми экспрессивными элементами (при использовании синтаксической структуры перевода) или новыми конструкциями (при калькировании структуры) [Vinay, Darbelnet, 1965, p. 37].

Я.И. Рецкер, затрагивая вопрос о переводе географических названий, скупко объясняет рассматриваемое явление: «Некоторые географические названия калькируются, т. е. переводятся по частям с последующим их сложением в одно целое. Например, St. Laurence River – река св. Лаврентия, Cape of Good Hope – мыс Доброй Надежды, New South Wales – Новый Южный Уэльс. Большинство таких названий – кальки давнего происхождения» [Рецкер, 1981, с. 51]. Он использует понятие «калькированный перевод», не раскрывая его: «Названия государственных учреждений, общественных организаций, партий, как правило, переводятся. В тех случаях, когда калькированный перевод английского названия может оказаться непонятным, указывается, когда это возможно, общепринятое русское соответствие. Например, Chancellor of the Exchequer канцлер казначейства (министр финансов), First Lord of Admiralty первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр)» [Там же. С. 52].

Е.А. Андреева [Андреева, 1998], О.Л. Вакуленко [Вакуленко, 1987] выделяют калькирование среди способов воссоздания окказиональных слов при переводе. Калькирование здесь приравнивается к созданию окказиональных переводческих соответствий в тексте перевода, в результате которого появляется окказионализм в языке перевода.

Большое значение в решении вопросов по проблеме калек в языковой системе имеют диссертационные работы О.В. Матвеевой [Матвеева, 2005], А.К. Палий [Палий, 1991], Л.А. Пономаренко [Пономаренко, 1965], К. Флекенштейн [Флекенштейн, 1963] и других исследователей, а также монографические работы советских лингвистов Л.П. Ефремова [Ефремов, 1960, 1974], А.А. Реформатского [Реформатский, 1996], Н.М. Шанского [Шанский, 1959, 1968], в трудах которых изложено много ценных положений о кальках и проблемах калькирования, учтенных в нашей диссертационной работе.

В настоящее время самым обширным исследованием данного вопроса является издание Н.С. Араповой, посвященное обогащению словарного состава русского языка послепетровского периода [Арапова, 2000]. Однако, на наш

взгляд, его теоретический и практический материал требует уточнения и дополнения.

Несмотря на то, что в последнее время все больше внимание лингвистов привлекают проблемы калькирования как в рамках лексикологии, так и в рамках контактологии, многие вопросы теории и практики калькирования остаются нерешенными. До сих пор в языкознании не достигнуто единогласие по поводу содержания терминов «калькирование» и «калька», не разработана единая классификация и типология калькированных единиц, отсутствует системное описание процесса калькообразования в языке-реципиенте.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью полного, комплексного анализа и описания калькированных единиц в русском языке XVIII–XIX вв. Указанный период занимает два столетия, что является вполне достаточным для проведения сравнительно-сопоставительного анализа калек и их немецкоязычных образцов с точки зрения словообразования и семантики, установления причин появления калек, условий их функционирования в языке-реципиенте, выявления диахронических процессов изменения лексико-семантического уровня языка в целом. Диахронические факты позволяют объяснить структурно-семантические изменения лексики и установить типологию этих изменений.

Объектом диссертационного исследования являются лексемы русского языка, калькированные с немецкого в период XVIII–XIX вв.

Предметом диссертационного исследования являются структурные и семантические особенности лексических единиц русского языка (как языка-реципиента), заимствованных посредством калькирования из немецкого языка.

Целью диссертационного исследования является разработка структурно-семантической типологии калькированных единиц в системе русского языка на материале немецкоязычных образцов на основе их разноаспектного анализа.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд конкретных **задач**:

- из аутентичного языкового материала (письменных памятников XVIII–XIX вв.) эксплицировать незафиксированные в лексикографических источниках примеры калькированных с немецкого языка единиц русского языка;
- определить статус калькирования в системе средств пополнения словарного состава языка посредством языковых контактов, на основе дифференциации между переводом и заимствованием;
- определить место калек в словарном составе языка, их отношение к исконной и заимствованной лексике;
- выявить основополагающие интралингвистические факторы для выделения калькированных единиц среди лексем языка;
- выявить общую типологию классифицирующих признаков калькированных единиц на основе анализа существующих в современном языкознании классификаций калек;
- проанализировать виды лексического калькирования и обосновать приемы калькообразования по немецким образцам;
- выявить структурные и семантические преобразования лексем в процессе калькирования с немецкого языка на русский.

Методы исследования материала определены целью, задачами, объектом и предметом данной работы:

- сравнительно-сопоставительный метод использовался с целью системного сравнения единиц языка-донора и языка-реципиента для выявления структурных и семантических преобразований в процессе калькирования;
- метод сплошной выборки из лексикографических изданий применялся при отборе эмпирического материала;
- метод структурно-семантического анализа лексических единиц использовался с целью установления общих и отличительных свойств и признаков структуры и лексического значения калькированной единицы в языке-реципиенте и образца калькирования в языке-доноре);

- метод контекстуального анализа представлен исследованием контекста в памятниках русской письменности XVIII–XIX вв. с целью выявления оттенков значений кальки и ее образца, а также для выявления калькированных с немецкого языка единиц русского языка;
- этимологический анализ проводился как анализ внутренней формы слова для установления мотивированности номинации;
- метод хронологического описания применялся с целью установления факта возникновения, процесса формирования и развития, а также фиксации в словарях объекта исследования, как следствие его «признания» языком-реципиентом.

Методологической и теоретической базой исследования служат труды отечественных и зарубежных ученых:

– в области лексикологии, в частности, словообразования, семантики, калькирования, заимствования: Н.С. Араповой [Арапова, 2000], И.В. Арнольд [Арнольд, 1959], Ш. Балли [Balli, 1909], Э. Бак [Back, 1935], В. Бетца [Betz, 1949], Л.А. Булаховского [Булаховский, 1953], В.В. Виноградова [Виноградов, 1938, 1955, 1994], А.А. Горбова [Горбов, 2016], Л.П. Ефремова [Ефремов, 1958, 1960, 1961, 1974], К.Э. Зоммерфельдта [Sommerfeldt, 1990], Е.В. Мариновой [Маринова, 2012], И.Ф. Наркевича [Наркевич, 1973], А.К. Палий [Палий, 1991], Л.А. Пономаренко [Пономаренко, 1965], К. Сандфельд-Енсена [Sandfeld Jensen, 1912], Ю.С. Сорокина [Сорокин, 1965], Б. Унбегауна [Unbegaun, 1932], В. Флейшера [Fleischer, 1987], К. Флекенштейн [Флекенштейн, 1963] Н.М. Шанского [Шанский, 1955, 1959, 1963, 1968];

– в области переводоведения: В.Н. Комиссарова [Комиссаров, 1990], Л.Л. Нелюбина [Нелюбин, 2009];

– в области контактологии: Ж. Багана [Багана, 2007, 2008, 2010], Н.С. Трубецкого [Трубецкой, 1987], В.П. Хабирова [Хабиров, 2012];

– в области когнитивной лингвистики: В.А. Масловой [Маслова, 2008], З.Д. Поповой [Попова, 2010].

Материал исследования представляет собой лексические единицы, отобранные из письменных памятников XVIII–XIX вв. – периода перелома в развитии русского литературного языка, о чем свидетельствуют работы Н.И. Греча [Греч, 1847], Я.К. Грота [Грот, 1873], А.С. Шишкова [Шишков, 1824]. Это, прежде всего, труды ученых, которые внесли большой вклад в развитие научного и философского знания, например, А.И. Герцена [Герцен, 1875–1879], Н.М. Карамзина [Карамзин, 1802, 1848], Г. Лотце [Лотце, 1886], А. Риль [Риль, 1887; Riehl, 1887], Ф. фон Цейллера [фон Цейллер, 1809; von Zeiller, 1802], а также произведения писателей и переводчиков, которые оказали влияние на развитие русского литературного языка, например, В.Г. Белинского [Белинский, 1859–1862, 1898, 1906–1907], Ап.А. Григорьева [Григорьев, 1915–1916] и других. Кроме того, в отборе калькированных единиц использовались периодические издания указанного периода, потому как в них быстрее всего отмечались языковые изменения: часто к новому слову в переводных журнальных статьях указывался иностранный эквивалент. Среди журналов выделяются такие, как «Библиотека для чтения» [Библиотека для чтения, 1835, 1838, 1860], «Вестник Европы» [Вестник Европы, 1814, 1873, 1907], «Отечественные записки» [Отечественные записки, 1825, 1840, 1859, 1861, 1864, 1880], «Русский вестник» [Русский вестник, 1859, 1860, 1862, 1877, 1884], «Современник» [Современник, 1860]. Это своего рода прогрессивные источники информации того времени, где публиковались переводы иноязычных статей, а значит они являлись отражением межкультурных и межъязыковых контактов.

Источником лексикографического анализа послужили следующие словари, представленные в хронологической последовательности их издания: Немецко-латинский и русский лексикон [Вейсман, 1731]; Российский Целлариус [Гельтергоф, 1771]; Российский, с немецким и французским переводами, словарь [Нордстет, 1780]; Словарь Академии Российской [САР, 1789–1794]; Новый и полный словарь [Гейм, 1796–1797]; Полный немецко-русский лексикон, из большого граматикально-критического словаря господина Аделунга

составленный, с присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений [Аделунг, 1798]; Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в Церковно-Славянском и Российском наречиях употребляемых [Соколов, 1834]; Новый карманный словарь русского, французского, немецкого и английского языков [Рейф, 1844]; Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук [СЦСРЯ, 1847]; Новые параллельные словари языков русского, французского, немецкого и английского [Reiff, 1875; Рейф, 1876]; Толковый словарь живого великорусского языка [Даль, 1863–1866, 1880–1882, 1903–1905]; Настольный словарь для справок по всем отраслям знания [Толль, 1863–1866]; Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи [Долопчев, 1886]; Толковый словарь русского языка [Ушаков, 1935–1940].

Немецкие калькируемые объекты изучались на базе онлайн-словарей, представленных в настоящее время в сети Интернет. Это, прежде всего, DWB-online: Deutsches Wörterbuch von J. und W. Grimm (Немецкий словарь братьев Гримм, 1854–1961) [DWB-online, Электронный ресурс] и DUDEN-online: Das große Wörterbuch der deutschen Sprache – Большой словарь немецкого языка из серии ДУДЕН, объединяющий в себе толковый, орфографический, этимологический и прочие словари [DUDEN-online, Электронный ресурс]. Другим важным источником лексикографической информации является электронный ресурс DWDS: Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache, представляющий собой кроме всего прочего корпус текстов различной тематики [DWDS-online, Электронный ресурс], что имеет особое значение для диссертационного исследования.

Исследование функционирования калек русского языка по немецким образцам выполнено в рамках контактологии на базе оригинальных и переводных с немецкого языка произведений художественной литературы, науки, философии. В качестве источника аутентичных текстов используются книги, журналы XVIII–

XIX вв. и Интернет-ресурсы, основными из которых являются электронно-библиотечная система «КнигаФонд», сервис полнотекстового поиска по книгам «Google Книги».

Информационную базу диссертационного исследования представляют:

- 1) научные источники в виде данных и сведений из книг, журнальных статей, научных докладов, материалов научных конференций;
- 2) источники иллюстративного материала в виде письменных памятников XVIII–XIX вв.;
- 3) Интернет-ресурсы в качестве источника научно-теоретического и иллюстративного материала в виде электронных версий книг, журналов;
- 4) результаты собственного анализа калькированных единиц.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в разрешении ряда теоретических и практических проблем:

- осуществлено комплексное рассмотрение сопряженных экстра- и интралингвистических факторов процесса калькирования;
- разработана полидифференциальная типология немецкоязычных калек в составе русского языка (на материале лексики XVIII–XIX вв.);
- определены структурные модели калек в результате контактов немецкого и русского языков XVIII–XIX вв.;
- выявлена система средств выражения связи между компонентами калькированной единицы в языке-прототипе и языке-реципиенте – от автохтонных до заимствования;
- вскрыт морфологический фундамент калькирования, показана приоритетная роль основы слова в рецепции новых для языка-рецептора лексических единиц;
- показан вклад калек немецкого языка в развитие способов номинации в русском языке.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в дополнении существующих в лингвистике знаний по лексикологии, сопоставительной лингвистики, сравнительной типологии и контактологии. Разработанная полидифференциальная типология структурно-семантических калек носит универсальный характер и может найти применение в ходе дальнейших исследований проблем калькирования на материале иных национальных языков. Полученные результаты способствуют уточнению причин процесса калькирования и закономерностей формирования его результата – калек, расширяют систему знаний о принципах, структуре и семантике калькированных единиц в номинативных процессах языка-реципиента.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что полученные результаты работы могут найти свое применение в практических курсах русской и немецкой лексикологии, в практике перевода и могут служить источниковедческой базой при составлении исторических, толковых, этимологических и лингвистических словарей. Результаты исследования могут послужить улучшению лексикографической практики: расширению эмпирической базы и совершенствованию принципов семантизации и филиации этимологических и словообразовательных словарей.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Лексическое калькирование является результатом межкультурного и межъязыкового взаимодействия. Калькирование является продуктивным способом обогащения словарного состава русского языка XVIII–XIX вв., обусловлено тесным взаимодействием экстра- и интралингвистических факторов.

2. При калькировании происходит не просто и не только перевод элементов, составляющих иноязычный образец в языке-прототипе, и заимствование внутренней формы объекта калькирования, а интерпретация и усвоение средствами языка-реципиента способа номинации, выявленного у образца.

3. Традиционное представление о словообразовательном калькировании как о поморфемном переводе неоправданно ограничивает рамки понятия словообразовательного калькирования воспроизведением морфологической структуры. При калькировании происходит усвоение внутренней формы иноязычного образца, перенесение понятия в язык-реципиент и, вместе с тем, перенесение отношения между составляющими кальки. В то же время способ выражения этого отношения данных компонентов слова языка-прототипа принадлежит языку-реципиенту. Средства выражения варьируются от полностью автохтонных до заимствования одного из элементов (в случае полукалькирования).

4. Морфологическим фундаментом, на базе которого осуществляются операции по интерпретации и усвоению калькированных единиц, является основа слова.

5. Словообразовательные кальки легче распознаются носителями языка-реципиента, чем семантические и активнее участвуют в процессах дальнейшего словообразования.

Апробация исследования. Основные положения диссертационной работы и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета и нашли отражение в 10 опубликованных статьях, из них 4 – в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, а также апробированы в докладах, представленных на международных научных конференциях: «Лингвокультурные взаимодействия. Роль родного и иностранного языков в подготовке учителя» (Московский государственный областной гуманитарный институт, Орехово-Зуево, 2008), «Центральная Россия как уникальный европейский центр лингвокультурного и интеркультурного взаимодействия» (Московский государственный областной гуманитарный институт, Орехово-Зуево, 2010), «Русское слово: Синхронический и диахронический аспекты» (Московский государственный областной

гуманитарный институт, Орехово-Зуево, 2012), «Наука сегодня: проблемы и перспективы развития» (Научный центр «Диспут», Вологда, 2016), «Перевод и когнитология в XXI веке» (Московский государственный областной университет, Москва, 2016), «Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации» (Курский государственный медицинский университет, Курск, 2018).

Структура диссертационного исследования определена логикой решения поставленных задач исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

Во введении обосновывается актуальность диссертационного исследования, определяются объект и предмет исследования, формулируется цель и основные задачи, представлены методы исследования, освещается методологическая, теоретическая и информационная база, характеризуется научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов работы, сформулированы положения, выносимые на защиту, представлены материалы по апробации работы.

В первой главе освещаются основные проблемы явления калькирования, определяется место калькированных единиц в лексической системе языка, их взаимосвязь с заимствованием и переводом, приводятся существующие классификации калькированных единиц, на основе обобщения классифицирующих признаков калькированных единиц выстроена их полидифференциальная типология.

Во второй главе проводится сопоставительный анализ словообразовательных калек XVIII–XIX вв., как результата наиболее продуктивного типа лексического калькирования, и их немецких образцов, как объекта калькирования, представлена характеристика типов словообразовательного калькирования с учетом структурной точности и семантической полноты кальки по отношению к иноязычному образцу.

В заключении подведены итоги проведенного анализа и намечаются перспективы дальнейшего исследования данной проблематики.

В списке литературы приводится перечень использованной научной литературы, словарей и справочников, источников лингвистического материала.

Глава 1. Онтологическая сущность калькирования как объекта лексикологии и контактологии

На явление калькирования начали обращать внимание еще в XVIII в. Примечательно высказывание Н.М. Карамзина в письме к Ш. Бонне (Женева, январь, 1790) по поводу богатства русского языка и перевода зарубежных книг на русский язык: «...языкъ нашъ хотя и богатъ, однакожъ не такъ обработанъ, какъ другіе, и по сіе время еще весьма немногіе философическія и физическія книги переведены на Русской. Надобно будетъ составлять или выдумывать новыя слова, подобно какъ составляли и выдумывали ихъ Нѣмцы, начавъ писать на собственномъ языкѣ своемъ...» [Карамзин, 1848, т. 2, с. 345].

Таким образом, великий русский историк и литератор обозначает проблему передачи иноязычной лексики и понятий на русский язык и способ компенсации недостатка лексических единиц при переводе.

В конце XIX в. Я.К. Грот при описании развития русского литературного языка отмечает особую роль заимствования в ходе различных языковых контактов. Заимствование иноязычной лексики он называет самым легким способом обогащения словарного состава языка. При этом язык, согласно Я.К. Гроту, следует «троякому пути»:

- 1) усваивает иностранные слова без изменений (*библия, солдат, протест*);
- 2) переделывает их по-своему (*церковь, налой, футляр, тарелка*);
- 3) «переводить слово и употребляет словосоставленія по чужезычному образцу, напр.: *благославлять, провидѣніе, побѣдоносный, землеописаніе, любомудріе, вліяніе, трогательный, послѣдовательность, цѣлесообразный*» [Грот, 1873, с. 2].

Таким образом, Я.К. Грот в последнем варианте усвоения иноязычной лексики видит калькирование, выделяет его среди заимствований и сопоставляет с переводом.

С тех пор круг исследований, посвященных данному вопросу, неизменно расширяется. Однако до сих пор нет единого мнения относительно места калек в структуре языка. В настоящее время существуют проблемы как с формулировкой четкой дефиниции кальки, учитывающей все особенности данного явления, так и с разработкой классификации калькированных единиц. Именно поэтому данная глава открывает настоящее исследование.

Основными **задачами** первой главы являются:

1. Хронологическое описание истории вопроса.
2. Определение места кальки в структуре языка и ее взаимосвязи с заимствованием и переводом.
3. Формулировка дефиниции явления калькирования.
4. Описание существующих классификаций калькированных единиц.
5. Обобщение классифицирующих признаков калькированных единиц.

Глава состоит из трех частей. В первой части представлена историография вопроса, рассматриваются в хронологическом порядке труды отечественных и зарубежных лингвистов. Здесь предпринята попытка установить положение калек в языковой структуре, сформулировать определение калькирования в русском языке.

1.1. Проблемы определения кальки и ее места в лексическом составе языка: отношение кальки к заимствованию, к исконному слову, к переводу

Наиболее активно кальками интересовались в XX в. С 10-х гг. XX в. в отечественной и зарубежной лингвистике представлено большое количество

работ, посвященных данной теме. Тем не менее, до сих пор вопрос дефиниции данного термина остается открытым.

Проблема определения кальки тесно и напрямую зависит от того, с какой точки зрения по отношению к исконной, заимствованной, переводной лексике рассматривать это явление.

Исходя из этого, будем приводить хронологическое описание исследований понятия «калька» и параллельно рассматривать отношение этого явления к заимствованию, к исконному слову, к переводу.

Термин «калька» встречается в работе Ш. Балли “*Traité de stylistique française*” (1909). Автор отмечает, что исследование подобного явления только начинается и его трудно отличить от независимых образований в языке. Под кальками (*les calques*) он понимает слова и выражения, образованные путем механического перевода иностранных слов и выражений [Balli, 1909, с. 49]. Например, немецкое *unterdrücken* «угнетать, подавлять» – калька с латинского *supprimere*.

Выделяя общие черты кальки и заимствования, ученый настаивает, что эти явления нельзя четко разграничивать, так как их отличие состоит лишь в форме, а по происхождению и по своим свойствам эти явления почти не отличаются. Они имеют одну причину своего возникновения – взаимовлияние языков и культур, которое выражается в языковых новообразованиях, а также они играют одинаковую роль в пополнении словарного состава.

По мнению Ю.С. Сорокина данная работа считается отправной точкой изучения калек [Сорокин, 1965, с. 164].

Последователем Ш. Балли в 1912 г. становится К. Сандфельд-Енсен. В своей статье “*Notes sur les calques linguistiques*” он рассматривает кальку, как одну из форм взаимовлияния языков, исходя из близости их происхождения. В отличие Ш. Балли, главную роль в процессе калькирования автор возлагает на перевод.

Поскольку данное явление лишь начинает привлекать внимание лингвистов, К. Сандфельд-Енсен не дает четкого определения калькированным единицам. Для

их обозначения он использует несколько терминов: лингвистические кальки (*les calques linguistiques*), переводные заимствования (*emprunts du traduction*), калькированные выражения (*expressions calquées*) [Sandfeld Jensen, 1912, p. 166].

С 30-х гг. XX в. вопросы терминологии калек волнуют многих лингвистов. В научной литературе употребляются самые разные дефиниции, которые говорят о подходе каждого автора к проблеме.

Основные исследования по рассматриваемой проблематике этого периода – статья Б. Унбегауна “*Le calque dans les langues slaves littéraires*” (1932) и работа Э. Бак “*Wesen und Wert der Lehnübersetzung*” (1935).

Б. Унбегаун разделяет кальки и непосредственные заимствования следующим образом: заимствование – это перенос формы звуковой и формы значащей; в кальке заимствуется значение, а внешняя форма принадлежит заимствующему языку. Таким образом, он определяет кальку, как заимствование внутренней формы, и показывает ее сходство и отличие от заимствования [Unbegaun, 1932, p. 16, 19].

Исследователь подчеркивает, что калька всегда основывается на билингвизме. Ее характер зависит от того, в каких культурных слоях общества билингвизм распространен. Если это те слои, которые определяют развитие литературного языка, то калька обязательно будет иметь более или менее научный характер [Unbegaun, 1932, p. 21].

Рассматривая роль кальки в отдельных славянских языках, автор приходит к выводу, что чешский, словенский, хорватский и лужицкий языки калькировали прежде всего слова немецкого языка. Этому способствовала распространенность немецкого языка в этих странах (так как калькирование предполагает хорошее знание языка, с которого калькируют), структурная близость славянских и немецкого языков, а также исторические причины. Эти страны долгое время входили в состав немецкого или австрийского государства, их интеллигенция часто получала или завершала свое образование в Вене, самый распространенный

иностранный язык был немецкий. Именно в этом следует искать причины, почему данные славянские языки калькировали преимущественно с немецкого.

Таким образом, Б. Унбегаун выделяет три основных фактора, оказывающих влияние на процесс калькирования: географический, лингвистический, исторический.

С точки зрения Э. Бак при образовании переводных калек речь идет о пословной передаче компонентов, что является их существенным признаком [Bacq, 1935, S. 11]: существующие компоненты выступают в ранее несуществующей комбинации, меняют свое значение и получают новое, ранее неизвестное. В образовании семантической кальки большое значение имеет звуковое сходство.

Э. Бак различает «заимствование», «иностранное слово» и «кальку» в зависимости от степени их самостоятельности: переводная калька зависит от иностранного слова с содержательной стороны, хотя самостоятельность этого слова относительна, так как языковая структура иностранного слова является образцом для кальки. Таким образом, Э. Бак делит слова-кальки на три группы:

1) слова, основанные на мифологических представлениях, которые нам чужды (например, *яблоко раздора* – *Zankapfel*). По ее мнению такие слова самостоятельно не возникали бы;

2) слова, содержание которых не обусловлено «духом народа». Они могли бы возникнуть самостоятельно, но без чужого влияния они возникли бы позже. Следовательно, в этой группе калькирование ускорило развитие;

3) слова, которые могли бы возникнуть независимо от влияния другого языка.

Наряду с вышеуказанными работами, вопрос калькирования затрагивает В.В. Виноградов. При выявлении калек он обращает внимание на морфологическую структуру. Анализируя «Приложения» к работе М. Сменцовского «Братья Лихуды», он отмечает наличие общих форм лексики и семантики в греческом и церковно-славянском языках. Эти общие формы

В.В. Виноградов называет морфологическими снимками, кальками, например, *евангелие – благовестие*. При этом автор вводит этот термин сначала в кавычках [Виноградов, 1938, с. 10]. Далее, рассматривая влияние латинского языка на русский, ученый употребляет понятие *калька* уже без кавычек, но все еще дает пояснения, что это снимки с латинских слов и выражений (лат. *interjectio* – рус. *междометие*, лат. *Silentiumservare* – рус. *хранить молчание*) [Там же. С. 31]. Несмотря на значимость работы, в ней нет еще сформулированного определения кальки.

Таким образом, в 30-х гг. XX в. намечаются основные тенденции в исследовании явления калькирования. Исследователи подходят к рассмотрению калек с точки зрения заимствования и перевода, с одной стороны, и обращают внимание на внутреннюю форму, с другой стороны.

Начиная с 50-х гг. XX в. и до настоящего времени, ученые предлагают разные дефиниции и придерживаются разных точек зрения о месте кальки в языковой системе.

Л.А. Булаховский и И.В. Арнольд смешивают калькирование с заимствованием и переводом.

Л.А. Булаховский определяет кальки как способ передачи возникших на чужой почве названий с сохранением их морфологической структуры или, в случаях, если понятие обозначается сочетанием слов, – более или менее точным переводом составных частей. Описывая процесс формирования калек, исследователь говорит о том, что языки перенимают друг у друга только образы слов, при этом язык-реципиент образует новое слово из собственного материала по примеру морфологической структуры иноязычного образца [Булаховский, 1954, с. 107, 123].

Он отводит калькам роль параллельную заимствованиям: они обогащают словарный состав языка путем «обеспечения его знаками для новых понятий» [Там же. С. 107].

И.В. Арнольд считает кальки одним из типов заимствования, а именно заимствованием в виде буквального перевода иностранного слова или выражения [Арнольд, 1959, с. 181]. Таким образом, калька – это точное воспроизведение иностранного слова или выражения средствами принимающего языка с сохранением морфологической структуры и мотивировки. Понятие «мотивировка» мы используем вслед за Ю.С. Масловым: заключенное в слове и осознаваемое говорящими «обоснования» звукового облика конкретного слова [Маслов, 1987, Электронный ресурс]. И.В. Арнольд различает фонетические заимствования, кальки, семантические заимствования и заимствования словообразовательных элементов [Арнольд, 1959].

Таким образом, оба исследователя отмечают сохранение морфологической структуры при калькировании, при этом И.В. Арнольд говорит о мотивировке.

Включение калек в категорию заимствований, но при этом проведение некоторой границы между калькой и заимствованием, является традиционным в работах Н.М. Шанского, а позже Л.П. Крысина.

Н.М. Шанский различает заимствования (иноязычные слова и выражения) и кальки, отмечая, что при словообразовательном калькировании не наблюдается материального заимствования, заимствованной оказывается лишь словообразовательная структура слова [Шанский, 1955, с. 29]. Автор характеризует калькирование, как заимствование словообразовательного строения [Там же. С. 30].

Л.П. Крысин определяет калькирование как семантическое заимствование, то есть появление в слове значения «под давлением» иноязычного образца [Крысин, 1965, с. 109].

Таким образом, оба ученых понимают под калькой заимствование либо словообразовательного строения, либо лексического значения.

Р.А. Будагов считает кальки особым видом заимствования. Они составляют большую часть культурно-исторических заимствований, а именно ту группу слов, которые создаются в языке-реципиенте по аналогии с языком-донором. Кальки –

это слова, не заимствующие материальную основу соответствующих им иностранных слов, но имеющие predetermined ими структуру [Будагов, 1965, с. 137].

Более категоричную точку зрения по поводу разной природы кальки и заимствования имеет Л.П. Ефремов. По его мнению, заимствование и калькирование являются разными способами усвоения «вещественного значения» иноязычного слова [Ефремов, 1958, с. 10]. Калькирование – это особое лингвистическое явление, отличительной чертой которого является то, что не учитывается материальная (звуковая) оболочка иноязычного слова, не заимствуется «вещественное значение» [Ефремов, 1961, с. 117–118]. «Вещественное значение» при калькировании раскрывается и становится понятным путем перевода.

Таким образом, по мнению исследователя, обязательным условием калькирования является перевод словообразовательной основы иноязычного слова, от которого был образован объект калькирования. А перевод – это уже не есть заимствование. Однако, если согласиться с этим утверждением, можно зайти в тупик при анализе полукалек, где одна часть является заимствованием, а другая переводом.

Кроме того, Л.П. Ефремов, рассмотрев взаимоотношения калек и заимствований, выявил некоторые особенности обоих явлений. Так, например, он противопоставляет кальки заимствованиям на основании того, что образование кальки потенциально возможно без обращения к другим языкам, а заимствования, наоборот, невозможно создать из наличного лексического материала [Ефремов, 1960, с. 24–25].

Мы категорически не согласны с данным утверждением, так как языковые факты, которые будут описаны во второй главе данного исследования, подтверждают возникновение калек именно под иноязычным влиянием. Словообразовательные кальки воспроизводят структуру иноязычного слова, а суть семантических калек состоит в том, что они используются именно под

иноязычным влиянием в раньше не присущем им значении. Таким образом, образование калек невозможно без обращения к другим языкам.

Изучением калек по немецкой модели в русском литературном языке занималась К. Флекенштейн. Она дает следующее определение кальки: «Кальки – это слова или словосочетания, которые опираясь на структуру иноязычной модели, воспроизводят ее теми же или близкими средствами родного языка». При этом К. Флекенштейн отмечает, что выбор этих средств, степень точности в выборе морфологических элементов, зависит от структуры обоих языков [Флекенштейн, 1963, с. 33]. Однако это не механическое копирование по частям, а творческий процесс, в результате которого отражаются особенности языка-прототипа и языка-реципиента.

На наш взгляд, данная дефиниция больше подходит для характеристики словообразовательных калек, подробный анализ которых будет представлен в следующей главе нашего исследования. В указанном определении ничего не сказано о семантике, хотя К. Флекенштейн не раз подчеркивает, что отличительная черта калек заключается в заимствовании значения [Там же. С. 32].

Ю.С. Сорокин считает, что данный термин применим только к таким словам и словосочетаниям, семантика и структура которых точно отвечает семантике и структуре иностранных слов и выражений и о которых можно сказать определенно, что они возникли под воздействием соответствующих образцов как их перевод и буквальная передача [Сорокин, 1965, с. 165], например, русское существительное *сверхчеловек* является точной копией немецкого *Übermensch*.

Исследователь различает прямые кальки (рус. *подвид* – нем. *Unterart*) и семантическую индукцию (замена термину «семантические кальки») (рус. *сливки* – франц. *crème* в значении «сливки общества») [Там же. С. 166].

И.Ф. Наркевич лексическую кальку называет термином «калькированное заимствование», под которым понимает покомпонентное «воспроизведение внутренней формы оригинала с разной степенью приближенности в совокупности

с заимствованием соответствующего значения» [Наркевич, 1973, с. 72]. Он считает, что «при калькировании происходит ... заимствование внутренней формы оригинала» [Там же. С. 18], с чем нельзя не согласиться.

В. Флейшер и К.Э. Зоммерфельдт относят кальки (Lehnprägungen) к категории заимствований [Sommerfeldt, 1997, S. 161], а именно к непрямым заимствованиям [Fleischer, 1987, S. 277]. Немецкие исследователи характеризуют процесс калькирования как номинацию, которая осуществляется за счет использования языковых средств языка-реципиента.

А.К. Палий считает, что термин «лексическое калькирование» намного шире обозначаемого им явления, а «название типа калькирования должно отражать именно то, что калькируется» [Палий, 1991, с. 20]. Поэтому он вводит такое понятие как «калькирование внутренней формы».

О.В. Матвеева называет кальки опосредованными заимствованиями, определяющим характером образования которых является наличие иностранного слова-прототипа [Матвеева, 2005, с. 72]. Автор рассматривает данное явление как результат пересечения языковых систем различных культурных сообществ, служащий для передачи понятия, принадлежащего чужой культуре.

Вышеизложенные описания рассматриваемого понятия в разные временные периоды, начиная с 50-х гг. XX в., наглядно показывают, что место калек в лексике до сих пор является спорным. Чаще всего их считают типом заимствования и рассматривают вместе с заимствованиями.

При калькировании основным является заимствование понятия в связи с определенной внутренней формой. Это приводит к тому, что в процессе калькирования могут возникать ошибки из-за неправильного морфологического членения слова или неверного понимания образа, положенного в основу образца калькирования. Например, лат. *aquilegia* – *водосбор* (aqua «вода» + legere «собирать») из-за ошибочного восприятия лат. *aquila* – *орел* было передано в русском языке словом *орлики* [Арапова, 2000, с. 8]. Напротив, при прямом заимствовании внутренняя форма заимствуемого слова игнорируется.

Процесс калькирования основывается на способности носителя языка-реципиента приблизить заимствование к своей родной языковой системе путем переосмысления и разложения исходного понятия на морфемы для того, чтобы понять мотивацию, положенную в основу данной номинации и воплотить внутреннюю форму иноязычного слова средствами родного языка [Матвеева, 2005, с. 95]. Исходя из природы калек, сущности калькирования, можно говорить о том, что по происхождению кальки связаны с несколькими языками, несут на себе отпечаток и калькирующего языка, так как калькирование происходит в рамках этого калькирующего языка и служит для его обогащения. Поэтому, с одной стороны, кальки нельзя относить полностью только к исконному лексическому составу, а с другой стороны, их нельзя относить и только к заимствованной лексике. Таким образом, кальки занимают промежуточное место между исконной и заимствованной лексикой.

Вопрос взаимоотношений калек и заимствований, с одной стороны, и калек и перевода, с другой стороны, представляет для нас интерес, так как он помогает лучше понять сущность калькирования и определить положение калек в структуре языка. Как видно из выше представленных описаний теорий калькирования, иногда его смешивают с переводом. Поэтому необходимо уделить внимание понятию «перевод». Слово *перевод* в русском языке неоднозначно. Оно обозначает и специальный вид человеческой деятельности, и ее результат. Л.Л. Нелюбин понимает под переводом процесс межъязыковой трансформации устного или письменного текста в языке-источнике в соответствующий текст на языке перевода, потому что и сам процесс перевода, и его результат протекают в двуязычной (межъязыковой) ситуации [Нелюбин, 2009, с. 7, 8]. Этот термин включает в себя понятие передачи информации какого-либо произведения речи средствами другого языка, а также отыскание в другом языке средств для наиболее полной передачи его художественных особенностей [Ахманова, 2004, с. 316]. Процесс перевода заключается в анализе формы исходного сообщения на одном языке, синтеза содержания воспринятого и передачи его на другом языке.

Это способ семантизации лексики, раскрытие значения слова средствами другого языка. В зависимости от того, в каком соотношении находятся значения родного и иностранного слова, возможен перевод одним словом или словосочетанием, с помощью нескольких слов родного языка, с дополнительным пояснением [Азимов, Щукин, 2009, с. 194].

Нас интересует перевод с точки зрения калькирования или сопоставительной лексикологии. Так, например, И.Ф. Наркевич выявляет одну общую черту у перевода и калькирования: механизм передачи информации, то есть когда морфемы одного языка передаются соответствующими морфемами другого языка. В то же время автор указывает на различные результаты рассматриваемых явлений: при калькировании возникает новая лексема, а при переводе нет [Наркевич, 1973, с. 90–91]. Следовательно, калькирование обогащает лексико-фразеологический состав языка, а перевод только передает информацию речевого или художественного произведения.

А.К. Палий под переводом понимает замену иноязычных лексем их смысловыми эквивалентами в языке. В результате перевода не образуется новое слово, оно уже существует в языке перевода и употребляется в процессе перевода как эквивалент иноязычной лексемы. Калькирование, наоборот, приводит к образованию новой лексемы или выражения в языке-реципиенте.

Таким образом, оба исследователя имеют единую точку зрения на результаты рассматриваемых процессов, с чем нельзя не согласиться. При этом И.Ф. Наркевич сравнивает калькирование и перевод, как два независимых языковых явления, А.К. Палий же рассматривает перевод как одну из составляющих калькирования. Он выделяет следующие этапы в создании кальки [Палий, 1991, с. 143]:

1) имитация отношения означающее – означаемое (при фразеологическом калькировании) или имитация внутренней формы иноязычного образца (при калькировании внутренней формы, другими словами, словообразовательном калькировании);

- 2) перевод составных частей иноязычного образца;
- 3) образование выражения-кальки.

На основании этого автор делает вывод, что калькирование представляет собой более широкое явление, чем перевод, включая его в свой процесс.

Мы не согласны с данной констатацией, так как исследователь переносит частные признаки на общее понятие. При формировании этапов создания калек А.К. Палий выделяет виды калькирования и соотносит их с переводом, а вывод делает по всему явлению в целом.

Другую точку зрения на взаимоотношение калькирования и перевода имеет Л.Л. Нелюбин. Он называет калькирование одним из основных способов перевода лексических безэквивалентных единиц, то есть тех единиц лексики, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексем языка перевода [Нелюбин, 2009, с. 51]. Этот способ осуществляется путем замены составных частей лексемы (морфем или слов) языка-источника их соответствиями в языке перевода [Там же. С. 56].

Такой же точки зрения придерживаются все современные исследователи, занимающиеся вопросами перевода. Например, И.В. Журавлева так определяет калькирование: это «способ перевода слов и словосочетаний, при котором каждое отдельное слово переводится буквально» [Журавлева, 2016, с. 20]. Несомненно спорным здесь является утверждение о буквальности перевода. Так, например, русское *душераздирающий* калькирует немецкий образец *herzzerreißend* (нем. *Herz* ‘сердце’, *zerreißen* ‘разрывать’), при этом, как видно, первый компонент *душе-* не является буквальным переводом немецкого *Herz*. Ключевым моментом в данной дефиниции является то, что калькирование признается способом перевода.

Анализируя мнения ученых о явлении калькирования, мы констатируем отсутствие единства в толковании этого понятия. Во-первых, калькирование приравнивается к переводу. Эта точка зрения господствовала на начальном этапе изучения калек – в начале XX в. (К. Сандфельд-Енсен, Э. Бак), существует она и в 60-х гг. XX в., (Л.П. Ефремов, Ю.С. Сорокин), и в настоящее время

(И.В. Журавлева). Во-вторых, калькирование приравнивается к заимствованию (И.Ф. Наркевич, В. Флейшер, К.Э. Зоммерфельдт, О.В. Матвеева). Данное мнение встречается со второй половины XX в. Существуют и такие определения калькирования, в которых оно соотносится и с переводом, и с заимствованием (Л.А. Булаховский, И.В. Арнольд). Таким образом, в современном языкознании нет единой точки зрения по поводу выделения общего признака, который отражает все характерные стороны процесса калькирования и его результата – кальки. В свою очередь это приводит к отсутствию единой классификации калькированных единиц, что наглядно представлено во второй части данной главы.

Во второй части первой главы нашей работы рассматриваются различные классификации калек. Для того, чтобы не нарушать хронологию, классификации даются в том же порядке, что и описания в первой части.

1.2. Успехи и проблемы типологизации калькированных единиц

Каждый из ученых, исследовавших проблемы калькирования, старался классифицировать кальки. Первая классификация калек принадлежит К. Сандфельд-Енсену, который различает три категории:

1. Семантическое заимствование (*emprunt sémantique*). Например, в польском и чешском языках слово *zamek* означает как «запирающее устройство», так и «замок, крепость» под влиянием немецкого *Schloss*, также и в русском языке слово *замок* имеет разные значения в зависимости от того, какой слог является ударным [Sandfeld Jensen, 1912, p. 167].

2. Слова, образованные путем перевода. Например, от французского *découvrir* образовано немецкое *entdecken* (букв. рус. *открывать*). К данной категории автор относит сложные или производные слова.

Здесь он выделяет несколько подгрупп:

а) точный перевод каждой части сложного слова (лат. *paeninsula* – франц. *presqu'île* (букв. рус. *почти-остров*); франц. *demi-monde* – нем. *Halbwelt* – рус. *полусвет*) [Sandfeld Jensen, 1912, p. 168];

б) более свободный перевод (лат. *paeninsula* – нем. *Halbinsel*);

в) суффиксальные образования, не все суффиксы которых переводятся точно, или которые передаются сложным словом (лат. *atramentum* – слов. *černilo*; лат. *purgatorium* – нем. *Fegefeuer*);

г) случаи, когда переводится только половина слова (нем. *Baumwolle* – польск. *bawełna*) [Sandfeld Jensen, 1912, p. 169].

3. Переводы фразеологических единиц (франц. *faire la cour* – нем. *den Hof machen*) [Sandfeld Jensen, 1912, p. 169].

Таким образом, исследователь намечает основную проблему калькирования, то есть что брать за основу выявления калек.

Б. Унбегаун различает [Unbegaun, 1932, p. 21]:

1) семантические кальки (*les calques sémantiques*), сущность которых заключается в заимствовании какого-либо из переносных значений иноязычного слова, имеющем прямое соответствие в воспринимающем языке, что ведет к обогащению семантической структуры (слов. *brati* в значении «читать» от нем. *lesen*, который в свою очередь имеет также смысл «пожинать, собирать плоды»);

2) фразеологические кальки (*les calques phraséologiques*), которые состоят не только в буквальном переводе иноязычных фразеологических оборотов, но и в заимствовании внутренней формы (слов. *imetismolo*, нем. *Pech haben* «потерпеть неудачу»).

Таким образом, классификация Б. Унбегауна не так разнообразна, как у К. Сандфельд-Енсена. Однако в ней есть принципиальное отличие: к какому бы виду не относились кальки, они всегда отличаются наличием внутренней формы, которую копируют с иноязычного образца.

В конце 40-х гг. XX в. была разработана подробная классификация калек. В. Бетц в работе “Deutsch und Lateinisch” [Betz, 1949] создал сложную иерархическую систему, классифицируя калькированные единицы или заимствованные формы (Lehnprägungen) следующим образом (см. рис. 1):

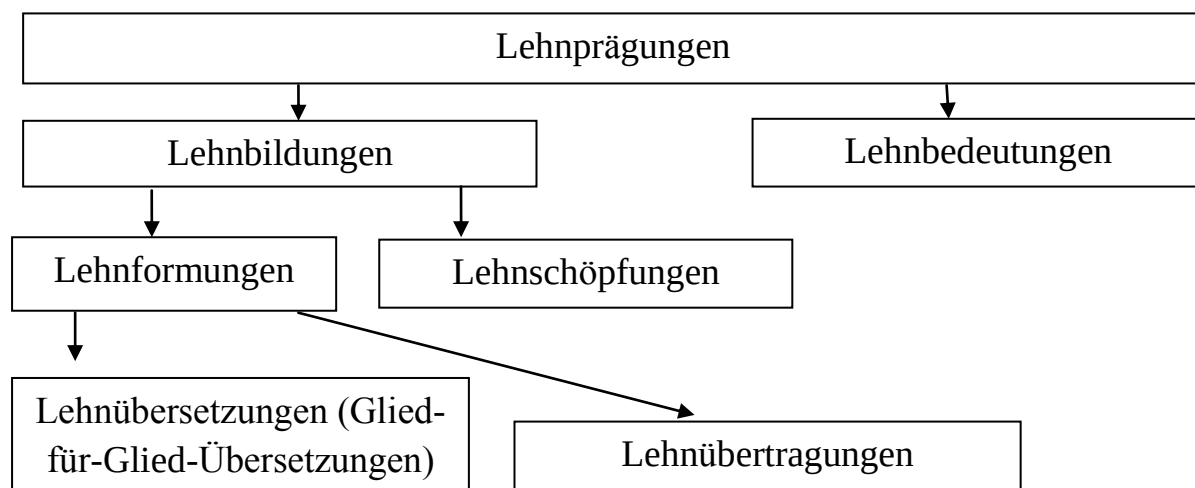

Рисунок 1 – Классификация В. Бетца

калькированные образования, созданные по иноязычному образцу (Lehnbildungen), с одной стороны и заимствованные значения (Lehnbedeutungen), с другой стороны.

В свою очередь словообразовательные кальки (Lehnbildungen) подразделяются на образования, копирующие внешнюю форму иностранного слова (Lehnformungen), и образования, передающие содержание чужого слова совершенно самостоятельно (Lehnschöpfungen), например, нем. *Umwelt* – франц. *milieu*).

Среди образований, копирующих внешнюю форму иностранного слова (Lehnformungen), автор выделяет точные словообразовательные кальки (Lehnübersetzungen) или «переводы по частям» (Glieder-für-Glieder-Übersetzungen), например, нем. *Gewissen* – лат. *conscientia* (рус. *сознание*) и словообразовательные

кальки, которые свою модель передают свободно (*Lehnübertragungen*), например, рус. *родина* – нем. *Vaterland* – лат. *Patria* [Betz, 1949, S. 153].

Также согласно классификации В. Бетца точные словообразовательные кальки (*Lehnübersetzungen*) и словообразовательные кальки, которые свою модель передают свободно, (*Lehnübertragungen*), делятся на «обогащающие», то есть те, которые не возникли бы без чужого влияния, и «развивающие», которые могли бы возникнуть самостоятельно.

Нельзя не согласиться с К. Флекенштейн, которая, анализируя классификацию В. Бетца, отмечала, что дробление материала на «обогащающие» и «развивающие» кальки осложняет работу и его почти невозможно провести последовательно при конкретном анализе [Флекенштейн, 1963, с. 11]. В свою очередь, К. Флекенштейн различает словообразовательные, семантические, фразеологические кальки, а также полукальки.

Л.А. Булаховский различает полные кальки и полукальки. Не смотря на то, что в работе не предлагается явная классификация, из приведенных примеров среди полных калек можно выделить словообразовательные (рус. *развлечение* копирует внутреннюю форму франц. *divertissement*), фразеологические (рус. *быть не в своей тарелке* – дословный перевод франц. *iln'est pas dans sont assiette*), семантические, то есть «перенимаемые из другого языка связи значений»: например, под влиянием греч. *cháris* «прелесть», «грация», «милость», «благодарность» латинское *gratia* приобретает все эти значения, в свою очередь, под воздействием последнего польское *wdzięk*, образованное от *dziękować* «благодарить» получает значения «прелесть», «изящество» [Булаховский, 1954, с. 123].

Н.М. Шанский различает в зависимости от того, что калькируется – слова или выражения, лексические и фразеологические кальки. Среди лексических калек он выделяет словообразовательные (представляют собой перевод морфологических частей средствами заимствующего языка, но без материального заимствования самого слова, а с заимствованием лишь словообразовательной

структуры, строения слова, например, русский глагол *состоять* соответствует немецкому *bestehen*) [Шанский, 1955, с. 29] и семантические (то есть исконные слова, имеющие заимствованное, иноязычное значение, например, русское прилагательное *плоский* в значении «пошлый, банальный» образован от французского *plat*) [Там же. С. 31].

Кроме полных калек Н.М. Шанский различает полукальки (слова, состоящие из иноязычного материала лишь частью, словообразовательная структура которых «точно соответствует аналогичным словам из языка источника, из которого идет заимствование», например, рус. *гуманность* возникло как передача нем. *Humanität*) [Там же. С. 32].

И.Ф. Наркевич предлагает иерархически сложную классификацию, в которой различает:

- 1) фоноструктурные заимствования;
- 2) переводные заимствования:
 - а) точные кальки,
 - б) точные аналогизмы,
 - с) неточные кальки,
 - д) неточные аналогизмы;
- 3) семантические заимствования:
 - а) полные семантические заимствования,
 - б) собственно-семантические кальки,
 - с) смешанные заимствования.

Такая развернутая классификация калькированных единиц является наглядным доказательством того, что исследователь смешивает понятия «калькирование», «заимствование» и «перевод».

Ч. Апреотесей учитывает влияние внешних факторов на процесс калькирования. Он формулирует следующее определение: «кальки – явление языкового контакта, сознательное или стихийное, реализованное внутренними ресурсами по внешней модели, при котором более или менее точно

перемещаются из одного языка в другой лексико-семантические, фразеологические и морфосинтаксические структурные единицы [Апреотесей, 1983, с. 85–86]. Данная дефиниция обобщает самые разнообразные факторы калькирования, которые учитываются в классификации калькированных единиц. В ее основе лежат три основных критерия:

1. С точки зрения уровня языка:

- лексические кальки (новые значения старых слов или новые слова, созданные из существующих морфем по иноязычной модели);
- фразеологические кальки (новые словосочетания или синтагмы, выражения, фразеологизмы, созданные из существующих слов по иноязычным моделям);
- грамматические кальки (морфологические или синтаксические конструкции, обороты).

2. С точки зрения «структурной тождественности»:

- точные, полные;
- неточные, частичные, приблизительные кальки.

3. По механизму билингвизма:

- сознательные кальки;
- стихийные кальки [Апреотесей, 1983, с. 77].

А.К. Палий в результате исследования фактов языкового калькирования выделяет два основных типа: лексическое и грамматическое калькирование – и один комбинированный тип – лексико-грамматическое калькирование. Лексическое калькирование включает в себя калькирование внутренней формы, семантическое и фразеологическое калькирование. В свою очередь калькирование внутренней формы делится на точное и приблизительное калькирование, а также на полное и частичное калькирование, которые противопоставлены друг другу попарно. Фразеологическое калькирование тоже имеет две разновидности: полное и частичное.

Такие сложные классификации калек считаем неоправданными поскольку они только затруднят исследования в данной области.

Е.В. Маринова, рассматривая калькирование как форму заимствования, относит кальки к так называемому скрытому заимствованию, когда «фонетическая новизна не связана со звучанием или написанием слова-оригинала» или отсутствует вообще [Маринова, 2012, с. 103]. Она различает семантические и структурные кальки. В свою очередь структурные делятся на словообразовательные, фразеологические (сочетаемостные) и синтаксические. Также исследовательница выделяет полукальки, как разновидность словообразовательного калькирования.

Таким образом, рассмотрев все представленные выше классификации, мы приходим к следующему выводу: несмотря на все попытки выработать единую и последовательную систему классификаций калькированных единиц в последние 50 лет, желаемый результат до сих пор не достигнут. Такое многообразие классификаций, тем не менее, мы рассматриваем, как базу для дальнейшей разработки теории калькирования. Создание единой классификации калек вне зависимости от языкового материала является крайне затруднительным. Эта сложность заключается в том, что процесс калькирования и формирование его результата – кальки – происходят под влиянием таких факторов, как характер билингвизма, авторитет влияющего языка, способность языка-реципиента к восприятию, а главное – особенности словообразования и семантики рассматриваемых языков.

1.3. Построение полидифференциальной типологии калькированных с немецкого языка в русский лексических единиц

Представленные в пункте 2 первой главы классификации требуют систематизации и обобщения. Вышеописанный материал наглядно демонстрирует, что классификации калькированных единиц формируются на основе различных признаков.

Так, основное деление калек происходит:

1. По принадлежности к определенному уровню языковой системы:

- лексические кальки (влияние иноязычных лексем; калькирование слов – наиболее частый случай): *вмешательство* от нем. *Einmischung*, *начитанность* от нем. *Belesenheit*, *мировоззрение* от нем. *Weltanschauung*, *настроение* от нем. *Stimmung*, *одаренный* от *begabt*, *полуфабрикат* от нем. *Halbfabrikat*;
- фразеологические кальки (влияние иноязычных устойчивых выражений): *строить воздушные замки* от нем. *Schlösser in die Luft bauen*, *вместе с водой выплеснуть и ребёнка* от нем. *das Kind mit dem Bade ausschütten*, *вот где собака зарыта* от нем. *da ist der Hund begraben*, *разбить наголову* от нем. *auf das Haupt schlagen*.

В свою очередь каждый из выделенных типов классифицируется по ряду признаков, присущих данному уровню языка.

2. По воспроизведению словообразовательного строения иноязычного образца:

- словообразовательные или структурно-семантические кальки: *кругозор* от нем. *Gesichtskreis*, *самосозерцание* от нем. *Selbstbeobachtung*, *слабовольный* от нем. *willensschwach*, *роман-газета* от нем. *Romanzeitung*.

2.1. По способу передачи структуры иноязычного образца:

- точные словообразовательные кальки (совпадение структурного расположения компонентов иноязычного образца и кальки и их значений): *самоцель* от нем. *Selbstzweck* (selbst – сам, Zweck – цель); *мировоззрение* от нем. *Weltanschauung* (Welt – мир, An-schau-ung – воз-зр-ени-е);

- неточные словообразовательные кальки (частичное совпадение структурного расположения компонентов иноязычного образца и кальки и их значений): *ценообразование* от нем. *Preisbildung* (Preis – цена, bild-ung – образова-ни-е); *целеустремленность* от нем. *Zielstrebigkeit* (Ziel – цель, streb-ig-keit – устремл-енн-ость); *целесообразный* от нем. *zweckmäßig* (Zweck – цель, mäß-ig – сообраз-н-ый); *баснописец* от нем. *Fabeldichter* (Fabel – басня, Dichter – поэт), *злонамеренный* от нем. *böswillig* (böse – злой, Wille – воля).

2.2. По способу передачи лексического состава иноязычного образца:

- полные (из собственного языкового материала): *односторонность* от нем. *Einseitigkeit*, *душераздирающий* от нем. *herzzerreißend*;

- неполные или полукальки (из собственного и заимствованного языкового материала): *капиталовложение* от нем. *Kapitalanlage*; *частнокапиталистический* от нем. *Privatkapitalistisch* *трудотерапия* от нем. *Arbeitstherapie*.

2.3. По способу словообразования:

- сложные слова (основосложение): *само-воспитание* от нем. *Selbsterziehung*; *лето-(и)счисление* от нем. *Zeit-rechnung*; *много-сторонний* от нем. *vielseitig*; *глубоко-мысленный* от нем. *tief-sinnig*;

- производные слова (аффиксация): *в-мешательство* от нем. *Einmischung*; *без-вкус-и-е* от нем. *Ge-schmack-los-ig-keit*; *под-штан-ник-и* от нем. *Unter-hose*.

3. По способу передачи значения иноязычного образца:

- семантические кальки (появление у лексемы нового значения под влиянием иноязычного слова): *одаренный* от нем. *begabt*; *отработанный* от нем.

abgearbeitet; *провалиться* «потерпеть неудачу во время выступления, на экзамене» от нем. *durchfallen*; *установка* «теоретический ориентир» от нем. *Einstellung*.

Каждый указанный признак, несомненно, достоин детального рассмотрения для дальнейшего развития теории калькирования. Однако в рамках настоящего исследования мы ограничимся исследованием лексических калек.

Кроме классификации калькированных единиц, очень важно определить критерии их выявления из общего лексического фонда языка. К калькам следует относить только устойчивое сочетание. Иначе речь может идти не более чем о точном переводе. Калька образуется не путем механического сложения, а согласуясь с внутренними закономерностями развития калькирующего языка [Пономаренко, 1965, с. 34]. Таким образом, калькирование создает постоянную величину в языке.

Сложность выявления калек заключается в том, что очень трудно отличить эти образования от автохтонных образований какого-либо конкретного языка: внешняя (звуковая) форма у калькированных единиц не заимствованная, а созданная средствами языка-реципиента. Например, такие слова как *полуостров*, *мировоззрение*, *наглядность*, *немыслимый*, *выглядеть*, *установка* в значении «теоретический ориентир» ничем не отличаются от собственно русских образований, то есть внешне никак не выдают своего иноязычного происхождения.

При словообразовательном калькировании используются чаще всего приемы словообразования и сочетания слов, продуктивные в языке-реципиенте, что затрудняет выделение калек. Однако по структурному критерию все же можно выявить словообразовательные кальки: по словообразовательным типам, нехарактерным для данного языка.

Кроме структурной стороны лексической единицы важно учитывать как семантику всего целого, так и семантику его компонентов. В данном случае речь идет о семантическом критерии, общем для всех типов лексического

калькирования. Однако совпадение типов словообразования, структуры и значения не говорит еще о факте калькирования, а лишь о возможности такого факта. Одинаковые по строению и семантике слова и фразеологизмы могут возникать независимо друг от друга (например, французский глагол *comprendre* и русский *принимать*) [Пономаренко, 1965, с. 114].

Критерием, который позволяет предположить наличие семантической кальки, является эквивалентность на уровне исходного значения лексической единицы языка-источника и языка-реципиента [Горбов, 2016, с. 194, Электронный ресурс]. Таким образом, факт семантического калькирования достоверно выявляется только тогда, когда иноязычное слово, являющееся источником нового значения для некоторого слова языка-реципиента, является словарным переводным эквивалентом слова воспринимающего языка на уровне исходного значения, которое служит основой для переноса наименования в языке-источнике [Там же. С. 200]. Кроме названных критериев, необходимо учитывать время образования предполагаемой кальки и ее образца, социально-экономические условия, связи носителей анализируемых языков. Для получения достоверного результата подобные исследования нужно проводить, используя сравнительно-сопоставительный метод.

Выводы по главе 1

Проведенное в данной главе исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Лексическая система языка постоянно эволюционирует и изменяется. Словарный состав обогащается в результате языковых контактов. Яркий пример открытости влиянию со стороны других языков представляет собой и русский язык. Результатом межкультурного и межъязыкового взаимодействия является обогащение лексической системы русского языка, одним из средств которого служит калькирование. Таким образом, главной причиной появления

калькированных единиц являются языковые контакты, в частности билингвизм. Об этом говорят исследователи данной темы, начиная с Ш. Балли.

2. В настоящее время существует множество дефиниций термина калька. Это доказывает то, что в современном языкознании нет единой точки зрения по поводу выделения общего признака, который отражает все характерные стороны процесса калькирования и его результата – кальки. Для одних главной чертой является отнесение калек к категории заимствований (И.В. Арнольд, И.Ф. Наркевич), для других – наличие перевода, как основного компонента (Л.П. Ефремов). Этот факт оказывает непосредственное влияние на разработку классификаций калькированных единиц и свидетельствует об отсутствии единой классификации.

3. Проблема классификации калек занимает центральное место в их изучении. Разнообразие классификаций свидетельствует об интересе исследователей к данному явлению и подтверждает, что оно до конца не изучено. Каждая из рассмотренных в настоящей главе классификаций демонстрирует особенности существования калькированной лексики в языке. Их разработка зависит от того, что берется за основу выявления калек. Традиционно кальки разделяют на словообразовательные, среди которых выделяют полукальки, семантические и фразеологические. Кроме того, в отношении сходства каждого типа калькированных единиц с иноязычным словом-прототипом, их можно разделить на точные и неточные.

4. Кальки трудно выявить, потому как недостаточно изучены критерии, по которым слово следует признать результатом иноязычного влияния, а не собственного образования в ходе процессов, происходящих в языке в соответствии с его собственными закономерностями развития. Установление факта калькирования требует глубоких знаний в области этимологии, истории, словообразования контактирующих языков, а также разносторонних сведений о внеязыковой действительности. В качестве критерия для выделения калек нужно использовать в первую очередь интралингвистические факторы. Это структурный

критерий: внутренняя форма слова, словообразовательные принципы. Хорошие знания в области словообразования, как в синхроническом, так и диахроническом аспекте, являются предпосылками установления факта калькирования. Вторым важным критерий выявления калек – это семантика слова: насколько значение слова-кальки или ее составных частей эквивалентно значению слова-прототипа или его составляющих соответственно.

Таким образом, на основе вышеприведенных выводов в дальнейшем мы руководствуемся следующим:

1. Анализ письменных памятников, в первую очередь XVIII–XIX вв. Этот период характерен бурным развитием научной и философской мысли. В литературных источниках данного времени авторами часто указываются в скобках иноязычный, в частности немецкий, образец слова, что позволяет считать русскую лексему калькой.

2. Рассмотрение толкований слов в одноязычных словарях на предмет определения связей, существующих между ними. Изучение дву- и многоязычных словарей: иногда они сами являются источниками появления неологизмов, потому что составитель или переводчик словаря, не находя эквивалента к слову, передает его значение описательно или калькирует.

3. Семантический анализ, то есть поиск семантического единства или соприкосновения кальки и иноязычного слова-прототипа.

4. Структурный разбор лексических единиц, то есть сравнение словообразовательной структуры кальки и ее образца, а также установление способа калькирования.

Глава 2. Характеристика типов лексического калькирования с немецкого языка в русский в XVIII–XIX вв.

Рассмотренные в предыдущей главе нашего исследования классификации калькированных единиц указывают на отсутствие единства мнений относительно типологии калек. Вспомним, например, что К. Флекенштейн различает семантические, словообразовательные, фразеологические кальки, полукальки [Флекенштейн, 1963]; И.Ф. Наркевич выделяет фоноструктурные, переводные, семантические заимствования [Наркевич, 1973]; Ч. Апреотесей – лексические, грамматические, фразеологические кальки [Апреотесей, 1983]; А.К. Палий – калькирование внутренней формы, семантическое, фразеологическое [Палий, 1991]. Несмотря на то, что в языкознании существует немало отдельных трудов, посвященных исследованию данного вопроса, калькированные единицы делятся согласно Лексическому энциклопедическому словарю на словообразовательные (в том числе полукальки), семантические и фразеологические [ЛЭС, 1990, с. 211]. Таким образом, традиционно классификация калек основана на их принадлежности к определенному уровню языка.

В нашей работе мы придерживаемся традиционной классификации, то есть анализируем лексические кальки, а именно словообразовательные – с учетом их структурной точности и семантической полноты (воспроизведения внутренней формы) по отношению к иноязычному образцу. Этому посвящена данная глава нашего исследования, целью которой является характеристика типов словообразовательного калькирования.

В результате анализа языкового материала мы выделяем среди словообразовательных калек:

1. Словообразовательно точные кальки с полным воспроизведением внутренней формы;

2. Словообразовательно неточные кальки с полным воспроизведением внутренней формы;
3. Словообразовательно точные кальки с частичным воспроизведением внутренней формы;
4. Словообразовательно неточные кальки с частичным воспроизведением внутренней формы;
5. Полукальки.

2.1. Словообразовательное калькирование как наиболее продуктивный тип лексического калькирования

Словообразовательное калькирование является наиболее изученным видом лексического калькирования. Его называют также структурным или структурно-семантическим калькированием, подразумевая то, что образцом словообразовательной кальки является структура иноязычного слова и калька перенимает его семантику. К словообразовательному калькированию нередко применяют название «переводное заимствование» [Наркевич, 1973, с. 91]. На наш взгляд это является терминологической неточностью, так как понятия «перевод» и «заимствование» взаимоисключают друг друга.

А.К. Палий предпочитает название «калькирование внутренней формы», подчеркивая, что «данному виду калькирования поддаются только слова с внутренней формой, ибо сущность его состоит в имитации внутренней формы...» [Палий, 1991, с. 23]. Внутреннюю форму он отождествляет со структурой слова.

Мы считаем, что термин «словообразовательное калькирование» является наиболее правильным, так как он точно выражает, как осуществляется перевод иноязычного образца (способом словообразования) и что создается языком в результате этого перевода (новое слово – калька).

Итак, словообразовательное калькирование – это вид калькирования, который осуществляется посредством словообразования и приводит к появлению новых слов в языке-реципиенте. Например, образовав кальку *полуостров* от немецкого *Halbinsel* (нем. *halb* ‘половинный, пол(у)’, *Insel* ‘остров’), русский язык получил новое слово со значением «часть суши, омываемая с трех сторон, а четвертой примыкающая к материку». Таким образом, в русском языке появилось не только средство перевода, но и необходимое наименование, отсутствовавшее раньше в его лексическом составе.

Однако следует уточнить, что в результате калькирования не обязательно появление слова, «значение которого представляло бы для языка новую семему, так как использованию готовых средств перевода ... предпочитается создание параллельно к ним новых по образцу объектов перевода» [Ефремов, 1974, с. 42]. Так, например, калькированию подвергается слово, которое уже было заимствованно раньше: *аморфный* (заимствование греческого термина *amorphus*) – *бесформенный* (калька XIX в.) из французского языка [Шанский, 1963, т. 1, с. 95].

Эти примеры наглядно доказывают, что для осуществления словообразовательного калькирования необходимо понимать значение и осмыслять словообразовательную структуру иноязычного слова. Именно в словообразовательной структуре заключается мотивированность иноязычных слов, которые «становятся объектами калькирования не ранее того, как у носителя другого языка складывается четкое представление об их мотивированности» [Ефремов, 1974, с. 61]. Поэтому для словообразовательного калькирования вполне оправданным будет являться определение, выведенное Л.П. Ефремовым: «Словообразовательное калькирование – это двустороннее явление, одной стороной обращенное к своему объекту, по отношению к которому оно представляет собой перевод, другой к своему результату (словообразовательной кальке), по отношению к которому оно представляет собой словообразование,

причем и перевод и словообразование в равной степени основываются на мотивированности калькируемого объекта» [Ефремов, 1974, с. 61].

Рассмотрим детально процесс словообразовательного калькирования на конкретном примере. Следуя определению Л.П. Ефремова, прежде чем калькировать немецкое слово *Willenäußerung*, носителем русского языка был сначала заимствован принцип его мотивации¹: существительное *Äußerung* означает ‘выражение, изъяснение’ образовано от глагола *äußern* ‘выражать, изъяснять’, то есть является мотивированным, а глагол – мотивирующим словом; существительное *Wille* имеет значение ‘воля’. Затем была осмыслена словообразовательная структура калькируемого объекта: *Willen-(s)-äußer-ung* (три словообразующих морфемы и соединительное *-(s)-*) и понято значение этого слова «обнаружение желания, воли; приказание», а затем, переводя, на основе заимствованного принципа мотивации калькируемого объекта, составляющие его компоненты на русский язык *Wille* ‘воля’, *Äußerung* ‘изъяснение’, была образована словообразовательная калька русского языка *волеизъявление* с тем же значением.

Итак, нет сомнений в том, что при словообразовательном калькировании немецкое существительное *Willensäußerung* действительно является объектом калькирования, а словообразовательное калькирование по отношению к немецкому слову является переводом; русское существительное *волеизъявление* – результат словообразовательного калькирования, то есть словообразовательная калька, а словообразовательное калькирование по отношению к русскому слову является словообразованием.

В определении Л.П. Ефремова говорится также о мотивированности калькируемого объекта. Однако, на наш взгляд, точнее было бы говорить о прозрачности внутренней формы. Так, немецкое *Einmischung* – русское *вмешательство*, ранее *вмешивание*, имеет яркую мотивированность, а в случае *Begriff* – *понятие* мотивированность обнаруживается слабо. Однако в обоих

¹ У Л.П. Ефремова – мотивированность, у И.В. Арнольд и Ю.С. Маслова – мотивировка.

примерах четко прослеживается производность слов, прозрачность внутренней формы.

Исходя из вышеизложенного, констатируем, что словообразовательное калькирование – это тип лексического калькирования. Словообразовательное калькирование – это двустороннее явление: с одной стороны, это перевод по отношению к иноязычному образцу (объекту, слову-прототипу), а с другой стороны, это словообразование по отношению к своему результату (калке). Словообразовательное калькирование основывается на прозрачности внутренней формы калькируемого образца, которая воспроизводится средствами заимствующего ее языка.

Существует мнение, что в процессе словообразовательного калькирования происходит заимствование значения калькируемого объекта [Ефремов, 1974; Флекенштейн, 1963]. Чтобы определить так ли это, необходимо сопоставить кальку с образцом калькирования. Так, например, немецкое существительное *Augenmaß*, зафиксированное в немецком языке с середины XVI в. [DWD-online, Электронный ресурс], и русское *глазомер*, впервые зафиксированное в словаре Нордстета в 1780 г. [Нордстет, 1780, с. 134], имеют одинаковые значения «измерение расстояния простым зрением, без приборов». Русское прилагательное *немыслимый* соответствует немецкому *undenkbar*. На немецкий образец этого слова указал еще Я.К. Грот в своих «Филологических разысканиях» [Грот, 1873, с. 17]. Доводом для того, чтобы отнести данное прилагательное к словообразовательным калькам, служит тот факт, что значение «невозможный, невероятный, такой, что трудно себе представить» нельзя сформулировать из значения элементов слова *немыслимый*, а, следовательно, перенимает его у немецкого прилагательного. Таким образом, слова в приведенных примерах выражают одну и ту же внелингвистическую информацию. Это позволяет сделать вывод о том, что калка заимствует значение иноязычного объекта.

Н.С. Арапова разделяет точку зрения о том, что при образовании словообразовательных калек задействуются не только словообразовательные, но

и семантические механизмы: «Под словообразовательной калькой понимается создание нового слова (нового и с точки зрения значения, и с точки зрения звукового/буквенного оформления), не отмечавшегося ранее в языке, воспроизводящего как морфологическую структуру калькируемого прототипа, так и его семантику, причем новое слово создается из исконных (а не заимствованных) морфем» [Арапова, 2000, с. 15]. Однако, говоря о воспроизведении морфологической структуры калькируемого иноязычия, разобрав конкретный пример – немецкое существительное *Weltanschauung* – на четыре словообразующих морфемы (*Welt-an-schau-ung*), автор пишет дальше: «Однако вряд ли в сознании калькирующего (а калька – это акт сознательного, а не стихийного создания слов) имело место такое подробное членение. В сознании калькирующего немецкое слово распадается не на 4, а на 2 составляющие: *Weltanschauung* – миро-воззрение» [Там же. С. 18]. Как видно, здесь уже имеет место воспроизведение **словообразовательной**, а не морфологической структуры немецкого образца, что противоречит приведенному выше определению словообразовательной кальки. Такое противоречие возникает при понимании словообразовательного калькирования как поморфемного перевода.

Действительно, многие ученые считают словообразовательное калькирование поморфемным переводом. «В тех случаях, когда французские лексемы не находили себе непосредственного соответствия в системе живых слогов русского литературного языка, переводчикам приходилось осмыслять морфологический состав иностранных слов и, переведя их – морфему за морфемой – создавать русские «снимки» с них, морфологические копии их из русского или (что было в первой половине XVIII в. чаще) из церковнославянского языкового материала» [Виноградов, 1938, с. 152]. Такой прием В.В. Виноградов называет методом калькирования. Л.А. Булаховский писал, что создающий кальку переводчик «из лексического и формального материала собственного языка формирует новые слова, имея образцом морфологическую структуру чужого» [Булаховский, 1953, с. 125]. В.Н. Перетрухин определяет

словообразовательную кальку следующим образом: «Словообразовательная калька – это поморфемный перевод иноязычного слова. При этом заимствуется не само слово, а лишь его морфологическая структура и значение» [Перетрухин, 1968, с. 194]. Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю словообразовательные кальки – это поморфемный перевод иноязычного слова [ЛЭС, 1990, с. 211]. Д.Э. Розенталь дает описание и характеризует лексические кальки следующим образом: «Лексические кальки возникают в результате буквального перевода на русский язык иноязычного слова по частям: приставки, корня, суффикса при точном повторении способа его образования и значения. <...> Подобные кальки называются еще словообразовательными, точнее лексико-словообразовательными» [Розенталь, Голуб, Теленкова, 2002, с. 245]. Все эти определения лишь подтверждают, что в качестве объекта калькирования выступают только полиморфемные слова. Это слова и словосочетания, словообразовательная структура которых включает в себя несколько морфем, то есть иноязычное слово является сложным или производным. Калькирование словообразовательно нечленимого слова, то есть непроизводного слова невозможно. Именно «многоморфемность», по мнению О.В. Матвеевой, «является предпосылкой для процесса словообразовательного калькирования, так как производные и сложные слова отличаются от корневых слов наличием морфологической мотивированности и четко выраженной связи с другими словами и основами, внутренняя форма слова здесь наиболее прозрачна, посредством перевода компонентов исходного слова воссоздается мотивация, а значит, в какой-то степени и значение» [Матвеева, 2005, с. 95].

Структура словообразовательно калькируемого объекта включает, кроме корневой, еще как минимум одну аффиксальную морфему:

- приставку: **Überfall** (**перепад**), **Untergrund** (**подоснова**), **Urvolk** (**пранарод**), **Ursprache** (**праязык**), **Überprofit** (**сверхприбыль**), **Übermensch** (**сверхчеловек**), **Gegenglied** (**противочлен**);
- суффикс: **Ortschaft** (**местность**);

– вторую корневую морфему: **Selbstzweck** (самоцель), **Selbstkritik** (самокритика), **Selbstzucht** (самодисциплина), **Halbschatten** (полутень), **Halbzirkel** (полукруг), **Filmband** (кинолента), **Filmstern** (кинозвезда).

Но чаще всего словообразовательных морфем больше двух:

Preis-bild-ung – цен-(о)-образова-ни-е,

Ziel-streb-ig-keit – цел-(е)-у-стремл-енн-ость,

zweck-mäß-ig – цел-(е)-со-образ-н-ый,

Kalt-blüt-ig-keit – хладн-(о)-кров-и-е.

Так, в немецком слове **Selbstbildung** можно выделить четыре словообразующие морфемы: корневая *Selbst-*, вторая корневая *-bild-*, суффиксальная *-ung* (*Selbst-bild-ung*). Русская калька *самообразование* в точности воспроизводит эту морфологическую структуру (с добавлением соединительной гласной): *сам-(о)-образова-ни-е*. Данный пример действительно можно назвать поморфемным переводом. Но это скорее частный случай, потому что таких лексем немного.

Большую группу составляют слова, в которых количество морфем не совпадает. Например, немецкое существительное *Gleichberechtigung* (*Gleich-be-recht-ig-ung* – пять словообразовательных компонентов) переводится русским *равноправие* (*равн-(о)-прав-и-е* – три словообразующих компонента и соединительная гласная); немецкому *Zeitrechnung* (*Zeit-rechn-ung* – три словообразующих компонента) соответствует русское *времяисчисление* (*время-ис-числ-ени-е* – четыре словообразовательных компонента). Следовательно, не всякая словообразовательная калька есть точный поморфемный перевод.

Суммируя вышеизложенное, попытаемся вывести определение словообразовательного калькирования. **Словообразовательное калькирование** – это тип лексического калькирования, являющийся переводом по отношению к своему объекту (перевод словообразовательной структуры иноязычного образца), с одной стороны, и словообразованием по отношению к своему результату, с другой стороны, основывается на прозрачности

внутренней формы калькируемого объекта, при котором происходит заимствование значения калькируемого объекта.

Вышеприведенные примеры показывают, что сознание носителя калькирующего языка фиксирует словообразовательную, а не морфологическую структуру иноязычного образца – калькируемого объекта. Таким образом, словообразовательное калькирование нельзя подводить под поморфемный перевод, ограничивая рамки понятия словообразовательного калькирования воспроизведением морфологической структуры. При этом сравнительный анализ морфологической структуры кальки и ее образца помогает лучше понять сущность словообразовательного калькирования и выявить его типы.

2.1.1. Характеристика типов словообразовательного калькирования

Прежде чем приступить к выделению типов словообразовательного калькирования, следует остановиться на принципах словообразования в русском и немецком языках. Оба языка, как родственные, довольно сходны в своих словообразовательных возможностях. Основным способом словообразования в обоих языках является морфологический, то есть аффиксация и сложение, и морфолого-синтаксический, то есть переход слова из одной части речи в другую. Разница заключается, прежде всего, в продуктивности определенного способа словообразования: русский язык предпочитает аффиксацию, немецкий сложение. Немецкие сложения более разнообразны относительно морфологического состава своих частей. Для русского языка, например, нетипичны сложные имена существительные с глагольной основой в качестве первой части. Встречаются только единичные слова такого типа: *лизоблюд*, *скопидом*, *трясогузка*. Кроме того, порядок частей в русском словообразовании более твердый, чем в немецком, а именно, «въ составныхъ нашихъ именахъ корень главнаго имени долженъ

занимать послѣднее мѣсто, а имя подчиненное или дополнительное должно стоять впереди» [Павский, 1842, т. 2, с. 234]. Однако, поддавшись влиянию иностранных языков, «не знающихъ сего правила, мы иногда нарушаемъ свой порядокъ» [Там же]. Доказательством этому служат такие буквально переведенные с греческого языка лексемы, например, *любочестие*, *любомудрие*. Будучи составленными по правилам русского словообразования они должны были иметь форму *честолюбие*, *мудролюбие*, так как «въ составѣ ихъ главный членъ есть глагольный корень *люб*» [Там же]. Именно иноязычным влиянием можно объяснить перестановки при калькировании слов, не отвечающих этому требованию, например, *достопримечательность* – нем. *Sehenswürdigkeit*, или, наоборот, отступление от него может свидетельствовать о калькированном характере лексемы.

Словообразовательные кальки с немецких слов имеют сравнительно легко выделяемую структуру. Прежде всего сюда следует отнести кальки с повторяющимся элементом:

- сложные слова с первой частью *взаимо-*, *само-*, *жизне-*, *миро-*, *право-*, *обще-*, *равно-*, *разно-*, *сверх-*, *много-*, *ново-*, *одно-*, *перво-* и другие;
- сложные слова со второй частью *-мерный*, *-способный*, *-сторонний*, *-видный*, *-образный*, *-устойчивый*, *-ведение*.

Изначально такие лексемы были образованы путем калькирования. Затем в процессе частого употребления они перестали восприниматься как новообразования, стали привычными в языке. Вследствие этого они явились моделью (прототипом) для автохтонных образований [Арапова, 2000, с. 36]. «Сложные слова были характерны для русского литературного языка еще на заре его возникновения, а слова с первым компонентом *само-*, например, широко использовались в древнерусских переводах с греческого. Этим объясняется тот факт, что такого рода кальки легко возникали в русском языке, и к середине XIX в. эти словообразовательные модели были вполне сформировавшимися, так

что по ним и позже легко возникают многие неологизмы (как без иноязычного влияния, так и с использованием иноязычного опыта мотивации наименования)» [Руткевич, 1990, с. 43–44]. Исходя из выше изложенных мнений, иногда бывает трудно определить, калькированная единица перед нами или автохтонная. Б. Унбегаун считает, что кальки с компонентом *само-* возникли во второй четверти XIX в. [Unbegaun, 1932, р. 32]. Однако К. Флекенштейн доказывает в своей диссертации, что подобного рода слова в русском языке возникли еще в конце XVIII в. В XIX в. этот словообразовательный тип становится очень продуктивным и поэтому очень трудно различать, какие из подобных сложений возникли калькированным способом, а какие самостоятельно [Флекенштейн, 1963, с. 113].

По способу словообразования большинство калек с немецкого – это сложные слова, возникшие на основе немецкого сложения. Это объясняется большой ролью, которую этот способ словообразования играет в немецком языке. Например, русское существительное *односторонность* калькирует немецкое *Einseitigkeit*:

- первая немецкая основа *Ein* соответствует русскому *одн(о)*;
- вторая основа *-seit-* соответствует русскому корню *-сторон-* (*Seit(e) – сторон(a)*);

- немецкие суффиксы *-ig, -keit* передаются русскими *-н, -ость*:

Одн-(о)-сторон-н-ость – Ein-seit-ig-keit: оба слова образованы путем основосложения и суффиксации.

В данном случае морфологическая структура калькируемого объекта совпадает с его словообразовательной структурой, поэтому словообразовательное калькирование здесь внешне представляет собой поморфемный перевод. При сравнении калькируемого объекта и кальки обнаруживается их полное структурное совпадение, то есть калька идентична калькируемому объекту по способу образования, количеству и порядку следования словообразующих единиц. В этом случае можно говорить о таком типе словообразовательного

калькирования, как **структурно точное словообразовательное калькирование** [Ефремов, 1974, с. 103]. Данный тип калькирования А.К. Палий называет «точным калькированием внутренней формы» [Палий, 1991, с. 26]. Однако такое точное и последовательное воспроизведение иноязычных морфем крайне редко из-за структурных различий немецкого и русского языков.

В случае, если морфологическая структура калькируемого объекта не совпадает со словообразовательной, то морфемный состав иноязычного слова не получает в кальке своего полного отражения. Например, *Gesundheitschutz* (первый компонент немецкого существительного состоит из двух морфем *Gesund-heit* (здоровье)) – *здравоохранение* (первый компонент русского слова состоит из одной морфемы *здрав-*). Иноязычный образец и калька могут различаться и способами словообразования: *Unterhose* (префиксальный способ) – *подштанники* (циркумфиксальный способ), и наличием (или отсутствием) структурного элемента: *diesseitig* – *посюсторонний* (первый компонент русского прилагательного содержит «лишнюю» по сравнению с количеством структурных элементов объекта морфему *по-*). Это **структурно неточное словообразовательное калькирование**. Этот тип калькирования называют также «приблизительным калькированием» [Палий, 1991, с. 26].

Выделение данных типов словообразовательного калькирования (точного и неточного) основывается на структурных различиях калькируемого объекта и кальки. Так как, например, в русском языке нет суффикса, указывающего на отсутствие признака, выраженного корнем, каковым в немецком является суффикс *-los*, то в русском языке оно передается приставкой *без-*: немецкое прилагательное *inhaltslos* калькируется русским прилагательным *бессодержательный*, *beweislos* – *бездоказательный*, *grundlos* – *безосновательный*, *bеспочвенный*, *ideelos* – *безыдейный*, *bewusstlos (besinnungslos)* – *бессознательный*, *Arbeitslosigkeit* – *безработица*, *Geschmacklosigkeit* – *безвкусице*.

Одному суффиксу немецкого языка может соответствовать несколько суффиксов русского языка или отсутствие суффиксации вообще: *Alleswisser* –

всезнайка, Donnerschleuderer – громовержец, Hausbesitzer – домовладелец, Frauenhasser – женоненавистник, Bücherträger – книгоноша, Steuerzahler – налогоплательщик, Schriftführer – письмоводитель, Rechnungsführer – счетовод_.

Наоборот, бессуффиксные немецкие существительные калькируются русскими, имеющими в своей структуре суффикс: *Wohllaut* или *Wohlklang* – *благозвучие*, *Zeitvertreib* – *временепровождение*, *Grundbesitz* – *землевладение*, *Anderssein* – *иноебытие*, *Überbau* – *надстройка*, *Halbjahr* – *полугодие*, *Nachwort* – *послесловие*.

Немецкий суффикс *-(e)nd*, образующий в немецком языке причастия настоящего времени, переводится русскими *-ущ (ющ)*, *-ащ (ящ)*: *allumfassend* – *всеохватывающий*, *lebensbejahend* – *жизнеутверждающий*, *andersdenkend* – *инакомыслящий*, *weltumfassend* – *мирообъемлющий*, *vielversprechend* – *многообещающий*, *grundlegend* – *основополагающий*, *selbstwirkend* – *самодельствующий*. Однако иногда в русском языке он передается суффиксом прилагательного: *freiheitsliebend* – *вольнлюбивый*, *schadenbringend* – *вредоносный*, *allgemeinbildend* – *общеобразовательный*.

Вышеприведенные примеры доказывают, что обязательным условием словообразовательного калькирования является перевод словообразующей основы калькируемого объекта, то есть того иноязычного образца, от которого образована калька. При этом возникает вопрос: Как же переводятся аффиксы? Правильным ответом считаем утверждение Л.П. Ефремова, что «перевод деривационных аффиксов происходит в результате калькообразования. Переводя словообразующую основу иноязычного производного слова, калькирующий язык не занимается специально переводом аффиксальной части калькируемого объекта, а образует слово от выбранной производящей основы в соответствии с ее сочетаемостью с деривационными аффиксами (или другими основами). Выбор аффикса предопределяется сочетаемостью деривационно-мотивирующих единиц калькирующего языка, а не тем, что данный аффикс сам по себе эквивалентен той

структурной части калькируемого объекта, которая им воспроизводится» [Ефремов, 1974, с. 46].

При словообразовательном калькировании вторая часть сложного слова оформляется двумя способами:

1) при помощи существующего в момент калькирования цельнооформленного слова (с суффиксом или без суффикса): *liebereich* – *любеобильный*, *Irrlehre* – *лжеучение*, *Blutgier* – *кровожадность*;

2) при помощи усеченной основы (или корня), не существующей в виде цельнооформленного слова: *Kleischrift* – *клинопись*, *Wandmalerei* – *стенонпись*, *Rechnungsführer* – *счетовод*. В русском языке нет существительных *пись*, *вод*. Соответствующие корневые морфемы представлены в цельнооформленных словах *письмо*, *водитель*. При этом следует обратить внимание, что в объекте калькирования вторую часть составляют цельнооформленные слова: *Kleischrift* – *Schrift* «письмо», *Rechnungsführer* – *Führer* «водитель», *Wandmalerei* – *Malerei* «живопись». Следовательно, на «усечение» второго компонента русской кальки не было давления со стороны структуры иноязычного образца. Это еще раз подтверждает тот факт, что калькирующий язык самостоятельно определяет, в какой именно структуре будет сохранена внутренняя форма иноязычия. Вышеприведенные примеры структурно неточного словообразовательного калькирования являются тому подтверждением.

Иногда при калькировании сложных слов меняется порядок калькируемых компонентов: *merkwürdig* (нем. *merken* ‘примечать’, *würdig* ‘достойный’) – *достопримечательный*, *Gesichtskreis* (нем. *Gesicht* ‘зрение’, *Kreis* ‘круг’) – *кругозор*, *willensschwach* (нем. *Wille* ‘воля’, *schwach* ‘слабый’) – *слабовольный*, *nervenschwach* (нем. *Nerv* ‘нерв’, *schwach* ‘слабый’) – *слабонервный*, *Jahrhundert* (нем. *Jahr* ‘год’, *hundert* ‘сто’) – *столе́тие*, *steinhart* (нем. *Stein* ‘камень’, *hart* ‘твердый’) – *твёрдокаменный*, *Jahrtausend* (нем. *Jahr* ‘год’, *Tausend* ‘тысяча’) – *ты́сячелетие*.

Таким образом, структурно неточное словообразовательное калькирование наблюдается в тех случаях, когда:

1) калька и калькируемый объект созданы разными способами словообразования: *безработица* – *Arbeitslosigkeit*;

2) калька отличается от калькируемого объекта отсутствием какой-либо словообразующей единицы или наличием «лишнего» словообразовательного элемента по сравнению с составом калькируемого объекта: *полноправный* – *vollberechtigt* (нем. *voll* ‘полный’, *Recht* ‘право’), *нотусторонний* – *jenseitig* (*jener* ‘тот’, *Seite* ‘сторона’);

3) калька отличается от калькируемого объекта перестановкой словообразующих элементов: *достопримечательный* – *merkwürdig* (нем. *merken* ‘примечать’, *würdig* ‘достойный’).

Сравнение кальки и калькируемого объекта, их структурное соотношение служит критерием для противопоставления двух типов словообразовательного калькирования – структурно точного и структурно неточного.

Если же сравнивать внутреннюю форму калькируемого объекта и кальки (воспроизведение или соответствие внутренней формы), то в результате словообразовательного калькирования она не всегда точно воспроизводится или соответствует внутренней форме иноязычного образца. Например, *Fabeldichter* (нем. *Fabel* ‘басня’, *Dichter* ‘поэт’) – *баснописец*, *böswillig* (нем. *böse* ‘злой’, *Wille* ‘воля’) – *злонамеренный*.

Иногда подобного рода примеры выделяют в отдельную группу и называют неточными кальками. Этому мнению придерживается, например, Н.С. Арапова [Арапова, 2000, с. 21]. Однако о неточном калькировании в отличие от точного следует говорить, когда между калькой и иноязычным образцом наблюдаются словообразовательные (структурные) отличия. В этом мы согласны с Л.П. Ефремовым. Ведь по своей структуре такие кальки являются словообразовательными, как структурно неточными, например, *первооснова* (основосложение) – *Urgrund* (префиксация), так и структурно точными, например,

душераздирающий – *herzzerreißend* (нем. *Herz* ‘сердце’, *zerreißen* ‘разрывать’) (сложение + аффиксация). Их отличие заключается в том, что внутренняя форма калек несколько не соответствует внутренней форме калькируемых объектов. Исходя из этого, правильнее было бы назвать данный тип словообразовательное калькирование с несоответствием внутренней формы или с частичным воспроизведением внутренней формы, то есть когда одна из составных частей иноязычного образца переводится не точно, а заменяется словом (морфемой) близким по значению соответствующей части калькируемого объекта.

Некоторые исследователи не выделяют данный тип калькирования в отдельную группу. Так, А.К. Палий относит его к частичному калькированию [Палий, 1991, с. 29], которое другие исследователи (Н.С. Арапова, Л.А. Булаховский, Л.П. Ефремов) называют полукалькированием.

Л.П. Ефремов говорит о том, что «...неполное воспроизведение мотивированности калькируемых объектов свидетельствует о других типах словообразовательного калькирования» и предлагает называть их повторяющим и варьирующим [Ефремов, 1974, с. 106]. Примерами повторяющего типа калькирования, по его мнению, являются следующие слова: *сверхчеловек* (от нем. *Übermensch*), *дневник* (от франц. *journal*), *кислород* (от лат. *oxxygenium*). Однако, в данном случае, налицо полное соответствие внутренней формы кальки внутренней форме иноязычного образца, или, словами Л.П. Ефремова, полное воспроизведение мотивированности калькируемых объектов. Таким образом, относя повторяющий тип словообразовательного калькирования к неполному воспроизведению мотивированности калькируемых объектов, автор противоречит сам себе. К варьирующему типу он относит немецкое существительное *Halbinsel* от латинского *paeninsula* (*paena* – почти, *insula* – остров). Повторяющее калькирование, по мнению исследователя, воплотилось бы в немецком языке в слове *Fastinsel* (*fast* – почти, *Insel* – остров), в русском языке в слове *почти-остров*, тогда как во французском существительном *presqu'île* с тем же значением (*presque* – почти, *île* – остров) мотивированность калькируемого объекта не

подверглась изменению. Таким образом, если Л.П. Ефремов противопоставляет данные типы калькирования, что видно из вышеописанного примера, то правильнее было бы говорить не о неполном воспроизведении мотивированности, а о воспроизведении мотивированности калькируемых объектов вообще, и уже на этом основании выделять повторяющее и варьирующее калькирование.

Именно поэтому, выделяя такой тип словообразовательного калькирования, как **словообразовательное калькирование с несоответствием внутренней формы (с частичным воспроизведением внутренней формы)**, противовесом которому будет служить **словообразовательное калькирование с соответствием внутренней формы (с полным воспроизведением внутренней формы)**, мы говорим о воспроизведении (полном или частичном) внутренней формы калькируемого объекта. Или другими словами, при сравнении внутренней формы кальки с иноязычным образцом и при обнаружении несоответствий в ее воспроизведении мы противопоставляем два типа словообразовательного калькирования: полное и частичное.

Таким образом, при определении типов словообразовательного калькирования необходимо исходить из его сущности, то есть следует обращать внимание на словообразовательную структуру, так как оно является словообразованием по отношению к кальке, и на воспроизведение внутренней формы, так как оно базируется на прозрачности внутренней формы калькируемого объекта.

Разделение словообразовательного калькирования на типы можно представить в виде следующего рисунка (см. рис. 2):

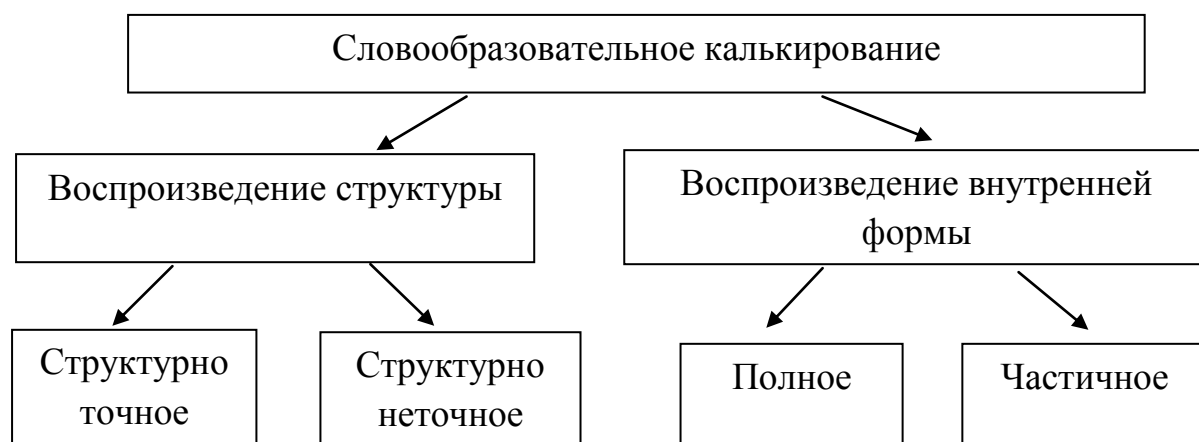

Рисунок 2 – Типы словообразовательного калькирования

При рассмотрении конкретного языкового материала, можно сделать вывод, что типы словообразовательного калькирования переплетаются в каждом конкретном случае калькирования:

1) структурно точное с полным воспроизведением внутренней формы калькируемого объекта калькирование: *вкрапление* – *Einsprengung* (суффиксально-префиксальное производное от *sprengen* ‘брызгать, кропить’);

2) структурно неточное с полным воспроизведением внутренней формы калькируемого объекта калькирование: *безосновательный* – *grundlos* (нем. *Grund* ‘основание’, суф. *-los* переводится русской приставкой *без-*), *всемирноисторический* – *weltgeschichtlich* (нем. *Welt* ‘мир, свет’, *geschichtlich* ‘исторический’) при калькировании добавлен элемент *все-* во избежание омонимии со словом *мир* «покой, состояние без войны», *одухотворенный* – *vergeistigt* (производное от *Geist* ‘дух’; элемент со значением «творить» в нем. прототипе отсутствует);

3) структурно точное с частичным воспроизведением внутренней формы калькируемого объекта калькирование: *душераздирающий* – *herzzerreißend* (нем. *Herz* ‘сердце’, *zerreißen* ‘разрывать’), *злонамеренный* – *böswillig* (нем. *böse* ‘злой’, *Wille* ‘воля’), *круговорот* – *Kreislauf* (нем. *Kreis* ‘круг’, *Lauf* ‘бег, ход, движение’), *баснописец* – *Fabeldichter* (нем. *Fabel* ‘басня’, *Dichter* ‘поэт’);

4) структурно неточное с частичным воспроизведением внутренней формы калькируемого объекта калькирование: *взаимодействие* – *Wechselwirkung* (нем. *Wechsel* ‘обмен’), *телосложение* – *Körperbau* (нем. *Körper* ‘тело’, *Bau* ‘строение’), *круговращение* – *Kreislauf* (нем. *Kreis* ‘круг’, *Lauf* ‘бег, ход, движение’), *кругообращение* – *Kreislauf* (нем. *Kreis* ‘круг’, *Lauf* ‘бег, ход, движение’), *лето(и)счисление* – *Zeitrechnung* (нем. *Zeit* ‘время’, *Rechnung* ‘счет’).

Результатом словообразовательного калькирования являются кальки, относящиеся к сложным, сложнопроизводным, производным аффиксальным словам.

Если образование кальки происходит по словообразовательной модели «сложное слово», то объектом калькирования служит иноязычное сложное слово, компоненты которого (морфемы или отдельные слова), соотносятся с семантически сходными единицами калькирующего языка.

Вод-о-ем – *Wasser-fang*

Вод-о-пад – *Wasser-fall*

Глаз-о-мер – *Auge-n-maß*

Дом-о-хозяин – *Haus-herr*

Кино-звезда – *Film-stern*

Кино-лента – *Film-band*

Кино-промышленность – *Film-industrie*

Клин-о-пись – *Klei-schrift*

Круг-о-зор – *Gesicht-s-kreis*

Неб-о-свод – *Himmel-s-gewölbe*

Пол-у-бог – *Halb-gott*

Пол-у-ботинки – *Halb-schuhe*

Пол-у-круг – *Halb-zirkel*

Пол-у-свет – *demi-jour / Halb-licht*

Пол-у-тень – *Halb-schatten*

Сам-о-дисциплина – *Selbst-zucht*

Сам-о-обман – Selbst-betrug

Сам-о-оборона – Selbst-schutz

Сам-о-цель – Selbst-zweck

Кальки со словообразовательной структурой «сложнопроизводное слово» отличаются от сложных слов по способу образования, по морфологическому составу, так как в образовании сложнопроизводных слов одновременно участвуют словосложение и суффиксация:

Благ-о-мысл-ящ-ий – wohl-ge-sinn-t

Близ-леж-ащ-ий – nahe-ge-leg-en или nächst-lieg-end

Волн-о-образ-н-ый – welle-n-förm-ig

Воль-н-о-люб-ив-ый – freiheit-s-lieb-end

Вред-о-нос-н-ый – schaden-bring-end

Все-возмож-н-ый – all-mög-lich

Все-знай-ка – Alles-wiss-er

Вс-е-сторон-н-ий – all-seit-ig

Высок-о-образ-ова-нн-ый – hoch-ge-bild-et

Высок-о-худож-еств-енн-ый – hoch-künst-ler-isch

Глубок-о-мысл-енн-ый – tief-sinn-ig

Гром-о-верж-ея – Donner-schleuder-er

Даль-н-о-вид-н-ый – weit-sicht-ig

Дву-спаль-н-ый – zwei-schläf-(e)r-ig

Добр-о-сосед-ск-ий – gut-nachbar-lich

Долг-о-сроч-н-ый – lang-frist-ig

Дом-о-влад-е-л-ея – Haus-besitz-er

Мног-о-сторон-н-ий – viel-seit-ig

Налог-о-плат-ель-щик – Steuer-zahl-er

Народно-хозяй-ств-енн-ый – volk-s-wirt-schaft-lich

Калька со словообразовательной структурой «производное аффиксальное» предполагает у слова-прототипа наличие такой словообразовательной структуры, которая наряду с корневой морфемой включает префикс и постфикс:

Не-мысл-им-ый – un-denk-bar

Не-об-ход-им-ость – Un-um-gäng-lich-keit

О-без-вож-ива-ть – ent-wässer-n

О-без-лич-и-ть – ent-persön-lich-en

Данные примеры калькированных единиц доказывают, что для осуществления калькирования, в частности словообразовательного, требуется значительно более глубокое знание иностранного языка, чем для заимствования.

Таким образом, процесс калькирования основан на том, что носитель калькирующего языка старается приблизить иноязычное слово к системе своего родного языка путем переосмысления и разложения исходного понятия на морфемы для того, чтобы понять мотивацию, положенную в основу данного иноязычия и воплотить внутреннюю форму этого иноязычного образца средствами родного языка.

Итак, данные примеры еще раз подтверждают то, что при создании кальки огромную роль играет словообразование. Внутренняя форма иноязычия облекается собственными морфологическими средствами по законам калькирующего языка.

2.1.2. Экспликация и анализ сложений с первым компонентом *ново-*

Новоиспеченный. С 60-х гг. XVIII в. в русской литературе встречается образование *новоиспеченный* или, точнее, его более ранний вариант – *нововыпеченный* в значении «недавно получивший новую должность, звание»: «*Нововыпеченной* скоморохъ» [Чулков, 1789, ч. 1, с. 32], «...увидѣли

нововыпеченнаго музыканта...» [Там же. С. 36], «Тутъ вспомнилъ я слова нововыпеченнаго сочинителя» [Там же. С. 39]. Его употребляет Андрей Тихомиров в переводе с немецкого языка: «...Графы ведутъ свое дворянство отъ временъ Норманновъ, и по сему сѣ великимъ презрѣнїемъ взираютъ на нововыпеченныхъ Принцевъ» [Кампе, 1796, ч. 2, с. 164].

Это слово считают калькой немецкого *neubacken (neugebacken)* [Hüttl-Worth, 1956; Флекенштейн, 1963] или *frischgebacken* [Арапова, 2000]. Так, Г. Хюттль-Ворт причисляет его к семантическим калькам [Hüttl-Worth, 1956, S. 131], К. Флекенштейн – к словообразовательным [Флекенштейн, 1963, с. 92], а Н.С. Арапова – к неточным [Арапова, 2000, с. 156].

Начиная со второй половины XVII в. немецкое *neubacken (neugebacken)* (нем. *neu* ‘новый’, *backen* ‘печь’) употребляется по отношению к новым, только что возведенным строениям: “Die Witzbürger freuete ihr *neugebacken* Rahthaus über alle massen sehr / den ganzen Sommer lang hielten stets Raht darinnen / und handelten von wichtigen Sachen...” [von Schönberg, 1670, S. 38] (букв. рус.: жители города шутников (Шутова)² радовались новоиспеченной ратуше, на протяжении всего лета собирались там и беседовали о важных вещах...). В XVIII в. его используют для характеристики лиц: “*neugebackene Leute*” [Geheime Nachrichten..., 1716, S. 197] (букв. рус.: новоиспеченные люди), “*der neugebackene Edelmann*” [Nachtrag..., 1773, Электронный ресурс,] (букв. рус.: новоиспеченный дворянин). Подтверждение тому, что *neubacken (neugebacken)* употребляется в переносном смысле уже с XVII в., находим в Словаре братьев Гримм [DWB-online, Электронный ресурс].

В 30-х гг. XVIII в. Э. Вейсман передает прямое значение немецкого *neubacken* русским сочетанием *ныне печеный*: «*neubacken, recens coctus, нынѣ печеный, новой, свѣжій, мягкій, нынѣшній*» [Вейсман, 1731, с. 445]. А уже в 1797 г. в Словаре И.А. Гейма фиксируется переносное значение: «*Neubacken,*

² Немецкое *der Witz* – шутка, острота. Ср., например, город Глупов, глуповцы у М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Neugebacken, свѣжій, недавно испеченный, neubackenes Brod, мягкой хлѣбъ, du pain tender, frais, fortant du four, ein *neugebackener* Edelmann, новопожалованный, *нововыпеченный* дворянинъ, un gentil-homme de fraîche date, un nouveau noble» [Гейм, 1797, ч. 2, с. 112]. Русская форма *нововыпеченный* встречается и в XIX в., например, у Ф.М. Достоевского (1821–1881). Один из героев романа «Бесы» говорит о новом губернаторе: «...русскій администраторъ вновѣ, то есть *нововыпеченный*, новопоставленный...» [Достоевский, 1906, т. 7, с. 52].

Спустя год после издания Словаря И.А. Гейма И.Х. Аделунг передает *neubacken* формой *новоиспеченный*, хотя и фиксирует его только в прямом смысле: «Neubacken свѣжій, молодой, свѣжеиспеченный: Neubackenes Brod, свѣжій хлѣбъ, *новоиспеченный* хлѣбъ» [Аделунг, 1798, ч. 2, с. 139].

Прилагательное *новоиспеченный* в значении «недавно получивший новое звание» получило широкое распространение в русской литературе в 30-х гг. XIX в. Русский писатель, мемуарист А.Т. Болотов (1738–1833) в своих записках использует выражение «*новоиспеченной* господинъ маіоръ» [Болотов, 1872, т. 3, ч. 21, стб. 1063]. Н.В. Гоголь (1809–1852) в статье «Борис Годунов. Поэма Пушкина» (1831) употребляет сочетание «*новоиспеченный* гусарскій корнетъ» [Гоголь, 1913, т. 7, с. 182]. В журнале «Библиотека для чтения» (1838): «Какой-то *новоиспеченный* семинаристъ, который цѣлый обѣдъ не сводилъ глазъ съ своей тарелки, краснѣлъ при каждомъ словѣ...» [Библиотека для чтения, 1838, т. 31, отд. 2 с. 6]. У русского писателя, публициста Б.М. Маркевича (1822–1884) это сложное слово встречается в романе «Типы прошлого» (1867): «Въ креслахъ какой-то *новоиспеченный* гусарикъ, въ мундирѣ съ иголки, безпрестанно привставалъ и обводилъ залу глазами» [Маркевич, 1885, т. 1, с. 30].

В этот период композита *новоиспеченный* употребляется не только по отношению к людям, у которых изменился статус в обществе, но и по отношению к переменам в политической жизни стран, к возникновению нового уклада.

Например, в статье «Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная покойного Людевита Штура. Перевод неизданной немецкой рукописи, с примечаниями Владимира Ламанского» описывается положение Австрии: «За границую Австрія должна повиноваться постороннимъ внушеніямъ, внутри же, несмотря ни на какія предписанія и организаціонныя попытки, нѣтъ ни какого организма и порядка. Старое и *новоиспеченное*, предписанное и снова уничтоженное, установленное и отмѣненное, все это въ пестромъ безпорядкѣ и путаницѣ» [Штур, 1867, с. 152].

Русский мыслитель М.А. Бакунин (1814–1876) в статье «Государственность и Анархия. Борьба двух партий в Интернациональном обществе рабочих» (1873) употребляет прилагательное *новоиспеченный* в значении «недавно принятый» в отношении законодательства: «...правительства австрійское, прусское, баварское, ганноверское и саксонское отвергли основныя права и *новоиспеченную* конституцію, а прусскій король отказался принять императорскую корону, и затѣмъ отозвал своихъ депутатовъ» [Бакунин, 1907, т. 2, с. 196].

Наряду со словом *новоиспеченный* в русском литературном языке XIX в. широко употребляется образование *свежеиспеченный* как в прямом, так и в переносном значении. Оба прилагательных часто использует М.Е. Салтыков-Щедрин (1826–1889): «Вотъ и опять я въ Глуповѣ... вотъ и опять пахнуло на меня ароматами *свѣжеиспеченнаго* хлѣба...» (очерки «Сатиры в прозе», 1863) [Салтыков-Щедрин, 1889, т. 2, с. 169]; «...къ чаю въ этотъ день былъ поданъ теплый, *свѣжеиспеченный* хлѣбъ...» («Господа Головлевы», 1875) [Салтыков-Щедрин, 1889, т. 5, с. 168]; «Одним словом, мужики ответили искусству точь-в-точь то же самое, что они же в свое время отвечали ловким политико-экономам и администраторам, которые предлагали им готовые, *свежеиспеченные* экономические и административные теории...» [Салтыков-Щедрин, Электронный ресурс] (критическая статья «Наяда и рыбак. Фантастический балет в трех

действиях и пяти картинах. Соч. Ж. Перро; музыка г. Пуни»); «Пріѣхалъ къ нему (к генералу – С.П.) въ побывку сынъ, *новоиспеченный* двадцатилѣтній титулярный совѣтникъ, молодой человѣкъ, съ честью прошедшій курсъ наукъ въ самыхъ лучшихъ танцъ-классахъ того времени и основательно изучившій всего Поль-де-Кока» («Благонамеренные речи», 1876) [Салтыков-Щедрин, 1889, т. 5, с. 361].

Русский беллетрист, журналист Н.Э. Гейнце (1852–1913) тоже употребляет эти слова, например, в романе «В тине адвокатуры» (1893): «Отвлеченный временно сватовством от кружка новых знакомств, сделанных через Мечева, князь Владимир, заживя вновь холостою жизнью, но уже женатого человека, сошелся вторично с Николаем Александровичем и его кружком, и вскоре, частью по неумелой ретивости *свежеиспеченного* деятеля, попался в грязную историю с политической подкладкой, принужден был выйти из полка и даже был арестован» [Гейнце₁, Электронный ресурс]; в «Сценах из петербургской жизни» (1912) в рассказе «От Москвы до Петербурга»: «...двое молодых гвардейских офицеров из “*новоиспеченных*”...»; «А вы разве только до Клина едете?.. – чуть не плачет один из “*свежеиспеченных*” гвардейцев...» [Гейнце₂, Электронный ресурс].

В журнале «Техника молодежи» (1939) описывается процесс изготовления калош путем вулканизации, по аналогии выпекания хлеба, употребляется прилагательное *свежеиспеченный* в кавычках в переносном смысле: «Затем котел открывается, и оттуда выезжают тележки с готовыми “*свежеиспеченными*” калошами» [Техника молодежи, 1939, Электронный ресурс].

Несмотря на свою почти двухсотлетнюю жизнь в русском литературном языке и фиксацию в двуязычных словарях, слово *новоиспеченный*, а вслед за ним и *свежеиспеченный* впервые «признаются» только в XX в. Словарь Д.Н. Ушакова относит первое к разговорной лексике, шутливому стилю речи и фиксирует следующие значения: «1. Недавно сделанный (о продуктах печения не употребляется!). *Новоиспеченная книга*. 2. Недавно получивший какую-либо

должность или звание. *Новоиспеченный профессор*» [Ушаков, 1938, т. 2, стб. 587]. У второго же отмечается как прямое значение «только что испеченный, недавно вынутый из печи (пирог)», так и переносное, разговорное шутливое, «новенький, только что сделанный (домик); недавно поступивший, вновь назначенный (студент, врач)» [Ушаков, 1940, т. 4, с. 70].

Проанализировав употребление слов *новоиспеченный* и *свежеиспеченный* в литературных источниках второй половины XVII–первой половины XX вв., мы приходим к следующему выводу. Прилагательное *новоиспеченный* не употребляется в русском литературном языке в прямом значении о продуктах, приготовленных путем выпекания. По-русски не говорят «новоиспеченный хлеб», а говорят «свежий хлеб» [Флекенштейн, 1963, с. 92] или «свежеиспеченный хлеб». Это образование неточно воспроизводит структуру немецкого *neubacken* (*neugebacken*) (букв.: *neu* ‘новый’, *backen* ‘печь’): *нов-(о)-ис-печенный* – *neu-(ge)backen*, употребление которого в переносном смысле широко представлено в немецкой литературе начиная с XVII в. Таким образом, считаем, что прилагательное *новоиспеченный* является словообразовательной калькой немецкого *neugebacken*.

Напротив, прилагательное *свежеиспеченный* употребляется сначала в прямом значении, а затем приобретает переносное, синонимичное значению слова *новоиспеченный*. Оно воспроизводит структуру немецкого сложения *frischgebacken* (букв.: *frisch* ‘свежий’, *backen* ‘печь’). Немецкий образец активно используется в литературном языке XVII–XVIII вв. по отношению к продуктам выпекания: “ein *frisch gebacken* Brod” [Hahnen, 1684, Электронный ресурс] (букв. рус.: свежеиспеченный хлеб); “...Butter und *frischgebacken* Brodt” [Oehme, 1746, Электронный ресурс] (букв. рус.: масло и свежеиспеченный хлеб). В современном немецком языке форма написания влияет на значение слова. При раздельном написании *frisch gebacken* означает «только что испеченный, совсем свежий», “ein *frisch gebackener* Pflaumenkuchen” (букв. рус.: свежеиспеченный сливовый пирог). При слитном написании *frischgebacken* имеет два значения: первое – разговорное шутливое «недавно получивший новую должность», “ein *frischgebackener* Doktor,

Vater” (букв. рус.: свежее испеченный доктор, отец), второе – идентичное значению *frisch gebacken* [DUDEN, 2015, S. 647]. Вышеизложенные факты дают основание утверждать, что русское *свежее испеченный* получило свое второе значение путем переноса нового значения немецкого *frischgebacken*, что является результатом семантического калькирования.

Новообразование. Эта композита известна с середины XIX в. как медицинский термин. В переводе «Руководства к патологической анатомии и диагностике...» немецкого анатома К.Э. Бока (1809–1874) она часто употребляется вместе со словосочетаниями *новое произведение* и *новое образование*, которым в оригинале соответствует немецкое *Neubildung*. Сравним немецкий текст К.Э. Бока “Lehrbuch der pathologischen Anatomie...” (1847) и русский перевод «Руководства...» (1853): “Die Neugebilde, denen wir im Körper zwischen normalem Gewebe oder an der Stelle desselben begegnen, sind entweder ganz neu erzeugte (eigentliche *Neubildungen*, Afterbildungen), oder durch Umwandlung eines andern ... Gewebes entstandene (Entartungen, Metamorphosen)” [Bock, 1847, S. 108] – «Новыя произведенія, встрѣчаемыя въ тѣлѣ между нормальными тканями, или на мѣстѣ ихъ, суть или совершенно вновь образовавшіяся (собственно *новыя произведенія*, ложные продукты), или происшедшія отъ измѣненія какой нибудь ... ткани (перерожденія, метаморфозы)» [Бок, 1853, с. 104]; “Formen, unter denen die *Neubildungen* auftreten...: ... 2) Hautförmige *Neubildung*...” [Bock, 1847, S. 109] – «Формы, въ которыхъ проявляются *новыя произведенія* суть слѣдующія ...: ..., 2) Перепончатое *новообразование*...» [Бок, 1853, с. 106]; “Die Eigenschaft der *Neubildungen* hängen von ihrer materiellen Zusammensetzung und den in ihnen auftretenden Elementarformen ab; auch bedingenzufällige äussere Einflüsse Änderungen derselben (букв. тех же самых: о *Neubildungen*)” [Bock, 1847, S. 110–111] – «Свойства *новыхъ произведенийъ* зависятъ отъ матеріальнаго ихъ состава и отъ элементарныхъ формъ, въ нихъ

появляющихся; случайно дѣйствующія наружныя вліянія могутъ также быть причиною измѣненій *новыхъ образованій*» [Бок, 1853, с. 107].

Это слово употребляется в переводе работы немецкого ученого, патологоанатома Р. Вирхова (Rudolf Ludwig Karl Virchow) (1821–1902) «Патология, основанная на теории ячеек...» (1859) – немецкий оригинал “Die Cellularpathologie...” (1858): «...я принужденъ считать бугорокъ за просовидное зерно (*miliares Korn*), эпителиому за гетеропластическое, злокачественное *новообразование* (*Cancroid*)» [Вирхов, 1859, Предисловие, V] – “...ich muss ... den Tuberkelalsmiliares Korn, das Epitheliomalsheteroplastische, maligne *Neubildung* (*Cancroid*) festhalten” [Virchow, 1858, Vorrede, VII].

В лингвистику данное существительное пришло вероятно в конце XIX в. Так, Н.М. Шанский приводит пример из статьи Н.В. Крушевского (1851–1887), русского лингвиста польского происхождения: «Термин «*новообразование*» (*Neubildung*) тоже не научен... Более подходящим термином мне кажется вторичное образование». На этом основании он ошибочно относит появление этого слова к концу XIX в. [Шанский, 1968, с. 253]. В первой трети XX в. русский славист Р.Ф. Брандт (1853–1920), избегая использование лексемы *новообразование*, весьма оригинально называет неологизмы Игоря Северянина: «*Новотворки* у Сѣверянина являются особенно часто...» [Брандт, 1916, с. 130]. При этом он объясняет причину употребления именно этого слова: «Считаю нужнымъ здѣсь же оговорить, что я отнюдь не врагъ новшествъ въ языкѣ: особенно въ грамматикѣ я пытаюсь замѣнить цѣлый рядъ мудреныхъ и длинныхъ словъ болѣе простыми и складными, говоря, напримѣръ, ...вмѣсто «существительное» – предметница, вм. «прилагательное» – прикладокъ, вм. «*новообразование*» – *новотворка*» [Брандт, 1916, с. 131]. Таким образом, рассматриваемое сложение является непривычным среди лингвистических терминов. Следует заметить, что предложенная Р.Ф. Брандтом лексема по своей

структуре точно соответствует немецкому *Neuschöpfung* (нем. *neu*- ‘новый’, *schöpfen* ‘творить’). Однако доказательств в пользу его калькированного характера нам найти не удалось.

А.А. Шахматов употребляет слово *новообразование* в следующем контексте: «для означения женщин ... язык охотно прибегает к *новообразованиям* /докторша.../» [Шахматов, 1927, вып. 2, с. 31].

Несмотря на употребление данного существительного в русском литературном языке, его нет в словарях XIX–начала XX вв. вплоть до Словаря Д.Н. Ушакова, где оно зафиксировано как книжное в двух значениях: «1. Появление ранее не существовавших форм или элементов. *Процесс новообразования*. 2. Вновь возникший элемент, форма и т.п. *Опухоли являются новообразованиями*. *Сокращенные наименования – новообразования в русском языке*» [Ушаков, 1935, т. 2, стб. 587].

Эта композита представляет собой словообразовательную кальку немецкого *Neubildung* (нем. *neu* ‘новый’, *Bildung* ‘образование’).

С точки зрения словообразовательного калькирования рассматриваемое слово является структурно точной калькой с соответствием внутренней формы немецкого *Neubildung*: *нов-(о)-образова-ни-е – Neu-bild-ung*.

Новомодный / старомодный. Во второй половине XVIII в. возникли антонимичные образования *новомодный* и *старомодный*. Слово *новомодный*, употребляемое по отношению к одежде, встречается с 60-х гг. XVIII в. Его часто использует писатель-драматург В.И. Лукин (1737–1794): «Они носят прелеветхіе суконные, а онъ бархатные *новомодные* кафтаны» [Лукин, Ельчанинов, 1868, с. 59]; «...тридцать паръ *новомодныхъ* и дорогихъ одеждъ» [Там же. С. 213]. Автор известен своими переводами французских комедий, например, пьеса «Ревнивой, из заблуждения выведенной» (1764) является вольным переводом комедии Жана-Гальбера Кампистрона “*Le jaloux désabusé*” (1709): «...а сараи загромощены *новомодными* каретами...» [Там же. С. 226]. Образцом для

компози́ты *новомодный* могло служить французское выражение *de nouvelle mode*. Однако в данном случае нам не удалось найти во французском оригинале эквивалента этому слову.

В пользу французского образца говорит и пример из «Собственноручного чернового письма Екатерины II к Вольтеру о положении крымского хана, турецкого султана и русской армии; о принце Генрихе прусском» (1770). Письмо написано на французском языке, а русский перевод, выполненный Я.К. Гротом, дан в подстрочном примечании: “Vous conviendrez que cette campagne est une des plus jolies qu’on puisse faire; elle me console du chagrin de voir qu’on a à Paris des carosses, des surtouts de dessert, *des choeurs de nouvelle mode*, charmants et bruyants, et que vos danseuses allemandes dansent mieux que mes italiennes” – «Согласитесь, что эта кампанія одна изъ прелестнѣйшихъ, какія можно совершить; она облегчаетъ печаль мою при видѣ, что въ Парижѣ есть *новомодныя кареты*, десертныя горки, очаровательные и шумные хоры, и что ваши нѣмецкія танцовщицы пляшутъ лучше моихъ итальянскихъ» [СИРИО, 1874, т. 13, с. 52]. Несмотря на то, что французское выражение *de nouvelle mode* и русское прилагательное *новомодный* имеют одинаковое значение, в переводе допущена неточность: во французском тексте существительное *carosses* (букв. кареты) употреблено без определения, а в русском переводе слово *кареты* определяются как «*новомодныя*», в то время как французское выражение “*de nouvelle mode*” употребляется со словом *choeurs* (букв. хоры) и буквально соответствует русскому «*новомодные хоры*».

Часто образование *новомодный* употребляется в русской литературе второй половины XVIII в. вместе со словами *француз*, *французский*: «...хотя я и весьма долго въ домѣ *новомодной французженки* служила» [Екатерина II, 1772, с. 22], «Прелестные ево волосы имѣетъ щастіе чесать *новомодной французской парикмахеръ*...» [Живописец, 1781, ч. 1, с. 143]. Вероятнее всего, это происходит

из-за того, что в это время очень крепка внешнеполитическая связь между Россией и Францией. Не только веяния французской моды: «*Новомодныя* шляпки называются *Chapeau bonette*, и кажется самого лутчаго вкуса» [Лекарство от скуки и забот, 1786, ч. 1, с. 139], – но и все французское признается лучшим. Это вызывает яростный протест Александра Петровича Сумарокова (1717–1777), который ратовал за чистоту русского языка: «И ради того чтобъ дойти до совершенства сея *новомодныя* Философіи, всѣ Французскія бродяги и мущины и женщины стали учителями и учительницами» [Сумароков, 1787, Электронный ресурс]. А позже и Александра Семеновича Шишкова (1754–1841), который употребляет выражение *новомодные слова* по отношению к таким заимствованиям, как, например, «моральный, эстетическій, эпоха, сцена, гармонія...»: «Сіи суть самыя *новомодныя* слова... въ нынѣшнихъ книгахъ повторяются онѣ почти на каждой страницѣ...» [Шишков, 1824, ч. 2, с. 23]. Таким образом, данное прилагательное используется для определения всего, что подвергается моде, даже лексики.

К сожалению, в лексикографических источниках 70–80-х гг. XVIII в. нам не удалось найти для русского *новомодный* французского соответствия. Однако интересным представляется тот факт, что данное слово в этот период зафиксировано профессором немецкого языка и словесности Франциском Гельтергофом (1711–1805) в «Прибавлении чужестранных в российском языке принятых слов» (1771): «*новомодный*, nach der neusten Mode» [Гельтергоф, 1771, с. 625]. Таким образом, автор одного из первых русских этимологических словарей указывает на немецкое происхождение этого прилагательного. Примечательно, что он дает для русского слова немецкое словосочетание *nach der neusten Mode* (букв. рус.: по новейшей моде), тогда как в немецком литературном языке уже в 40-х гг. XVIII в. употреблялось сложение *neumodisch*: “Er isst, er trinkt, er schläft, er steht wieder auf, und lernt täglich neue Handgriffe die in Locken geschlagene Haare künstlich aus einander zu ziehen, und seinen Anzug, Gang und

Minen *neumodisch* einzurichten” [Der Pilgrim, 1743, Электронный ресурс] (букв. рус.: Он ест, он пьет, он спит, он снова встает и ежедневно учится новым способам искусно отделять друг от друга взбитые в локоны волосы и носить по новой моде свой костюм, ходить новомодной походкой, делать новомодное выражение лица); “...Und jagt den Moden nach, *neumodisch* herzustutzen” [Der Mensch, 1753, Электронный ресурс] (букв. рус.: гонится за модами подстричься новомодно). На основании этого можно констатировать, что немецкое *neumodisch* в то время было для немецкого языка таким же новым образованием, как и *новомодный* для русского языка, несмотря на достаточно частое употребление в литературе, словарями еще не признавалось. Признанным являлось словосочетание *nach der neusten Mode*, которое возникло путем перевода французского *de nouvelle mode*.

К концу XVIII в. *новомодный* все чаще встречается в переводах с немецкого языка: «*новомодные* Проповѣдники» [Юнг-Штилинг, 1806, ч. 1, кн. 2, с. 99]. В оригинале – “*neumodische* Prediger” (1797) [Jung, St. 2, S. 89]. Переводчик использует его иногда для усиления эмоциональной окраски существительного при том, что в немецком источнике употребляется нейтральное *neu* (букв.: новый): «...*новомодное* просвѣщеніе опровергаетъ его (о библейском змие искустеле – С.П.) бытіе и его вліяніе...» [Юнг-Штилинг, 1806, ч. 2, кн. 5, с. 67] – “...die *neu* Aufklärung sein Dasein und seinen Einfluss läugnet...” (1798) [Jung, St. 5, S. 125].

Параллельно со словом *новомодный* в русском языке встречается его антоним *старомодный*. Например, у выдающегося русского литератора, реформатора русского языка, Николая Михайловича Карамзина (1766–1826) в «Письмах русского путешественника»: «Кромѣ... *старомодныхъ* берлиновъ, въ которыхъ Дворяне Курляндскіе ѣздятъ другъ къ другу въ гости, не встрѣчались никакіе проѣзжіе» (Поланга, 14 июня 1789) [Карамзин, 1848, т. 2, с. 16]; «...въ

двумѣстной *старомодной* каретѣ...» (письмо из Базеля, 9 августа 1789) [Там же. С. 203]; «...въ городѣ простота, въ деревнѣ *старомодная* пышность...» (письмо из Лондона, июль 1790) [Там же. С. 766].

Самая ранняя фиксация этих слов, которую нам удалось найти, принадлежит Словарю И.А. Гейма: «Altmodisch, старомодный, de la vieille mode» [Гейм, 1796, ч. 1, с. 34]; «Neumodisch, новомодный, de nouvelle mode, à la nouvelle mode» [Гейм, 1797, ч. 2, с. 112]. В Словаре И.Х. Аделунга прилагательное *altmodisch* передается русскими *старомодный*, старинный [Аделунг, 1798, ч. 1, с. 60], а прилагательному *новомодный* (нем. *neumodisch*) приводится пример употребления – «новомодныя платья» (нем. *neumodische Kleider*) [Аделунг, 1798, ч. 2, с. 140].

В XIX–начале XX вв. *старомодный* и *новомодный* продолжают употребляться не только по отношению к предметам быта, но и к отвлеченным понятиям: «Какъ скоро нѣтъ въ человѣкѣ *старомоднаго* варварскаго стыда, то всего легче быть Авторомъ исповѣди» [Карамзин, 1802, с. 148]. «Прекрасно и поучительно, что изъ Россіи входитъ въ настоящее время въ міръ вѣсть о чествованіи генія и притомъ генія, бывшаго и оставшагося далекимъ отъ *новомодной* или, скорѣе, варварски *старомодной* исключительности, по которой въ царствѣ духа народы не должны болѣе творить и дѣйствовать въ соединяющемъ и примиряющемъ міръ взаимоотношеніи свободного даванія и свободного полученія» [Пушкин, 1899, с. 47], – так писал И.С. Тургеневу немецкий писатель Бертольд Ауэрбах об открытии памятника Пушкину. Иногда в русском языке используется немецкий образец без перевода: «Это не помѣшаетъ и г. Тугану-Барановскому узнать, что “безкорыстное, религіозное подчиненіе себя, своей личности, всѣхъ интересовъ, всей своей жизни чему-то болѣе

высокому, чѣмъ мы сами”, “самопожертвованіе личности” и т. п., – все это ist *altmodisch*» [Михайловский, 1905, т. 2, с. 346].

Несмотря на то, что обе композиты достаточно активно употребляются в литературном языке начиная с середины XVIII в. и зафиксированы в дву- и даже многоязычных словарях, русские словари признали лишь *новомодный* как описание одежды. С 30-х гг. XIX в. это сложное слово зафиксировано в значении «недавно въ употребленіе введенный, вошедшій. Новомодное платье» [Соколов, 1834, ч. 1, стб. 1676]. Словарь 1847 г. отмечает еще и наречие: «Новомодно нар. По новой модѣ. Новомодно одѣтъ» [СЦСРЯ, 1847, т. 2, с. 463]. В.И. Даль (1865) фиксирует прилагательное *новомодный* только в словосочетании «Новомодная шляпка», наряду с которым отмечаются производные: существительное *новомодность* в сочетании «Новомодность измѣнчива» и глагол *новомодничать* в выражении «Не къ лицу ему было новомодничать» [Даль, 1865, ч. 2, с. 507].

Подводя итог вышесказанному, следует признать, что русские прилагательные *новомодный* и *старомодный* точно копируют структуру немецких сложений *neumodisch*, *altmodisch*: *нов-(о)-модный* – *neu-modisch*, *стар-(о)-модный* – *alt-modisch*. Здесь мы согласны с К. Флекенштейн. Она акцентирует внимание на содержательной стороне слова *новомодный*, где реализуется нехарактерная черта для русского языка: первая основа *ново-* почти ничего не вносит в значение целого слова, тогда как вторая основа *-модный* уже включает в себя смысл нового [Флекенштейн, 1963, с. 90]. В слове же *старомодный*, по ее мнению, значение первой части противоречит значению второй и возникло именно как противопоставление слову *новомодный*. На этом основании она делает вывод, что русские прилагательные являются кальками немецких сращений *neumodisch*, *altmodisch* [Там же. С. 91]. Однако К. Флекенштейн упускает из виду, что в немецком сложении *neumodisch* первая основа *neu-* также малозначительна в сочетании с основой *-modisch*, как и в русском варианте.

На основании анализа вышеприведенных примеров употребления рассмотренных слов в литературных источниках XVIII–XX вв. можно утверждать следующее. Обе пары антонимичных образований употребляются в литературном языке одного периода. Впервые русское *новомодный* встречается в переводных изданиях с французского языка и только к концу XVIII в. активно используется в переводах с немецкого. Русские и немецкие словари фиксируют эти образования в одно время. Это позволяет сделать вывод о параллельности возникновения и укрепления этих слов в обоих языках. Таким образом, антонимичные пары *neumodisch* – *altmodisch* и *новомодный* – *старомодный* образованы на основе соединения существительного с определяющим его прилагательным *die neue / alte Mode* с добавлением суффикса *-isch* [Степанова, 1953, с. 255] в немецком языке, по *новой / старой (старинной) моде* с добавлением суффикса *-н-* в русском языке, которые, в свою очередь, возникли путем перевода французских выражений *de nouvelle / vieille mode*.

С точки зрения словообразовательного калькирования прилагательное *новомодный* (*нов-(о)-модный*) – это структурно точная калька немецкого *neumodisch* (*neu* ‘новый’; *modisch* ‘модный’) с соответствием внутренней формы.

2.1.3. Экспликация и анализ сложений с первым компонентом *право-*

Правонарушение, правонарушитель. В конце XVIII–начале XIX вв. вместо этих сложений в русском языке употреблялись словосочетания. Словосочетание *нарушение права* используется в переводе с немецкого языка «Естественного частного права» австрийского юриста Ф. фон Цейллера (Franz Anton Felix von Zeiller) (1751–1828), которому в оригинале соответствует немецкое сложение *Rechtsverletzung*: “Das Recht einer Person schließt zugleich Befugniß zu zwingen, d.h.

die *Rechtsverletzung* mit Gewalt hintanzuhalten, in sich” [von Zeiler, 1802, S. 5] – «Право лица заключаетъ притомъ въ себѣ и власть *принуждать* (курсив в тексте – С.П.), т.е. *нарушеніе права* отвращать силою» [фон Цейлер, 1809, с. 6]; “*Rechtsverletzungen* (Verbrechen)” [von Zeiler, 1802, S. 30] – «*нарушениямъ правъ* (преступлениямъ)» [фон Цейлер, 1809, с. 44]; “*Rechtsverletzungen*, welche sich auf das Eigentum beziehen, sind: a) der Diebstahl..., b) der Raub..., c) der Überfall...” [von Zeiler, 1802, S. 93] – «*Нарушенія права* (курсив в тексте – С.П.), относящіяся къ *собственности*, суть: а) воровство..., б) грабежь..., в) нападеніе...» [фон Цейлер, 1809, с. 130].

В 40-е гг. XIX в. русское *нарушение права* начинает оформляться в сложение *правонарушение*. Например, криминалист, доктор права С.И. Баршев (1808–1882) в работе «О мере наказаний» (1840) пишет: «...преступникъ хочетъ *правонарушенія*, но не именно и не исключительно того, которое дѣйствительно совершаетъ. Это преимущественно случается тогда, когда воля направляется къ извѣстному роду *правонарушеній*, который содержитъ въ себѣ весьма различныя *правонарушенія*...» [Баршев, 1840, с. 44]. Русский правовед П.Г. Редкин (1808–1891) в «Юридических записках» (1841–1842) тоже употребляет это слово: «...эти дѣла (гражданские – С.П.), въ древній и средній періодъ нашей исторіи, обыкновенно вчинались вслѣдствіе насильственныхъ *правонарушеній*» [Редкин, 1842, т. 2, с. 84].

Однако использование композиты является скорее исключением, так как вплоть до начала XX в. в юридической литературе чаще применяется словосочетание. Кроме того, авторы предпочитают указывать немецкий эквивалент. Так, русский ученый, криминалист, специалист в области уголовного права Г.Е. Колоколов (1851–1909) в исследовании «К учению о покушении» (1884) разбирает работу Х.Р. Кёстлина (Christian Reinhold Köstlin)

“System des deutschen Strafrechts” (1855) и для пояснения русских слов применяет в скобках немецкие образцы: «...принципъ наказуемости покушенія можетъ покоиться лишь на томъ, что оно само является правонарушающимъ дѣйстви́емъ (rechtsverletzende Handlung); ... внѣшнее *правонарушеніе* (eine äussere *Rechtsverletzung*) здѣсь безусловно отсутствуетъ...» [Колоколов, 1884, с. 52]. Н.С. Таганцев (1843–1923) – отечественный криминалист, сенатор, действительный тайный советник, в «Лекциях по русскому уголовному праву» (1887) пишет о различиях «уголовной» и «полицейской неправды»: «...уголовная неправда есть дѣяніе вредоносное, а полицейская – опасное. Ея существеннымъ признакомъ является не вредъ, а непослушаніе. Въ этомъ смыслѣ уголовная неправда есть *нарушеніе права* (*Rechtsverletzung*), а полицейская – нарушение закона (*Gesetzübertretung*). Первая посягаетъ на чье либо право, а вторая – на постановленія, ограждающія права» [Таганцев, 1887, с. 71]. В замечаниях на «Проект особенной части Уголовного уложения «Злоупотребления государственной и общественной службой»» (1893): «Неправильность разрѣшенія дѣла заключается какъ бы въ обходѣ закона, въ неправильномъ признаніи того, что къ даннымъ обстоятельствамъ данный законъ непримѣнимъ... Здѣсь будетъ именно то, что такъ образно выражается нѣмецкимъ терминомъ *Rechtsbeugung*, – не *Rechtsverletzung* – не *нарушеніе* закона или *права*, а уклоненіе от указанного имъ пути, обходъ его» [Юридическое общество, 1893, с. 97].

Словосочетание *нарушитель прав* отмечается с конца XIX в. как в переводных изданиях: с английского языка *нарушитель народных прав* У. Блэкстона «Истолкование аглинских законов» [Блэкстон, 1781, кн. 2, с. 325]; с немецкого языка Ф. фон Цейлера “...eine Beschränkung der rechtlichen Freyheit des *Rechtsverletzers*...” [von Zeiler, 1802, S. 5] – «...ограниченіе правомѣрной свободы *нарушителя права*...» [фон Цейлер, 1809, с. 7] – , так и в русских трудах по

правоведению: «...подлежательность опредѣляется мѣстомъ поимки *нарушителей* нашего права» [Редкин, 1842, т. 2, с. 25].

С 60-х гг. XIX в. в юридической литературе встречается композита *правонарушитель*, например, в «Учебнике уголовного права» (1863) юриста-правоведа и адвоката В.Д. Спасовича (1829–1906) [Спасович, 1863, т. 1, с. 103]. Это слово активно употребляется переводчиками сочинений английского социолога и юриста Иеремии Бентама (1748–1832): «Совершенная безнаказанность *правонарушителей*» [Бентам, 1867, с. 266]; «Частныя преступленія – тѣ, которыя вредятъ тѣмъ или другимъ индивидуумамъ, которые могутъ быть указаны, кромѣ самого *правонарушителя*. Личныя преступленія ... – тѣ, которыми *правонарушитель* вредитъ только себѣ...» [Бентам, 1867, с. 474].

Оно настолько прочно вошло в лексический фонд русского языка, что употребляется в популярных журналах того времени: «Законъ ...прямо усматриваетъ въ каждомъ иновѣрцѣ русскаго происхожденія – *правонарушителя*» [Вестник Европы, 1873, т. 5, с. 351]. Кроме того, в переводных изданиях с немецкого языка данное сложение используется как самостоятельная единица языка без опоры на немецкий эквивалент *Rechtsverletzer*: “Für diejeniegen meiner Leser, die des Rechts nicht kundig sind, bemerke ich, das diese Klagen (actiones populares) Jedem, der wollte, Gelegenheit gaben, als Vertreter des Gesetzes aufzutreten und den *Verächter* desselben zur Verantwortung zu ziehen...” [Ihering, 1872, S. 58] – «Для тѣхъ моихъ читателей, которые незнакомы съ правомъ, я замѣчу, что право на эти жалобы (actiones populares) каждому, кто желаетъ, даетъ возможность выступить защитникомъ закона и притянуть къ отвѣту *правонарушителя*...» [Иеринг, 1874, с. 76]. Таким образом, переводчик Р. фон Иеринга употребляет данное существительное для передачи немецкого сочетания *Verächter des Gesetzes* (букв. презирающий закон; пренебрегающий законом).

В 90-х гг. XIX в. слово *правонарушитель* употребляется историком и правоведом И.А. Малиновским (1868–1932) в «Учении о преступлении по Литовскому Статуту» (1894): «Самый высокій штрафъ назначается въ томъ случаѣ, если *правонарушитель* и потерпѣвшій – шляхтичи (за уничтоженіе пограничныхъ знаковъ ... за переоранье межи – 3 рубля); штрафъ уменьшается, если *правонарушитель* – „человѣкъ простого стану“, а потерпѣвшій шляхтичъ...» [Малиновский, 1894, с. 164].

Вышеприведенные примеры из юридических источников указывают на широкое распространение сложений *правонарушение* и *правонарушитель* в области терминологической лексики русского языка. Однако эти слова не зафиксированы ни в Словаре церковно-славянского и русского языка [СЦСРЯ, 1847], ни в одном из изданий Словаря В.И. Даля [Даль 1863–1866, 1880–1882, 1903–1909], что говорит об их узко специальном характере. Единственную фиксацию слова *правонарушение* нам удалось найти в Польско-русском словаре П.П. Дубровского: «*Naruszenie prawa, правонарушєніє*» [Дубровский, 1876, с. 305].

В конце 70-х гг. XIX в. с целью упорядочения русско-немецкой юридической терминологии был издан специальный указатель юридических выражений, встречающихся в «Своде гражданских узаконений губерний остзейских» (1864). Здесь наряду с другой лексикой гражданского и торгового права зафиксировано немецкое слово *Rechtverletzung* с соответствующими ему русскими *нарушеніє права, нарушеніє* [Рейтерн, 1878, с. 237].

Ю.С. Сорокин считает существительные *правонарушение* и *правонарушитель* кальками немецких слов *Rechtsverletzung* и *Rechtsverletzer* соответственно [Сорокин, 1965, с. 169]. Н.С. Арапова относит слово *правонарушение* от немецкого *Rechtsverletzung* (нем. *Recht* ‘право’, *Verletzung* ‘нарушение’) к словообразовательным калькам [Арапова, 2000, с. 188]. Также словообразовательной калькой она считает слово *правонарушитель*, но образцами

калькирования, по ее мнению, могут являться два немецких существительных – *Rechtsverletzer* (нем. Recht ‘право’, verletzen ‘нарушать’) или *Rechtsbrecher* (нем. Recht ‘право’, brechen ‘ломать, нарушать’) [Там же. С. 189].

Правопорядок. В.В. Виноградов отмечает, что существительное *правопорядок*, наряду с такими правовыми терминами, как *правомочие*, *правомочный*, *правомерность*, *правомерный*, возникло в русском языке не ранее середины XIX в. [Виноградов, 1955, с. 103].

В юридической литературе 60-х гг. XIX в. нам удалось найти лишь словосочетание *правовой порядок*. Например, в переводе «Истории римского права» немецкого юриста Г.Ф. Пухты (1798–1846) выражение *правовой порядок* [Пухта, 1863, с. 415] полностью соответствует немецкому *rechtliche Ordnung* [Puchta, 1856, S. 555] в оригинале. В переводном издании А. Гейера образцом для русского выражения служит немецкое сложное существительное *Rechtsordnung*: «При учрежденіи *правоваго порядка*, чтобъ порядокъ этотъ не служилъ предметомъ нравственнаго отвращенія, должно обращать вниманіе на всѣ этическія идеи» [Гейер, 1866, с. 5] – “Bei Errichtung einer *Rechtsordnung* müssen, wenn diese nicht von sittlichem Mißfallen getroffen werden soll, alle ethischen Ideen berücksichtigt werden” [Geier, 1863, S. 4].

Необходимо отметить, что немецкое сложение *Rechtsordnung* в конце XIX–начале XX вв. имело и другие русские эквиваленты. Так, в «Курсе русского гражданского права» русского юриста, ординарного профессора, доктора права П.П. Цитовича (1843–1913) оно является образцом для словосочетания *наряд права*: «Опредѣленное и оформленное правомъ, распредѣленіе, а съ нимъ и все народное хозяйство, является *нарядомъ права (Rechtsordnung)*, попадаетъ подъ господство человѣческой мысли и воли» [Цитович, 1878, с. 4]. А позднее юрист, государствовед И.А. Ивановский (1858–1926) поясняет этим немецким существительным русское словосочетание *правовое общение*: «Все сказанное

вполнѣ примѣнимо и къ самой высшей сферѣ *правоваго общенія (Rechtsordnung)* – къ союзу междугосударственному или международному» [Ивановский, 1885, с. 8]. Л.А. Камаровский (1846–1912), русский ученый, юрист-международник, употребляет для немецкого *Rechtsordnung* синонимичное сочетание *юридический порядок*: «Воля государствъ творить право, но эта воля вторичный, а не первичный источникъ права. Она сама дѣйствуетъ и проявляется въ предѣлахъ того *юридическаго порядка (gemeinsame Rechtsordnung)*, который основывается не на производѣ субъектовъ права, а на ихъ единой и неизмѣнной природѣ» [Камаровский, 1895, с. 186]. Н.Н. Полянский (1878–1961), российский и советский ученый-юрист, криминолог, определяет немецкое *Rechtsordnung* как «(порядокъ, желательный съ точки зрѣнія права)» [Полянский, 1909, с. 274].

Как видно из вышеприведенных примеров, в русском языке долгое время не находилось устойчивого эквивалента для немецкого сложения. Юридическая литература предлагает разнообразные варианты, которые непременно сопровождаются иноязычным образцом. Тем не менее, чаще всего словосочетание *правовой порядок* передает на русский язык немецкое *Rechtsordnung*, например, «сущность всего *правоваго порядка (die Essenz der ganzen Rechtsordnung)*» [Ивановский, 1891, с. 20]. Данное словосочетание постепенно входит в употребление и в художественной литературе: «Вотъ, когда *правовой порядокъ* выйдетъ, тогда и урядникамъ веселѣе служить будетъ» [Салтыков-Щедрин, 1883, с. 315].

В 70-х гг. XIX в. наряду со словосочетанием *правовой порядок* встречается существительное *правопорядок*, например, русский правовед С.А. Муромцев (1850–1910) в «Очерках общей теории гражданского права», разбирая указанную нами выше работу Г.Ф. Пухты, использует оба варианта: «Догматическая система выражаетъ не столько дѣйствующій *правопорядокъ*, сколько систему правовоззрѣній, руководящую этимъ *правопорядкомъ*, въ ея типическихъ

чертахъ» [Муромцев, 1877, ч. 1, с. 81]; «У Пухты *правовой порядокъ* получаетъ самобытное существованіе, народно-правовое убѣжденіе отличается рѣзко отъ убѣжденій отдѣльных членовъ народа» [Там же. С. 214].

В юридической литературе конца XIX–начала XX вв. находим объяснение понятия «правопорядокъ» и употребление указанной композиты: «Событія, съ которыми *правопорядокъ* связываетъ тѣ или другія юридическія послѣдствія, такъ многочисленны, что перечисленіе ихъ невозможно» [Гамбаров, 1898, с. 706]; «Устанавливаемое государственною властью право есть право объективное или положительное; оно регулируетъ общественныя отношенія, охраняетъ интересы, уравниваетъ и умиротворяетъ ихъ въ случаѣ ихъ коллизіи, создаетъ, однимъ словомъ, то, что можно назвать *правопорядкомъ*. Въ созиданіи и поддержаніи такого *правопорядка* и заключается, можно сказать, самое выдающееся значеніе государственной структуры для общества, такъ какъ *правопорядокъ* есть условіе всякой общественной культуры...» [Ивановский, 1899, с. 35–36]; «...въ обыденной терминологіи юриспруденціи, въ которой на ряду со словомъ «*право*» или вмѣсто него, какъ равнозначашее выраженіе, примѣняется выраженіе «*правопорядокъ*» (*Rechtsordnung*)» [Петражицкий, 1900, с. 126].

Существительное *правопорядок* зафиксировано в третьем издании Словаря В.И. Даля (1903–1907): «[*Правопорядокъ* см. помирить: помириться. Господа *правопорядцы*, члены партіи *правового порядка*]]» [Даль, 1907, т. 3, стб. 991], в статье к слову «помирить» приводится пример: «[Кто хочетъ жить подъ охраною твердаго *правопорядка*, тотъ не можетъ помириться на постепенности маленькихъ преобразованій]]» [Там же. Стб. 705]. В свою очередь словосочетание *правовой порядок* отсылает к слову *порядок*: «[Правовой, опредѣляемый правомъ, закономъ. *Правовой порядокъ*, см. *порядокъ*]]» [Там же.

Стб. 991], где объясняется следующим образом: «[Правовой порядок, государственное устройство, основанное на законѣ и правѣ, а не на произволѣ]» [Там же. Стб. 854].

Это слово является словообразовательной калькой немецкого *Rechtsordnung* (нем. *Recht* ‘право’, *Ordnung* ‘порядок’) [Сорокин, 1965, с. 169; Арапова, 2000, с. 189]. С точки зрения словообразования – это структурно неточная калька: *прав-(о)-порядок* – *Recht-(s)-ordn-ung* – с соответствием внутренней формы.

Правоспособность. Существительное *правоспособность* наряду с немецким образцом *Rechtsfähigkeit* встречается в русском языке с 40-х гг. XIX в., например, у П.Г. Редкина: «...съ иностранцемъ переходять къ намъ и законы его отечества объ его способности приобретать права, пользоваться и распоряжаться ими, такъ называемая *Rechtsfähigkeit*, status naturales et civiles. <...> ...*правоспособность* иностранца, которой эффектъ выходитъ за пределы нашего отечества, обсуживается по законамъ его страны» [Редкин, 1842, т. 2, с. 16]; в «Журнале Министерства народного просвещения» (1846): «Чтобы владѣть имѣніемъ отдѣльному лицу, оно должно сознавать свою самостоятельную личность и юридическую *правоспособность*» [ЖМНП, 1846, ч. 50, отд. 6, с. 70].

В 60-е гг. XIX в. существительное *правоспособность* получает широкое распространение. Оно употребляется профессором юридических наук Н.С. Власьевым (1833–1873) в работе по истории права восточных славян: «Понятіе жизни человѣческой совпадаетъ съ понятіемъ существованія личности и *правоспособности* вообще...» [Власьев, 1860, с. 91]; у русского литератора и экономиста Ю.Г. Жуковского (1833–1907): «... съ относительною безправностію соединяется въ немъ (о рабе – С.П.) и относительная *правоспособность*» [Жуковский, 1860, с. 98]. Вместе с ним встречается и прилагательное *правоспособный*: «... въ нѣкоторыхъ современныхъ обществахъ не всѣ люди

признаются *правоспособными* <...> Актомъ рожденія челоуѣкъ вступаетъ въ общество людей: этотъ актъ и должно признать началомъ *правоспособности*...» [Мейер, 1864, с. 58]; «Къ личнымъ условіямъ соціальной *правоспособности* относятся: возрастъ, полъ, здоровье, религія, ... честь или нравственность; къ внѣшнимъ условіямъ соціальной *правоспособности* лица принадлежатъ: его имущественная обезпеченность, званіе, подданство» [Шпилевский, 1875, с. 174]; «... виды соединенія лицъ всегда имѣютъ опредѣленную организацію, могутъ проявлять свою волю и свою дѣятельность въ соціальной жизни народа и потому могутъ быть *правоспособными* субъектами въ области общественнаго права» [Там же. С. 179].

Несмотря на устойчивость использования данных терминов, в некоторых источниках довольно часто используется ссылка на немецкий оригинал: «Гегельянская литература утверждаетъ, что преимущественной охраной жизни, въ коллизіи ея съ низшимъ благомъ, поддерживается *правоспособность (Rechtsfähigkeit)* каждаго, то-есть право in substantia...» [Розин, 1899, с. 130]. Как правило к таким изданиям относятся обзорные и критические статьи на произведения немецких авторов или переводы. Так, в лекциях по русскому гражданскому праву правоведа и адвоката А.А. Борзенко (1847–1915) понятие «правоспособность» объясняется следующим образом: «*Правоспособность. Правомъ признанная возможность достиженія, ей соотвѣтствуетъ естественная способность (Rechtsfähigkeit und Handlungsfähigkeit)*» [ВДЮЛ, 1874, т. 7, с. 467].

В обзоре учения о принципах немецкого права Э.Р. Бирлинга (1841–1919) (Ernst Rudolf Bierling “Juristische Prinzipienlehre”) понятие «правоспособность» объясняется на контрасте с «дееспособностью» и характеризуется следующим образом: «Бирлингъ указываетъ на необходимость призванія извѣстныхъ лицъ (живыхъ людей с нормальными духовными силами – С.П.) субъектами права со

стороны всего общества, положительнаго права, отмѣчаетъ различныя ограниченія *правоспособности*, формы искусственной *правоспособности* (дѣтей, безумныхъ в др.) и даетъ понятіе дѣеспособности, отъ которой отличаетъ *способность къ обладанію правомъ (Rechtsfähigkeit)*» [ЮБ, 1895, с. 26].

О различіи вышеуказанныхъ понятій и терминовъ, характере ихъ происхожденія и употребленіи в разныхъ языкахъ подробно излагаетъ историкъ права и юристъ Н.Л. Дювернуа (1836–1906): «Мы скоро будемъ имѣть случай объяснить по вопросу о выброшенномъ и ничѣмъ незамѣненномъ терминѣ дѣеспособность (*Handlungsfähigkeit*), который и нѣмцы не находили точнымъ, но замѣнили его болѣе точнымъ *Geschäftsfähigkeit*, способность совершенія сдѣлки, а не менѣе точнымъ и совершенно непригоднымъ *Rechtsfähigkeit*, *правоспособность*, имѣющими совсѣмъ другой смыслъ, какъ это случилось у насъ» [Дювернуа, 1905, вып. 3, с. 693]; «Мы сейчасъ указали на произвольное устраненіе понятія дѣеспособности изъ нашего юридическаго обихода, безъ замѣны его другимъ терминомъ для этого специфическаго понятія. Это несомнѣнно переводное реченіе, передающее понятіе *Handlungsfähigkeit*. Французы обходились для выраженія того же понятія словомъ *capacité* въ разныхъ примѣненіяхъ, *capacité d'exercice*, *de jouissance*, *degrès dans la capacité*, *incapacité*. И вотъ одинъ изъ французскихъ юристовъ (*Capitant*, *Introduction à l'étude de droit civil*) находитъ очень мѣткимъ терминологическое различіе, которое выразилось въ нѣмецкой рѣчи для обозначенія, съ одной стороны, *de l'aptitude à être titulaire de droits*, *имѣть Rechtsfähigkeit*, *быть правоспособнымъ*, а съ другой *de la capacité d'agir*, *de faire des actes juridiques qui produiront les conséquences légales qui y sont attachées*, *быть дѣеспособнымъ*. Нѣмцы тѣмъ временемъ успѣли въ своемъ анализѣ явленій обмѣна сдѣлать еще шагъ впередъ.

Терминъ *Handlungsfähigkeit* остался въ литературѣ. Но въ легальной рѣчи для выраженія *capacité, faculté* (*capacitas, facultas agendi*, для процесса – *persona legitima in judicio standi*) употребляются въ тѣснѣйшемъ примѣненіи въ юридической сдѣлкѣ особый терминъ – *Geschäftsfähigkeit*, котораго нельзя передать ни чрезъ *faculté de négotier* или *de déclarer la volonté*, ибо у французовъ самое понятіе сдѣлки не есть настолько выработанное, какъ у нѣмцевъ» [Дювернуа, 1905, вып. 3, с. 697].

Исходя из приведенных примеров можно констатировать, что в русском языке существительным *правоспособность* нередко заменяется понятие «дееспособность», в то время как в немецком языке существуют два обозначения, четко различающих эти явления. Применение композиты *Rechtsfähigkeit* в русских текстах исключает двойственности в понимании термина *правоспособность*. Подтверждением этому служит наличие рассматриваемых слов в указателе юридических выражений В.Е. Рейтерна, о котором мы упоминали ранее: «*Rechtsfähig. Правоспособный*»; «*Rechtsfähigkeit (die)*. См. *Rechts- und Handlungsfähigkeit (die)*»; «*Rechtsfähigkeit, allgemeine. Общая правоспособность*» [Рейтерн, 1878, с. 235]. Как видно, при толковании существительного *Rechtsfähigkeit* автор отсылает и к слову *Handlungsfähigkeit*, однако к нему не дается русский вариант [Там же. С. 155].

Что касается лексикографической фиксации рассматриваемых слов, то находим их в энциклопедическом словаре Ф.Г. Толля [Толь, 1863–1866]: «*Правоспособность*, законом признанная способность, пользоваться извѣстными правами и преимуществами о п. Почти всѣ законодательства ограничивают п. женщ. относительно мужчины» [Толль, 1864, т. 3, с. 191]. В.И. Даль же не отметил этих лексем в первом издании своего словаря (1863–1866). Это можно объяснить тем, что *правоспособность, правоспособный* не воспринимались им как исконно русские слова. В 1874 г. И.Ф. Наумов указывает на их отсутствие в

Словаре В.И. Даля: «*Правоспособность* – требуется судебн[ым] Уст[авом] 20 Ноябр. 1864 г. при совершении актовъ; *правоспособный*» [Наумов, 1874, с. 29]. Видимо, это замечание было принято, так как во втором издании Толкового словаря живого великорусского словаря (1880–1882) существительное *правоспособность* с пометой «юрид.» уже зафиксировано [Даль, 1882, т. 4, с. 392].

Действительно о характере происхождения указанных лексем спорить не приходится. Еще В.В. Виноградов предполагал вероятность их формирования как калек немецких *Rechtsfähigkeit, rechtsfähig* [Виноградов, 1955, с. 104]. Н.С. Арапова считает существительное *правоспособность* словообразовательной калькой немецкого *Rechtsfähigkeit* (нем. *Recht* ‘право’, *Fähigkeit* ‘способность’) [Арапова, 2000, с. 189]. С данным мнением мы полностью согласны, так как проведенное нами исследование это подтверждает. Русские слова *правоспособность, правоспособный* являются структурно точными словообразовательными кальками немецких *Rechtsfähigkeit, rechtsfähig* с соответствием внутренней формы.

2.1.4. Экспликация и анализ сложений с первым компонентом *само-*

Само-, как первая часть составных слов, имеет два значения: «1) действие, понятие о котором заключено во второй части, направлено кем-н. на самого себя, напр. *самолюбие, самобичевание, самовлюбленный, самостраховщик, самокритика* и т.п.; 2) действие совершается само собой, непроизвольно или собственными средствами, без посторонней помощи и т.п. (ср. *сам* во 2 знач.), напр. *самовозгорание, самозажигание, самодеятельность, самозаряжаться, самозакрепление* и т.п.» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 29]. Композиты с первым

компонентом *само-* широко представлены в русском языке XIX в. Как известно, образованы они по образцу, который закрепился еще в старославянском языке, благодаря влиянию греческих слов с первым компонентом *αυτο-* [Сорокин, 1965, с. 169]. Конечно старославянская модель словообразования послужила фундаментом для формирования и автохтонных лексем русского литературного языка [Виноградов, 1994, с. 84]. Однако среди таких сложений выделяется ряд отвлеченных слов, обозначающих различные явления общественно-политической жизни, а также психического состояния человека, которые возникли под влиянием соответствующих немецких лексем. При этом, разумеется, нужно отдельно рассматривать каждый конкретный случай, так как очень сложно определить, сформировано ли слово путем калькирования или образовано русским языком самостоятельно.

Как правило, подобные сложения, относящиеся к разряду книжной лексики, встречаются в публицистике и в научных философских произведениях 30–60-х гг. XIX в. Одним из авторов, активно использующих сложения с первым компонентом *само-*, является русский публицист, писатель и философ А.И. Герцен (1812–1870). Наряду со словами *самобичевание*, *самообвинение*, *самообладание*, *самообольщение*, *самоопределение*, *самопожертвование* и другими он употребляет синонимичные им сложения *себябичевание*, *себяобвинение*, *себяобладание*, *себяобольщение*, *себяопределение*, *себяпожертвование*. Например, в «Былом и думах», описывая влияние системы воспитания на молодежь во времена правления Николая II, А.И. Герцен констатирует: «Молодые люди становились ипохондриками, подозрительными, усталыми, не имѣя двадцати лѣтъ отъ роду. Они всѣ были заражены страстью *самонаблюденія*, *самоизслѣдованія*, *самообвиненія* <...> Вглядываясь съ участіемъ въ ихъ покаянія, въ ихъ психическія *себя-бичеванія*, доходившія до клеветы на себя, я наконецъ убѣдился потомъ, что все это одна изъ формъ того же *самолюбія*» [Герцен, 1879, т. 9, с. 142]; «Въ записной книгѣ того времени

уцѣлили слѣды цѣлой психической болѣзни, отъ покаянья и *себяобвиненія* до ропота и нетерпенья...» [Герцен, 1879, т. 7, с. 221]; в работе «Дилетантизм в науке» (1843) он обличает влияние романтизма в эпоху средних вв.: «... ни въ какую эпоху страсти не бушевали необузданныѣ и жизнь не была противоположныѣ убѣжденію и рѣчамъ, формализмомъ, уловками, *себяобольщеніемъ* примиряясь съ совѣстью...» [Герцен, 1875, т. 1, с. 312]; «Но таковъ инстинктуальный путь развитія естественнаго, безсознательнаго къ сознанию, къ *себяобладанію*...» [Там же. С. 379].

В настоящее время первая часть *себя-* (*себе-*) в составе сложных слов характеризует их как устаревшие: «Себедовлеющий, ая, ее (книжн. устар.). То же, что самодовлеющий» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 123]; «Себялюбец, бца, м. (книжн. устар.). Эгоист, себялюбивый человек» [Там же. Стб. 124]. Она сохранилась лишь в таких словах, как *себестоимость*, *себялюбивый*, *себялюбие* [Там же. Стб. 123, 124]. Кроме того, отсутствие вышеуказанных слов с первым компонентом *себя-* в лексикографических и литературных источниках может свидетельствовать об их исключительно авторском происхождении.

Самобичевание. Это слово в переносном значении «причинение себе нравственных страданий, обвинение самого себя» встречается в статье Н.А. Добролюбова (1836–1861) «Опыт отучения людей от пищи», опубликованной в журнале «Свисток» (1860): «...великодушію г. Кокорева нетъ никакихъ предѣловъ, а *самобичеваніе* посредствомъ гласности сдѣлалось у нѣго чѣмъ-то въ родѣ хронической болѣзни» [Добролюбов, 1896, т. 4, с. 474]. Этот пример зафиксирован в Словаре современного русского литературного языка, как первое употребление слова *самобичевание* [ССРЛЯ, 1962, т. 13, стб. 79–80]. В 70–80-х гг. XIX в. встречаем его в журнале «Русский вестник» (1877): «...американскія газеты предались ... *самобичеванію*» [Русский вестник, 1877, т. 128, с. 613]; у

М.Е. Салтыкова-Щедрина: «...въ порывѣ предсмертнаго *самобичеванья* наклепала на себя...» [Салтыков-Щедрин, 1880, с. 171].

Что касается лексикографических источников, то лексема *самобичевание* зафиксирована лишь в Словаре Д.Н. Ушакова сразу в двух значениях, прямом и переносном: «1. Причинение себе физических страданий из религиозного изуверства. 2. перен. Причинение себе нравственных страданий вследствие раскаяния в ошибке, сознания своей вины» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 30].

Ю.С. Сорокин считает существительное *самобичевание* калькой немецкого *Selbstgeißelung* [Сорокин, 1965, с. 169]. Н.С. Арапова относит его к словообразовательным калькам, а образцом калькирования, кроме немецкого *Selbstgeißelung* (нем. *selbst* ‘сам’, *Geißelung* ‘бичевание’), предполагает также французское *autoflagellation* (франц. *auto-* ‘само-’, *flagellation* ‘бичевание’) [Арапова, 2000, с. 209].

При обращении к немецким словарям, нами было обнаружено следующее: предполагаемый немецкий прототип *Selbstgeißelung* не зафиксирован в Словаре Братьев Гримм; не обнаружена его фиксация и в переводных словарях XIX в.; ресурс ДУДЕН-онлайн указывает *Selbstgeißelung* лишь как пояснение к лексемам *Flagellantentum* “Flagellantentum, das – Kasteiung, Selbstgeißelung aus religiösen Gründen» и *Flagellant* «Flagellant, der – 1. (Geschichte) (im Mittelalter) Angehöriger religiöser Bruderschaften, die durch Selbstgeißelung Sündenvergebung erreichen wollen; 2. (Medizin, Psychologie) sexuell abnorm veranlagter Mensch, der in Züchtigung und Geißelung geschlechtliche Erregung und Triebbefriedigung sucht” [DUDEN-online, Электронный ресурс]; поиск по Интернет-ресурсу DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache выдал только один пример употребления лексемы *Selbstgeißelung* в источниках XIX в., а именно в сборнике «Волшебный рог мальчика» А. фон Ахима и К. Brentano (1806 г.): “Als vorzeiten die Flagellanten in *Selbstgeißelung* wehklagend durch alle Straßen den Strom der Vorübergehenden in ihren Ton hineinrissen, so verstummte in dieser späteren

Selbstpeinigung der Furcht noch einmal aller edle Gemüthston”, наивысшая частотность употребления данной единицы приходится на период с 1995 по 2015 гг. [DWDS-online, Электронный ресурс].

Таким образом, выше представленные факты употребления немецкого сложения *Selbstgeißelung* и отсутствие его фиксации в немецких лексикографических источниках, опровергают то, что данная единица является калькируемым образцом для русского *самобичевание*.

Самовозбуждение. Это существительное встречается в переводных философских текстах с немецкого языка: «Но гдѣ же предѣль живости, гдѣ граница *самовозбужденія* въ природѣ?» [Риль, 1887, с. 195]. В немецком оригинале ему соответствует *Eigenerregung*: “Wo aber ist die Grenze der Lebendigkeit, die der *Eigenerregung* in der Natur?” [Riehl, 1887, 2, S. 166] (букв. нем. *eigen* ‘собственный’, *Erregung* ‘возбуждение’). Однако в широкое употребление оно входит, вероятнее всего, благодаря созданию в 1867 г. Вернером Сименсом (Ernst Werner Siemens) (1816–1892) динамомашины, то есть генератора постоянного тока с самовозбуждением [Эйхенвальд, 1928, с. 423]. Таким образом, изобретение принципа самовозбуждения в физике, повлекло за собой активное употребление соответствующего обозначения в радио- и электротехнической литературе и периодике 20–30-х гг. XX в.: «При *самовозбуждении* передача на разных волнах осуществляется соответствующей настройкой замкнутого контура лампы...» [Радио всем, 1928, № 1, с. 10].

Впервые данная лексема зафиксирована в Словаре Д.Н. Ушакова с пометой «физика»: «*Самовозбуждение* (физ.). Самостоятельное возбуждение чего-н. без видимых внешних возбудителей» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 31].

Образцом для формирования русской единицы посредством словообразовательного калькирования является немецкое сложение *Selbsterregung* (нем. *selbst* ‘сам’, *Erregung* ‘возбуждение’) [Арапова, 2000, с. 210]. Слово-прототип встречается сначала в 1852 г. в изданиях по психологии человека, а

затем переходит в разряд электротехнических терминов [DWDS-online, Электронный ресурс].

Самовоспитание. В русском литературном языке слово *самовоспитание* встречается с 40-х гг. XIX в. Так, В.Г. Белинский пишет о Петре I: «...Петръ самъ долженъ былъ создать самого себя и средства для этого *самовоспитанія* найти не въ общественныхъ элементахъ своего отечества, а внѣ его, и первымъ пестуномъ его было отрицаніе» [Белинский, 1907, т. 4, стб. 185]. Это слово отмечается в письме Н.П. Огарева Н.Х. Кетчеру (1845) [Арапова, 2000, с. 210]. В 60-х гг. XIX в. встречается его написание через дефис, например, у Н.Г. Чернышевского: «...если англійскій работникъ бываетъ сколько нибудь выше дровосѣка и водовоза, онъ обязанъ своею сообразительностью воспитанію, которое у него почти всегда только *само-воспитаніе*» [Чернышевский, 1905, т. 7, с. 163].

Слово *самовоспитание* впервые зафиксировано в Словаре Д.Н. Ушакова, где отмечено как книжное [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 31].

К. Флекенштейн отмечает точное структурное соответствие немецкого сложения *Selbsterziehung* русскому *самовоспитание*. Однако она не отказывается от мысли, что русское существительное могло возникнуть независимо от немецкого, тем более в период, когда данный словообразовательный тип был очень продуктивным [Флекенштейн, 1963, с. 128]. Н.С. Арапова образцами калькирования этого слова считает либо немецкое *Selbsterziehung* (нем. *selbst* ‘сам’, *Erziehung* ‘воспитание’), либо французское *autoéducation* (франц. *auto* ‘сам’, *éducation* ‘воспитание’) [Арапова, 2000, с. 210].

Предполагаемый немецкий прототип встречается в немецком литературном языке в 1792 г. в сочетании “eine lebendigere Ueberzeugung von der Nothwendigkeit *der moralischen Selbsterziehung*” и активно употребляется с 20-х гг. XIX в. в философской, юридической, педагогической литературе [DWDS-online, Электронный ресурс]. Словарь Братьев Гримм отмечает его у И.Г. Кампе [DWB-

online, Электронный ресурс]. ДУДЕН скромно дефинирует *Selbsterziehung* как “das Sich-selbst-Erziehen” [DUDEN-online, Электронный ресурс]. Переводные словари XIX в. не фиксируют ни немецкую, ни русскую единицу.

Самообразование. Среди многочисленных новообразований 30-х гг. XIX в., относящихся к философской терминологии и восходящих, вероятно, к немецкому образцу встречается лексема *самообразование* в значении «самостоятельное просвещение»: «Жизнь есть не что иное, как непрерывное *самообразование*, беспрестанное стремление к совершенству» [Телескоп, 1831, № 10, с. 132]; «...у насъ все-таки нѣтъ ни ученыхъ книгъ, ни книгъ для общаго чтенія с цѣлію *самообразованія*» [Белинский, 1906, т. 1, стб. 658]; «Когда школа хочетъ замѣнить человеку *самообразованіе*, тогда она берется совсѣмъ не за свое дѣло... <...> *Самообразованіе* составляетъ необходимую и въ высшей степени законную фазу здороваго человѣческаго развитія» [Писарев, 1903, т. 4, стб. 551–552].

В 60-х гг. XIX в. эта композита употребляется в значении «самостоятельное формирование»: «...основная идея всей фізіологической исторіи великорусскаго народа есть идея послѣдовательнаго историко-этнографическаго областнаго *самообразованія*, разнообразной мѣстной организаціи ... наростанія великорусской народности...» [Отечественные записки, 1861, т. 128, с. 598].

Фиксация этого слова в русских лексикографических источниках начинается со второго издания Словаря В.И. Даля (1880–1882): «*Самообразованіе* самоучки» [Даль, 1882, т. 4, с. 134]. Словарь Д.Н. Ушакова лишь расширил это значение: «Приобретение знаний путем самостоятельных занятий вне школы, без помощи обучающаго лица. *Овладеть иностранными языками путем самообразования*» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 37].

Многие лингвисты признают существительное *самообразование* словообразовательной калькой немецкого *Selbstbildung* [Флекенштейн, 1963,

с. 127–128; Сорокин, 1965, с. 168; Арапова, 2000, с. 212]. В немецком литературном языке оно встречается с конца XVIII в., например, у И.Г. Кампе, И.Г. Гердера, И.В. Гете, И.Г. Фихте в значении “Entfaltung und Prägung der geistig-seelischen Anlagen und Erwerb von Kenntnissen und Fähigkeiten durch eigene (lebenslange) Bemühungen (ohne fremde Anleitung)” [DWB-online, Электронный ресурс]. Кроме того, в современном немецком языке отмечается и второе значение “ohne fremde Einwirkung, von selbst Entstandenes” у этой композиты, например, в следующем контексте: “Alles, was in der Evolution entstand, entstand aufgrund spontaner *Selbstbildungen* ohne irgendwelche Rücksicht auf bereits bewährte, in der kulturellen Evolution etablierte Gewohnheiten” [DWB-online, Электронный ресурс].

Русское *самообразование* является структурно точной словообразовательной калькой немецкого *Selbstbildung* (нем. selbst ‘сам’, Bildung ‘образование’) с соответствием внутренней формы: *сам-(о)-образова-ни-е* – *Selbst-bild-ung*.

Самодеятельность. Это слово в значении «инициатива» употреблялось в научно-книжных стилях речи. Е.А. Земская датирует его появление в русском литературном языке 50–60-ми гг. XIX в. [Земская, 1957, с. 37]. Однако Н.С. Арапова отмечает употребление слова *самодеятельность* уже в первой трети XIX в. в значении «спонтанность; собственное творчество» в «Опыте о воспитании» Н.И. Знаменского (1821) [Арапова, 2000, с. 210]. Мы находим его несколько ранее у А. Галича: «...самодѣтельность, то есть свобода» [Галич, 1819, т. 2, с. 203].

Это существительное широко представлено в журналах с конца 20-х гг. XIX в. Оно употребляется в сочетаниях «самодѣтельность мысли» [Сын Отечества, 1828, ч. 117, с. 175]; «самодѣтельность разсудка» [Библиотека для чтения, 1835, т. 11, отд. 2, с. 1]; «самодѣтельность мышленія» [Отечественные записки, 1840, № 4, отд. 2, с. 75]. Его можно встретить и в других сочетаниях: «У нихъ (поморов – С.П.) больше ... развить духъ промышленности и торговли, а съ

нимъ вмѣстѣ развились предприимчивость и *самодѣтельность*» [Звездочка, 1848, № 25, с. 22–23]; «Изъ всѣхъ возбудителей ... спящаго зародыша къ жизненной *самодѣтельности* или проростанію (germination) самый могущественный есть ... солнце...» [Звездочка, 1848, № 26, с. 25].

Слово *самодѣтельность* употребляется В.Г. Белинским, А.И. Герценом, Н.Г. Помяловским. В 60-е гг. XIX в. оно прочно входит в литературный оборот в выражении «духовная *самодѣтельность*» [Костомаров, 1861, ч. 1, с. 11]; в предисловии Е. Корша к «Микрокозму» Г. Лотце (1866), переведенном с немецкого языка «... понятія вещи, вещества, силы, причины, слѣдствія, закона и т. д., – все это вѣдь метафизика и совершенно невозможно безъ духовной *самодѣтельности*, которую мы необходимо связываемъ съ понятіемъ о душѣ...» [Лотце, 1866, ч. 1, с. 6].

В значении «проявление инициативы, свободного личного почина в чем-нибудь, в какой-нибудь области общественной жизни» его употребляет писатель и публицист князь В.П. Мещерский (1839–1914): «...громная доля *самодѣтельности* осталась еще за уѣздными управами...» [Мещерский, 1868, с. 410].

Первая фиксация этого слова принадлежит Словарю В.И. Даля (1863–1866), где существительное *самодѣтельность* вместе с прилагательным *самодѣтельный*, помещено рядом со старыми славяно-русскими словами: «Самодѣйствіе, *самодѣтельность*, дѣйствіе отъ себя, изъ себя. Самодѣйная и самодѣйственная *машина*. Самодѣтель м. и самодѣтель или самодѣлатель, дѣйствующій своею силою и властью. *Самодѣтельные* силы» [Даль, 1866, ч. 4, с. 120].

Я.К. Грот указывает на пропуск слова *самодѣтельность* в русско-французском словаре Н.П. Макарова (1867) вместе с такими словами, которые в

русском языке «еще новы, но и тѣ уже приобрѣли или по крайней-мѣрѣ болѣе и болѣе приобрѣтають право гражданства» [Грот, 1873, с. 246–247]. Это существительное зафиксировано Ф.А. Потоцким в «Словаре польского и русского языка» (1877). Наряду со словами *самодействие*, *самодейственность*, оно объясняет польское *samo-dzielność* [Потоцкий, 1877, ч. 1, с. 555]. Однако в «Полном словаре польского и русского языка» П.П. Дубровского (1877) польскому слову *samodzielność* соответствует русское *самостоятельность* [Дубровский, 1876, с. 577].

Лексема *самодеятельность* структурно точно соответствует немецкой *Selbsttätigkeit* (нем. *selbst* ‘сам’, *Tätigkeit* ‘деятельность’). Однако в XVIII–XIX вв. в русском языке уже зафиксированы слова *самодѣйственный* («дѣйствующій самъ собою, безъ помощи другихъ») [САР, 1790, ч. 2, стб. 900], *самодѣйствие* (церк. «дѣйствие, совершившееся само собою»), *самодѣлатель*, *самодѣтель* (церк. «дѣлающій самъ собою, безъ содѣйствія другихъ»), *самодѣтельный* (церк. «способный дѣйствовать самъ собою, безъ помощи другихъ») [СЦСРЯ, 1847, т. 4, с. 89]. Таким образом, национальная почва для образования этой композиты была вполне подготовлена уже древнерусской литературно-языковой традицией, и высока вероятность того, что *самодеятельность* является собственно русским образованием.

В немецком языке *Selbsttätigkeit* известно с начала XVII в. и употребляется И.В. Гете, Ф. Шиллером, Новалисом, И. Кантом, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегелем [DWB-online, Электронный ресурс]. Произведения этих немецких поэтов и философов оказали большое влияние на духовное развитие русской интеллигенции, что могло послужить внешней предпосылкой к появлению соответствующего слова в русском языке.

Лексема *самодеятельность* является одним из примеров, на котором можно хорошо показать постоянное взаимодействие языков. В советское время данное

существительное использовалось особенно активно. У него появился новый оттенок значения: «вокально-музыкальное выступление, или театральное представление и т.п., устраиваемые собственными силами, без участия артистов-профессионалов. *Вечер самодеятельности*» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 33]. Прежде всего оно стало употребляться в сочетании *художественная самодеятельность*, которое, в свою очередь, было калькировано немецким языком в форме *künstlerische Selbstbetätigung* [Флекенштейн, 1963, с. 115].

Самодисциплина. Существительное *самодисциплина* известно в русском языке с конца XIX–начала XX вв. Оно встречается в 1884 г. во «Временнике Демидовского юридического лица»: «...слѣдуетъ ли смотрѣть на исповѣдь, какъ на *самодисциплину*, возведенную въ церковный институтъ...» [ВДЮЛ, 1884, т. 34, отд. 5, с. 38]. Это слово отмечается также в журнале «Русская школа» за 1893 г.: «...развитіе *самодисциплины*, самоопредѣляемости учащихся имѣетъ большое значеніе и въ отношеніи ихъ здоровья» [Русская школа, 1893, № 1, с. 245]. В журнале «Вестник воспитания» дается описание средней школы, образование и воспитание в которой основываются на принципе самостоятельной деятельности учеников: «...въ такой школѣ учащіеся ... пріобрѣтутъ много навыковъ въ примѣненіи выборнаго начала и много уроковъ *самодисциплины*» [Вестник воспитания, 1907, № 1, с. 37].

Таким образом, слово *самодисциплина* употребляется прежде всего в образовательной литературе и означает «умение владеть своим поведением, дисциплина в собственном поведении».

В отношении его калькированного характера есть некоторые сомнения. Во-первых, лингвисты называют разные образцы калькирования. К. Флекенштейн в своей диссертации пишет о его точном соответствии немецкому *Selbstdisziplin* [Флекенштейн, 1963, с. 185]. Н.С. Арапова считает существительное *самодисциплина* словообразовательной калькой немецкого сложения *Selbstzucht* (нем. *selbst* ‘сам’, *Zucht* ‘дисциплина’) [Арапова, 2000, с. 210]. Однако еще в

начале XX в. А.И. Введенский в «Религиозном сознании язычества» (1902), описывая теорию йоги, употребляет немецкое *Selbstzucht* в отношении русского *самовоспитание*. Он пишет, что одной из составных йоги является «*niyama*, “самовоспитаніе” (*Selbstzucht*), требующее ... положительных свойств и навыков: чистоты тѣлесной и душевной, довольства, самоограниченія (аскетизма), науки (изученія Ведъ и размышленія надъ ними), богомыслія (или богопреданности)» [Введенский, 1902, 1, с. 478].

В данном случае трудно решить, является ли слово *самодисциплина* калькой или самостоятельным образованием. Тем более, что сложения с первым компонентом *само-* могли возникнуть в русском языке и независимо от немецкого.

Самозащита, самооборона. Данные лексемы являются синонимами в русском языке: «*Самозащита*, ы, мн. нет, ж. (книжн.). Защита собственными силами от угрожающей опасности, противодействие опасности, угрозе своей жизни, имуществу, интересам» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 34]; «*Самооборона*, ы, мн. нет, ж. То же, что самозащита. || Защита, оборона государственных интересов силами и средствами самого населения наряду с государством (нов.).» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 37].

Ю.С. Сорокин вносит существительное *самозащита* в перечень «новых слов, лишь отчасти фиксируемых словарями второй половины XIX века» [Сорокин, 1965, с. 301], однако он не указывает ни одного лексикографического источника, зафиксировавшего данное слово. Вероятно, первая фиксация лексемы *самозащита*, а также ее синонима *самооборона* принадлежит третьему изданию Словаря В.И. Даля (1903–1909): «защита собственными силами, не рассчитывая на постороннюю помощь, самооборона» [Даль, 1909, т. 4, стб. 19]; «Самооборона ж., самозащита» [Там же. Стб. 21].

С 20-х гг. XIX в. в публицистике встречается форма *самозащищение* [Арапова, 2000, с. 210], которая употребляется в русском литературном языке до

60-х гг. XIX в: «Но *самозащищенье* / Прямая добродѣтель – и оплотъ / Всѣхъ нашихъ правъ» [Библиотека для чтения, 1860, т. 158, с. 52]. В «Сборнике статей, недозволенных цензурою в 1862 году» сообщается, что после объявления манифеста об отмене крепостного права народ, не понимая, что от него требуют, «...всталъ въ прямую, хотя и молчаливую оппозицію противу общества и, какъ средствомъ къ *самозащищенію*, вооружился ...неподатливостью, ...недовѣріемъ...» [Сборник статей..., 1862, т. 1, с. 76].

В этот период наряду со словом *самозащитеніе* встречается и композита *самозащита*: «Теорія государственнаго *самозащищенія*» [Спасович, 1863, т. 1, с. 32], «Казнь соразмѣрена не съ виною преступника, но съ требованіями *самозащиты*» [Там же. С. 33]; «Итакъ, женскій инстинктъ *самозащиты* вывелъ Джулію здоровой и невредимой изъ ея опаснаго положенія» [Отечественные записки, 1864, т. 152, с. 186].

В начале XX в. данное слово отмечается вместе с поясняющим его немецким сложением *Selbstverteidigung* в «Журнале Министерства юстиции», где излагается система германского гражданского уложения от 1 июля 1896 г. (*Bürgerliches Gesetzbuch*), шестой раздел которого содержит правила «о *самозащите (Selbstverteidigung)* и самопомощи (*Selbsthilfe*)» [Журнал Министерства юстиции, 1917, № 4, с. 76].

Наряду со словом *самозащита* в публицистике 60-х гг. XIX в. употребляется композита *самооборона*: «принцип *самообороны*» [Русский вестник, 1860, т. 28, с. 80], «право *самообороны*» [Журнал Министерства юстиции, 1863, т. 17, с. 645], «...это вынужденная крайней необходимостью *самооборона*...» [Русское слово, 1865, № 7, с. 32].

В.Д. Спасович в «Учебнике уголовного права» использует это существительное как синоним слову *самозащита*: «Теорія *самообороны* государственной переноситъ право защиты съ отдѣльнаго лица на государство...»

[Спасович, 1863, т. 1, с. 32]. В журнале «Современник» (1863) опубликована рецензия на вышеуказанный учебник, в которой, разумеется, тоже встречается существительное *самооборона*: «Недостатокъ теоріи *самообороны* заключается въ томъ, что понятіе *самообороны* гораздо шире, чѣмъ понятіе наказанія, такъ что *самообороною* оправдаются многія такія мѣры, которыхъ никакъ нельзя назвать мѣрами уголовнаго правосудія...» [Современник, 1863, т. 98, с. 287].

В начале XX в. отмечается употребление данной композиты в сопровождении немецкого существительного *Selbstschutz*: «...нѣмецкіе помѣщики организовали *самооборону* (*Selbstschutz*) по отдѣльнымъ замкамъ» [Вестник Европы, 1907, т. 10, с. 351]. Однако, необходимо заметить, что ранее, еще в 90-х гг. XIX в., немецкое *Selbstschutz* передавалось на русский язык и словом *самозащита*. Так, в журналах того времени часто встречается словосочетание *самозащита интересов*, которое сопровождается в качестве пояснения немецким *Selbstschutz des Interesses* [Журнал гражданского и уголовного права, 1893, т. 10, с. 12; Университетские известия, 1897, № 9, с. 55].

Таким образом, употребление рассматриваемых лексем в одинаковом значении, параллельное их использование в качестве эквивалентов к немецким сложениям *Selbstverteidigung* и *Selbstschutz* является не только очередным доказательством синонимии русских существительных, но и подтверждает синонимичность указанных немецких лексем.

Так, ДУДЕН фиксирует два значения у немецкого *Selbstverteidigung* “1. das Sich-selbst-Verteidigen; Handlung, Äußerung, mit der jemand sich selbst verteidigt. 2. (Sport) Sportart, die zur Selbstverteidigung eingesetzt werden kann” [DUDEN-online, Электронный ресурс]. В синонимичном ряде к данному сложению приводится лексема *Selbstschutz* в значении “das Sichschützen, Sichabschirmen gegen bestimmte negative Einflüsse” [DUDEN-online, Электронный ресурс]. Употребление единицы *Selbstverteidigung* отмечается словарями с начала XIX в. у И.Г. Кампе: “seine (Göthes) polemik ist aber nicht angreifender natur, sondern

abwehrender, und am ende bloß *selbstvertheidigung*» [DWB-online, Электронный ресурс; Köbler, 1995, S. 367, Электронный ресурс]. Однако она встречается в немецких письменных памятниках уже с конца 60-х гг. XVIII в., а лексема *Selbstschutz* спустя столетие – с 60-х гг. XIX в. [DWDS-online, Электронный ресурс]. Словарь Братьев Гримм, например, фиксирует ее у О. Бисмарка “als erste bedingung galt mir die unabhängigkeit Deutschlands auf grund einer zum *selbstschutz* hinreichend starken einheit” [DWB-online, Электронный ресурс].

Кроме того, синонимичность подтверждается одновременной фиксацией вторых частей анализируемых русских и немецких лексем в словарях XVIII в.: «*Schutz*, praesidium, *защипение*, заступление, *защита*, хранительство, сохранение; *Vertheidigung*, defensio, patrocinium, *защита*, *защипение*, *оборона*» [Вейсман, 1731, с. 564, 639]; «*Защита*, f. der *Schutz*, Schirm, defensio, protectio» [Гельтергоф, 1771, с. 240]; «*Защита*, ы, f. der *Schutz*, Schirm, die Stütze, Verschirmung, Verschützung, *Vertheidigung*, la defense, protection, le soutieen, l'appui; *Защипение*, я, n. *die Vertheidigung*, der *Schutz*, die Verschützung, la defense, protection» [Нордстет, 1780, с. 238]. Традиция продолжается и в XIX в., например, в Словаре И.А. Шмидта: «*Защита*, *Schutz*, m. Verschützung, Verschirmung, *Vertheidigung*; *Защипение*, Verschützung, *Vertheidigung*, f.» [Schmidt, 1844, Th. 1, S. 122]; «*Оборона*, *Vertheidigung*, Verschützung, Gegenwehr, f.» [Schmidt, 1844, Th. 1, S. 233]; «*Schutz*, m. (Verschützung) *защита*, ограда» [Schmidt, 1844, Th. 2, S. 315]; «*Vertheidigung*, f. *защипение*, *оборона*» [Schmidt, 1844, Th. 2, S. 394].

Н.С. Арапова определяет русские существительные *самозащита* и *самооборона* как словообразовательные кальки немецких *Selbstverteidigung* (нем. selbst ‘сам’, *Verteidigung* ‘защита’) и *Selbstschutz* (нем. selbst ‘сам’, *Schutz* ‘оборона’) соответственно [Арапова, 2000, с. 212]. Сопоставив факты употребления и фиксации рассматриваемых лексем русского и немецкого языков, мы приходим к выводу, что слово *самозащита* является структурно неточной словообразовательной калькой немецкого *Selbstverteidigung* (сам-(о)-защит-а –

Selbst-verteidig-ung) с соответствием внутренней формы. Что касается лексемы *самооборона*, то возникают сомнения относительно ее образования по иноязычному образцу. Русская единица встречается в письменных памятниках раньше, чем ее предполагаемый немецкий прототип *Selbstschutz*.

Самовосхваление. В русском языке XVIII–XIX вв. существовало несколько форм: *самохвальство*, *самохваление*, *самовосхваление*.

Форма *самохвальство* зафиксирована еще в XVIII в. академическими словарями русского языка и означает «хваленіе самага себя не по достоинству» [САР, 1794, ч. 6, стб. 509]. Кроме того, немецко-русские лексикографические источники устанавливают ее эквивалентность немецкому словосочетанию *eigenes Lob*: «*eigenes Lob*, fui ipfius praedicatio, *самохвалство* (sic! – С.П.), собственная похвала» [Вейсман, 1731, с. 386] или лексеме *das Selbstlob* [Аделунг, 1798, ч. 2, с. 489].

В XIX в. в русском языке наблюдается одновременное употребление рассматриваемых слов, например, у П.А. Вяземского в «Старой записной книжке» (1825): «Поэтамъ (но замѣтимъ, однимъ великимъ поэтамъ) дозволяется иногда *самовосхваленіе*; но надобно, чтобы благородство языка выкупало передъ судьями то, что можетъ быть смѣшнымъ въ *самохвальствѣ*» [Вяземский, 1883, т. 8, с. 28], «Благодарное чувство мое да будетъ оправданіемъ моему случайному *самохваленію*» [Вяземский, 1867, с. 2].

А.А. Бестужев-Марлинский использует как *самохвальство*, так и *самохваление*: «Тамъ, гдѣ *самохвальство*, взаимная похвальба и незаслуженныя брани дошли до крайней степени, тамъ критика необходима для разрушенія заговоренныхъ броней какой-то мнимой славы и самонадѣянности...» [Бестужев-Марлинский, 1847, т. 4, ч. 11, с. 123], «...поэзія есть пѣсня *самохваленія*» [Там же. С. 167].

В 40-х гг. XIX в. наиболее часто встречается лексема *самохвальство*: «наглое *самохвальство*» [Белинский, 1860, т. 6, с. 240]; «Въ минуты сознанія своего они сами оставили свои душевные портреты, которые отозвались бы *самохвальствомъ*, если бы ихъ жизнь не была тому подкрѣпленіемъ» – так характеризует Н.В. Гоголь русских писателей [Гоголь, 1847, с. 82–83]. И.Ф. Богданович пишет эпиграму «На *самохвальство*», которая, на наш взгляд, дает точное объяснение этому понятию: «Разумныя дѣла себѣ ты ставишь въ смѣхъ, / И говоришь, что ты умнеѣ въ свѣтѣ многихъ. / Не спорю я съ тобой: умнеѣ ты и всѣхъ, / Да только не людей, а всѣхъ четвероногихъ» [Богданович, 1848, т. 1, с. 348].

В 60-е гг. XIX в. она уступает лидерство слову *самовосхваление*: «Такъ какъ подъ любовью или нелюбовью къ русской народности обыкновенно разумѣютъ или напыщенное *самовосхваленіе* или какое то смиренное самоуничиженъе и презрѣнъе: то одинаково несогласно съ человѣческимъ достоинствомъ и то, и другое» [Буслаев, 1861, т. 2, с. 103]; «И, пожалуйста, не подумайте, чтоб слова мои заключали в себе *самовосхваление...*» [Салтыков-Щедрин, 1966, т. 6, с. 525]; «И тутъ, по чуткости моей, мнѣ удалось / Подслушать возгласы, упреки, наставленья, / Придирки, сплетни, *самовосхваленъя*» [Полонский, 1886, т. 2, с. 210].

Несмотря на свою частотность употребления данная лексема остается незамеченной словарями. На это обращает внимание Я.К. Грот и указывает на отсутствие слова *самовосхваление* в Словаре Н.П. Макарова (1867). Он выделяет его особым образом вместе с другими лексемами, которых «нѣтъ ни въ одномъ изъ вышедшихъ до сихъ поръ русскихъ словарей» [Грот, 1873, с. 247]. Позднее это замечание было принято вторым изданием Словаря В.И. Даля (1880–1882), где вместе со словом *самохвальство* зафиксировано и *самовосхваление*:

«Самовосхваленіе, самохвальство. Два писателя эти утѣшаются взаимнымъ самовосхваленіемъ» [Даль, 1882, т. 4, с. 135]. Обе лексемы употребительны и в современном русском языке с оттенком «неодобрительно». Согласно Словарю Д.И. Ушакова *самохвальство* «поведение, образ действий самохвала; хвастовство» относится к разговорному стилю [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 44], а *самовосхваление* «восхваление, прославление самого себя» – книжное образование [Там же. Стб. 31].

По мнению Н.С. Араповой русское *самовосхваление* является словообразовательной калькой немецкого *Selbstlob* (нем. *selbst* ‘сам’, *Lob* ‘хвала’) [Арапова, 2000, с. 210]. Однако мы считаем, что это собственно русское образование, так как в русском литературном языке XVIII–XIX вв. существовало несколько форм, а немецко-русские словари передавали его разными немецкими сложениями и сочетаниями.

Самокритика. Данное сложение зафиксированна в Словаре Д.Н. Ушакова с пометой «новое»: «*Самокритика*, и, мн. нет. ж. (нов.). 1. Критика своих ошибок, вскрытие, выявление недостатков в своей работе, в своем поведении. *В его докладе мало самокритики. Выступить в порядке самокритики.* 2. Общественная критика недостатков работы своего предприятия, своей организации, а также деятельности и поведения отдельных работников. *Он не терпит самокритики. Не допускать зажима самокритики. Развернуть самокритику. ...Лозунг самокритики является основой нашего партийного действия, средством укрепления пролетарской диктатуры, душой большевистского метода воспитания кадров. Сталин. ... Только в обстановке открытой и честной самокритики можно воспитать действительно большевистские кадры... Сталин*» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 35].

Однако лексема *самокритика* довольно часто встречается в русской публицистике, начиная с 1880 г.: «Передъ этою неспособностью къ *самокритикѣ* стоять, конечно, остановиться, какъ передъ любопытнымъ фактомъ національной

паталогіи, но бороться съ нею мы не видимъ средствъ» [Отечественные записки, 1880, т. 249, с. 167]; «Нечего опасаться заблуждений свойственныхъ всякому исканію, лишь бы оно было предпринято въ духъ науки, то-есть по ея методамъ въ которыхъ заключается ея сила, ея существо, ея *самокритика*, ея самоповѣрка» [Русский вестник, 1884, т. 172, с. 405].

Н.М. Шанский, вслед за Л.Р. Зиндер и Т.В. Строевой-Сокольской [Зиндер, Строева-Сокольская, 1941, с. 330], считает его одним из русских образований: «...сейчас моделью для калькирования во многих языках становятся и наши, русские слова. ...*самокритика* и т.п.» [Шанский, 1959, с. 204].

К. Флекенштейн, напротив, относит русское *самокритика* к калькам по немецкому образцу. Действительно, немецкое *Selbstkritik* зафиксировано уже с конца XVIII–начала XIX вв. в Немецком словаре братьев Гримм: “*selbstkritik*, f.: philosophie einer wissenschaft entsteht durch selbstkritik und selbstsystem der wissenschaft. Novalis 3, 234 Meiszner; die schonungsloseste selbstkritik, die sich in früherer zeit unmittelbar nach der vollendung platz machte, fieng jetzt schon an, sich während der arbeit einzustellen. Grillparzer 4 15, 167” [DWB-online, Электронный ресурс]. В XX в. калька *самокритика* получила «широкое распространение и под влиянием воздействия идей КПСС на КПГ» оказала влияние на немецкий образец, при котором он изменил свое значение и стал очень употребительным [Флекенштейн, 1963, с. 115].

Мы, вслед за Н.С. Араповой [Арапова, 2000, с. 211], относим данную лексему к полукалькам, так как второй компонент данного сложения является заимствованием: *само-критика* – *Selbst-kritik* (нем. *selbst* ‘сам’, *Kritik* ‘критика’).

Самообладание. Это слово встречается в русском литературном языке с 30-х гг. XIX в., например, у А. Галича в «Картине человека» (1834): «Важнѣе уже значеніе чловѣка у Пифагора, который говорилъ о *самообладаніи*, объ очищеніяхъ, о гармоніи...» [Галич, 1834, с. 20]. Его использует В.Г. Белинский в письме В.П. Боткину 1840 г., когда пишет о мужике, который ничего кроме хлеба

никогда не ел и вдруг однажды увидел множество кондитерских изделий: «...можно сказать, что у него нѣтъ *самообладанія* и человѣческой воздержности, если онъ на эти вещи будетъ смотрѣть глазами тигра...» [Белинский, 1907, т. 4, стб. 1052]. Слово *самообладание* часто употребляет Ап. Григорьев, например о романе И.С. Тургенева «Дворянское Гнездо» (1859): «...съ меньшимъ *самообладаніемъ*, Тургеневъ кончилъ анализъ натуры Рудина апоѳеозою его личности...» [Григорьев, 1915, вып. 10, с. 118]; в статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859) он пишет о Лажечникове: «Натура, богатая безсознательнымъ чутьемъ ..., но положительно лишенная *самообладанія*...» [Григорьев, 1915, вып. 6, с. 70]; в критической статье «Лермонтов и его направление» (1862): «Мы купили опытомъ жизни холодъ *самообладанія*» [Григорьев, 1915, вып. 7, с. 35].

Несмотря на то, что слово *самообладание* употребляется в русском языке с 30–40-х гг. XIX в., немецко-русские словари передают *Selbstbeherrschung* русским сочетанием «власть над собой» [Schmidt, 1844, Th. 2, S. 322]. Этот факт обнаруживается даже в 70-х гг. XIX в., когда существительное уже приобрело широкое распространение в русском языке: «Онъ (Шопенгауэр – С.П.) прямо признаетъ необходимость твердыхъ правилъ для противодѣйствія безнравственнымъ побужденіямъ, и въ этомъ полагаетъ *власть надъ самимъ собою (Selbstbeherrschung)*» [Чичерин, 1877, ч. 4, с. 154].

Слово *самообладание* впервые было зафиксировано во втором издании Словаря В.И. Даля (1880–1882) в значении «сила воли» [Даль, 1882, т. 4, с. 136].

В начале XX в. в русской литературе оно встречается с немецким эквивалентом: «Ту добродѣтель, въ силу которой человѣкъ, независимо отъ внезапныхъ движеній чувства, разумною волею опредѣляетъ свое поведеніе и действія, мы называемъ – *Selbstbeherrschung* – *самообладаніемъ* (умѣренность

или самообуздание – Self-Restraint – по терминологии Макэнзи). *Самообладание* выражается в способности людей определять свою жизнь сообразно поставленным целям и принципам» [Янжул, 1904, с. 460–461].

Таким образом, лексема *самообладание* является структурно точной словообразовательной калькой немецкого сложения *Selbstbeherrschung* (нем. selbst ‘сам’, Beherrschung ‘обладание’): *сам-(о)-облада-ни-е* – *Selbst-beherrs-ch-ung* с соответствием внутренней формы.

Самообличение. Ю.С. Сорокин утверждает, что данная лексема возникла в конце 50-х гг. XIX в. в «обстановке распространения обличительной литературы» и приводит много примеров ее употребления [Сорокин, 1965, с. 301]. Н.С. Арапова отмечает это существительное в статье К.С. Аксакова «Обозрение современной литературы» (1857), предположив возможность его образования от немецкого *Selbstanklage* (нем. selbst ‘сам’, Anklage ‘обвинение, обличение’) [Арапова, 2000, с. 212].

В 1859 г. это слово встречается у А.С. Хомякова: «...постоянное требованіе *самообличенія* въ природѣ челоѣка и въ природѣ общества...» [Хомяков, 1900, т. 3, с. 418]. В 1860 г. его употребляет Н.А. Добролюбов в статье «Опыт отучения людей от пищи»: «...онѣ вдругъ переходить къ *самообличенію*...» [Добролюбов, 1896, т. 4, с. 474]. Впервые слово *самообличение* было зафиксировано в Словаре Д.Н. Ушакова с указанием на книжный стиль: «*Самообличение*, я, ср. (книжн.). Обличение самого себя» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 37].

Его предполагаемый немецкий образец *Selbstanklage* встречается в языке-источнике с конца XVIII в. [DWDS-online, Электронный ресурс], зафиксирован в Словаре Братьев Гримм в значении “1) anklage seiner selbst, die man gegen sich selbst erhebt; 2) selten, anklage, die man in eigner person erhebt: er lehnte die selbstanklage des fürsten ab. s. Campe” [DWB-online, Электронный ресурс] и в настоящее время обозначает: “1. (gehoben) Anklage, Vorwurf, den jemand gegen

sich selbst richtet [und mit dem er sich öffentlich eines begangenen Unrechts bezichtigt]. 2. (selten) Selbstkritik” [DUDEN-online, Электронный ресурс].

Самообвинение. Это слово встречается в литературных памятниках с 40-х гг. XIX в. Так, В.Г. Белинский, раскрывая философское понятие истины, пишет, что основным условием ее достижения является для человека «...отлучение от самого себя въ пользу истины», в результате чего «...происходят добровольныя лишеныя, ... готовность къ *самообвинению* предъ истиной, самоотвержение и самопожертвование...» [Белинский, 1906, т. 1, стб. 558]. Лексема *самообвинение* отмечается в неотправленном письме А.И. Герцена Н.П. Огареву 18 апреля 1843 г. [Арапова, 2000, с. 212]. Кроме того, как уже говорилось выше, автор использует в своих произведениях и вариант *себяобвинение* [Герцен, 1879, т. 7, с. 221; Герцен, 1879, т. 9, с. 142]. Н.А. Добролюбов употребляет *самообвинение* в критической статье «Губернские очерки», опубликованной в журнале «Современник» (1857): «Что заставляло ихъ съ такимъ увлечениемъ подвергать себя торжественному *самообвинению*?» [Добролюбов, 1896, т. 1, с. 408].

По мнению Н.С. Араповой сложение *самообвинение* является словообразовательной калькой немецкого *Selbstbeschuldigung* (нем. selbst ‘сам’, Beschuldigung ‘обвинение’) [Арапова, 2000, с. 212]. С точки зрения строения русская лексема – это структурно неточная калька с соответствием внутренней формы: *сам-(о)-об-вин-ени-е* – *Selbst-be-schuld-ig-ung*. Однако, нам не удалось найти этому подтверждения в литературных источниках в виде совместного употребления кальки и слова-прототипа. Не зафиксирована пара *самообвинение* – *Selbstbeschuldigung* и в переводных словарях XIX в. Фиксация русского сложения впервые встречается в Словаре Д.Н. Ушакова: «*Самообвинение*, я, ср. (книжн.). Обвинение, делаемое, предъявляемое самому себе» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 36]. Немецкая лексема *Selbstbeschuldigung* отмечается в литературном источнике 1791 г., однако это единственный пример ее употребления. Наибольшая частотность наблюдается в 40-х гг. XX в. в газетных текстах [DWDS-online,

Электронный ресурс]. Не зафиксирована эта лексема и в словарях XIX в., отмечаются лишь варианты *Selbstschuld*, *Selbschuld* с 1674 г. в значении “eigne schuld, schuld die man selbst woran hat: durch selbstschuld unglücklich werden; gewöhnlich selbstschuld” [DWB-online, Электронный ресурс]. Словари современного немецкого языка при толковании немецкого сложения *Selbstbeschuldigung* отсылают к лексеме *Selbstanklage*: “*Selbstbeschuldigung*, die vgl. –anklage” [DWDS-online, Электронный ресурс]; “*Selbstbeschuldigung*, f. s. Selbstanklage” [DUDEN-online, Электронный ресурс].

Самообложение. Это слово встречается в русском литературном языке с конца 60-х гг. XIX в. Русский писатель и общественный деятель князь А.И. Васильчиков (1818–1881) употребляет это слово в работе «О самоуправлении» (1869). Он пишет, что русский народ, в сравнении с другими европейскими, принимает широкое участие во внутреннем управлении страны, ему предоставлено «...все хозяйственное управление, съ неограниченнымъ правомъ *самообложениа*...» [Васильчиков, 1869, т. 1, с. 7]. Слово *самообложение* встречается в «Дневнике провинциала в Петербурге» (1872) М.Е. Салтыкова-Щедрина вместе с формой *самообкладывание*: «Что, въ самомъ дѣлѣ, кроется въ этомъ *самообкладываниіи*?» [Салтыков-Щедрин, 1889, т. 4, с. 302]; «Дѣды наши не были скопидомы и не тряслись надъ каждою копейкой, ... они не были способны къ *самообложению* изъ энтузіазма» [Там же. С. 303].

Несмотря на широкое употребление слова *самообложение* в конце XIX–начале XX вв., оно было зафиксировано только в Словаре Д.Н. Ушакова (1940) с пометой «нов. офиц.» в значении «добровольное обложение взносами на удовлетворение местных культурных и хозяйственных нужд, установленное самим населением» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 37].

Н.С. Арапова предполагает, что это существительное может являться словообразовательной калькой немецкого *Selbstbesteuerung* (нем. selbst ‘сам’, Besteuerung ‘обложение налогом’, где нем. Steuer ‘налог’) [Арапова, 2000, с. 212].

Однако, по данным DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, это немецкое существительное не зафиксировано в современных словарях немецкого языка: „Selbstbesteuerung“ ist nicht in unseren gegenwartssprachlichen lexikalischen Quellen vorhanden” [DWDS-online, Электронный ресурс]. Указанный ресурс отмечает лишь его употребление в специализированных литературных источниках, начиная с 1817 г.: “Der Begriff der *Selbstbesteuerung* des Volkes durch Landstände...” [DWDS-online, Электронный ресурс]. Судя по представленным ссылкам, данная композита наиболее активно используется в 60-е гг. XIX в. преимущественно с прилагательным *freiwillig* (букв. рус. добровольный) в юридической литературе.

Важно отметить, что немецкое существительное *Selbstbesteuerung* обладает прозрачной внутренней формой, о чем свидетельствует наличие морфемы *-steuer-* со значением ‘налог’ во второй части сложения (*Selbst-be-steuer-ung*). Кроме того, слово *Besteuerung* от глагола *besteuern* (букв. рус. облагать налогом) отмечается словарями как первая составляющая сложений *Besteuerungsart*, *Besteuerungsrecht* [DWB-online, Электронный ресурс].

В отличие от *Selbstbesteuerung* русское *самообложение* не имеет такой «открытой» семантики. Весь смысл скрыт во второй части данной композиты - *обложение* «Обложение, я, мн. нет, ср. 1. Действие по глаг. *обложить* в 4 знач.; налог, сбор (офиц.)» [Ушаков, 1938, т. 2, стб. 659]. Значение глагола *обложить*, ранее *обкладывать*, раскрывает всю семантику существительного: «Обложить ожу́, о́жишь, сов. ... 4. (несов. облагать) кого-что чем. Обязать к уплате какой-н. денежной суммы (налога, какого-н. взноса в пользу государства или на общественные цели; офиц.). || что чем. Установить налог на какой-н. вид имущества (офиц.)» [Ушаков, 1938, т. 2, стб. 659]. Форма *обкладывать* в этом же значении зафиксирована еще в конце XVIII в. Словарем Академии Российской: «Обкладываю, и Окладываю, ешь 4) Обоброчиваю; налагаю подать, оброкЪ на народЪ. Обкладывать, обложить подданныхЪ податью, новымЪ оброкомЪ

крестьянъ. Обложить, по скольку каждая душа должна давать вЪ казну оброку» [САР, 1792, ч. 3, стб. 572].

Таким образом, мы не нашли достаточно доказательств, подтверждающих калькированный характер лексемы *самообложение* от немецкого *Selbstbesteuerung*. Более того, независимое употребление русского глагола *обложить (обкладывать)* от немецкого *besteuern* и его скрытая семантика, в отличие от немецкого глагола, а также наличие фиксации в русских словарях композиты *самообложение*, в отличие от немецкого сложения *Selbstbesteuerung*, которое до сих пор игнорируется немецкими авторитетными лексикографическими изданиями, свидетельствует об автохтонности русского образования.

Самообман, самообольщение. В русском языке эти слова имеют следующие значения: «*Самообман*, а, мн. нет, м. Внушение себе мыслей, не соответствующих действительности, обманчивая, внушенная самому себе уверенность в чем-н.» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 37], «*Самообольщение*, я, мн. нет, ср. (книжн.). Обольщение самого себя, увлечение приятными, но ложными мечтами. *Пребывать в самообольщении*» [Там же. Стб. 37]. Несмотря на очевидное семантическое различие и стиль употребления считаем необходимым рассматривать данные лексемы вместе. Причиной этому служит довольно частое их употребление в качестве эквивалентов немецкого сложения *Selbstbetrug*, реже – *Selbsttäuschung*, которые в современном немецком языке являются синонимами [DWDS-online, Электронный ресурс].

Лексема *самообольщение* встречается в русском языке намного раньше, чем *самообман*. Начало ее употребления относят к 30–40-м гг. XIX в. [Земская, 1957, с. 35; Арапова, 2000, с. 212]. Однако уже в конце XVIII в. она зафиксирована в двуязычном Словаре И.Х. Аделунга как эквивалент немецкой единицы *Selbstbetrug*: «*Selbstbetrug* заблужденіе, *самообольщеніе*» [Аделунг, 1798, ч. 2, с. 488]. Немецкоязычное издание вышеуказанного словаря определяет это

понятие как «ложное суждение о себе, своих чувствах» и указывает на его переносное значение: “*Selbstbetrug, des – es, plur.inusit. eigentlich, ein Betrug, welchen man an sich selbst verübet, doch nur im figürlichen Verstande, ein falsches Urtheil, welches man von sich, seinen Empfindungen, Vorzügen fället*” [Adelung, 1780, Th. 4, S. 426]. Отсутствие слова *самообольщение* в литературных источниках указанного периода, с одной стороны, и фиксация в переводном лексикографическом источнике, с другой стороны, свидетельствуют о его калькированном характере.

Самое раннее употребление данной лексемы нам удалось найти у П.А. Вяземского в «Старой записной книжке» (1825): «Онъ (поляк – С.П.) пускается во вся тяжкая, ставитъ ребромъ свой послѣдній *злотый* (курсив в тексте – С.П.), свои послѣднія усилія и надежды, и окончательно разоряется впредь до новаго *самообольщенія*, до новаго марева и новыхъ жертвоприношеній неисправимой мечтѣ своей» [Вяземский, 1883, т. 8, с. 111].

Начиная с 30-х гг. XIX в., это слово активно используется в русском литературном языке: «Отчаяніе есть только *самообольщеніе...*» [Галич, 1834, с. 448–449]; «... въ печальномъ *самообольщеніи...*» [Герцен, 1879, т. 8, с. 352–353]; «...утѣшенія эти кратковременны, какъ всякое *самообольщеніе*» [Григорьев, 1915, вып. 10, с. 90]; «...уничтожить все *самообольщеніе...*» [Григорьев, 1915, вып. 6, с. 34]; «Сила въ томъ, говорю я, что въ этой безпощадной, мрачно-иронической «думѣ» (кавычки в тексте – С.П.) гораздо больше гордости и *самообольщенія*» [Григорьев, 1915, вып. 7, с. 35]. Однако несмотря на это, лексикографические источники его незаслуженно игнорируют, на что обращает внимание Я.К. Грот [Грот, 1873, с. 247]. Позднее существительное *самообольщение* было зафиксировано во втором издании Словаря В.И. Даля (1880–1882) в значении «лестный для самолюбия обман самого себя» [Даль, 1882, т. 4, с. 136].

К. Флекенштейн предполагает образование русского *самообольщение* путем калькирования немецкого сложения *Selbsttäuschung* [Флекенштейн, 1963, с. 124] (нем. *selbst* ‘сам’ *Täuschung* ‘обольщение’). Действительно, в 80-х гг. XIX в. находим пример русско-немецкого соответствия указанных единиц: «Ну, вотъ теперь и обнаружилось, къ чему вело это *самообольщеніе*» – “Nun es hat sich gezeigt, wozu diese *Selbsttäuschung* führte” [Модестов, 1883, с. 404]. Однако фиксация единицы *самообольщение* к лексеме *Selbstbetrug* в Словаре И.Х. Аделунга 1798 г., как мы указывали выше, не позволяет установить немецкое *Selbsttäuschung* в качестве ее образца калькирования. Кроме того, в 40-х гг. XIX в. слово *Selbsttäuschung* использовалось как синоним единицы *Selbstbetrug* и передавалось на русский язык сочетанием *обман самого себя*: “*Selbstbetrug*, m. обманъ самага себя. <...> *Selbsttäuschung*, f. *Selbstbetrug*, m. обманъ самага себя” [Schmidt, 1844, Th. 2, S. 322], которое позже трансформировалось в сложение *самообман*.

Данная лексема встречается с конца 60-х гг. XIX в., например, у русского писателя, драматурга П.Д. Боборыкина (1836–1921) в романе «Жертва вечерняя» (1868): «...живи въ твоємъ безпробудномъ *самообманѣ*!» [Боборыкин, 1885, т. 5, с. 365]. Русский экономист и публицист В.П. Безобразов (1828–1889) употребляет его в очерке «Война и революция» (1873): «И тутъ дѣло не всегда въ намѣренномъ обманѣ, а очень часто въ *самообманѣ*...» [Безобразов, 1873, с. 164]. Поэт Я.П. Полонский (1819–1897) в поэме «Мими» (1877): «Затѣмъ, при помощи румянъ, / И вы начнете привыкать / Къ *самообману* – увѣрять, / Что вамъ совсѣмъ не тридцать пять...» [Полонский, 1886, т. 3, с. 203]. В начале 80-х гг. XIX в. слово *самообман* встречается у поэта, публициста и общественного деятеля И.С. Аксакова (1823–1886) в статье из газеты «Русь» (1881): «...Германія склонна была къ *самообману*...» [Аксаков, 1881, с. 705].

В русском языке был употребителен также вариант *самообманывание*. Он часто встречается, например, у Аполлона Григорьева в «Моих литературных и нравственных скитальчествах» (1862): «Съ этою женскою, или лучше сказать бабьею мягкостью натуры, соединялось, самолюбьице совершенно пѣтушиное и удивительно способное к *самообманыванію*» [Григорьев, 1915, вып. 1, с. 31] и в критической статье «Лермонтов и его направление» («Крайние грани развития отрицательного взгляда»)» (1862): «*Самообманываніе* обратилось у него (у Тамирина – С.П.) въ болѣзнь...» [Григорьев, 1915, вып. 7, с. 76]. Это слово употреблял и граф Л.Н. Толстой (1828–1910), например, в педагогической статье «Ясно-полянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» (1862): «Нашъ міръ дѣтей – людей простыхъ, независимыхъ – долженъ оставаться чистъ отъ *самообманыванія* и преступной вѣры в законность наказанія, вѣры и *самообманыванія* въ то, что чувство мести становится справедливымъ, какъ скоро его наказаніемъ... (отточие в тексте – С.П.)» [Толстой, 1889, ч. 4, с. 249], в романе «Анна Каренина» (1873–1876): «Это такой вздоръ, такое вранье, такое *самообманыванье*...» [Толстой, 1889, ч. 9, с. 140].

Несмотря на то, что оба варианта употребляются в русском литературном языке с 60-х гг. XIX в., их нет в словарях. Слово *самообманывание* не закрепилось в языке, а *самообман* впервые был зафиксирован только в 1940 г. [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 37].

Вслед за К. Флекенштейн [Флекенштейн, 1963, с. 125] и Н.С. Араповой [Арапова, 2000, с. 212] мы причисляем слово *самообман* к словообразовательным калькам и считаем его образцом немецкое сложение *Selbstbetrug* (нем. *selbst* ‘сам’, *Betrug* ‘обман’).

Самоограничение. Данная единица отмечается в «Живописной энциклопедии» (1847) [Арапова, 2000, с. 213]. В 60–70-е гг. XIX в. она активно употребляется в русских философских и духовных текстах при описании

устройства бытия в целом и человека в частности: «способность самоуправленія и *самоограниченія*» [Русский вестник, 1862, т. 37, с. 50]; «...подвиговъ нравственнаго самоотреченія и *самоограниченія*» [Христианское чтение, 1869, ч. 2, с. 231]; «Въ посты, по смыслу учрежденій церкви, человѣкъ призывается къ внутреннему *самоограниченію*, умерщвленію плоти и духовному самососредоточенію...» [Труды Киевской Духовной Академии, 1871, т. 2, с. 293]; «...міръ, осуществленный *самоограниченіемъ* абсолюта...» [Никанор, 1876, т. 2, с. 83]. В конце XIX в. сложение *самоограничение* используется в юридической литературе, касающейся вопросов государственного права: «Въ отношеніи государства или, лучше сказать, носителя государственной власти, граждане никакихъ правъ не имѣютъ и не могутъ имѣть, ибо это значило бы, что государство обязываетъ само себя; если и можно допустить государственное самоопредѣленіе и *самоограниченіе*, то это будутъ понятія, выходящія уже изъ юридической области» [Ивановский, 1899, с. 15–16]. Освещая проблему международных договоров, российский юрист-международник Ф.Ф. Мартенс (нем. Friedrich Fromhold Martens) (1845–1909) пишет, что «въ послѣднее время подробно развивается теорія, основывающая силу трактатовъ на «*самоограниченіи* воли» (кавычки в тексте – С.П.) заключившихъ ихъ государствъ» [Мартенс, 1882, т. 1, с. 380]. Словосочетание *самоограничение воли* автор взял в кавычки не случайно. Оно точно передает немецкое выражение *Selbstbeschränkung des Staatswillens* из работы немецкого юриста Георга Еллинека (нем. Georg Jellinek), на которую ссылается Ф.Ф. Мартенс [Jellinek, 1880, S. 27].

Таким образом, сформировавшись сначала как духовно-философский термин, а затем попав в юридическую литературу, лексема *самоопределение* закрепились в русском литературном языке. Однако авторы и составители лексикографических изданий не признают ее существование вплоть до 40-х гг.

XX в. Лишь Словарь Д.Н. Ушакова фиксирует данное слово как книжное в значении: «Добровольное ограничение своих потребностей, интересов» [Ушаков, 1940, стб. 37]. Принадлежность к книжной лексике свидетельствует о его калькированном характере [Арапова, 2000, с. 10]: русское *самоограничение* является структурно точной словообразовательной калькой немецкого *Selbstbeschränkung* (нем. selbst ‘сам’, Beschränkung ‘ограничение’): *сам-(о)-огранич-ени-е* – *Selbst-be-schränk-ung*. Внутренняя форма кальки полностью соответствует внутренней форме слова-прототипа: «*Selbstbeschränkung, die bewusstes Sichbeschränken auf einen bestimmten Bereich*» [DUDEN-online, Электронный ресурс].

Немецкий образец калькирования *Selbstbeschränkung* известен в языке-источнике с конца XVIII в. и встречается у Фридриха фон Шлегеля (1799) [DWDS-online, Электронный ресурс]. По сведениям, представленным DWDS, данная единица широко использовалась в философских, религиозных и юридических произведениях, а активность ее употребления в немецком литературном языке начала проявляться с 20-х гг. XIX в. [DWDS-online, Электронный ресурс]. Это подтверждает наше мнение о том, что немецкое *Selbstbeschränkung* является словом-прототипом для русской кальки *самоограничение*.

Самоопределение. Н.С. Арапова отмечает данное существительное с 30-х гг. XIX в., а именно у К.П. Зеленецкого в «Опыте исследования некоторых теоретических вопросов» (1836) [Арапова, 2000, с. 213]. Вероятно, это самая ранняя фиксация в письменных памятниках. Нам удалось найти эту лексему в литературных источниках лишь с 40-х гг. XIX в., где она употребляется в философском смысле. Например, А.И. Герцен пишет о философском понятии идеи Платона: «...у Платона она (идея – С.П.) въ сущности готова была раскрыться дальнѣйшими *самоопредѣленіями*...» [Герцен, 1876, т. 2, с. 145]; «Востокъ не имѣлъ науки; онъ жилъ фантазіей и никогда не устанавливался на

столько, чтобъ привести въ ясность свою мысль, тѣмъ менѣе развилъ ее наукообразно; онъ такъ расплывался въ безконечную ширь, что не могъ дойти до какого нибудь *самоопредѣленія*» [Там же. С. 95]. Здесь слово *самоопределение* скорее всего восходит к выражению Г.В.Ф. Гегеля *Selbstbestimmung der Idee* [Флекенштейн, 1963, с. 116].

Позднее встречается словосочетание *сознательное самоопределение*. В журнале «Русский вестник» умственная деятельность ученого сравнивается с умственной деятельностью ребенка, и различие их состоит лишь «въ *сознательномъ самоопредѣленіи*». Процесс этот описывается следующим образом: «Ребенокъ наблюдаетъ все, что предлагаетъ ему случай, и безсознательно составляетъ себѣ о томъ свое понятіе; такъ-называемый практическій человѣкъ наблюдаетъ то, съ чѣмъ приводитъ его въ соприкосновеніе родъ его занятій, и составляетъ свои понятія, сообразно кругу своей дѣятельности. Ученый наблюдаетъ лишь то, что желаетъ наблюдать, и знаетъ причину такого желанія» [Русский вестник, 1859, т. 23, с. 163–164]. М.А. Бакунин в 1867 г. употребляет то же сочетание, когда пишет о человеке вообще: «...благодаря своему разуму ... одинъ между всѣми земными животными, обладаетъ сознательнымъ *самоопредѣленіемъ*, *свободной волей* (курсив в тексте – С.П.)» [Бакунин, 1907, т. 1, с. 110].

Таким образом, в 40–60-х гг. XIX в. слово *самоопределение* использовалось в русском литературном языке в значении «самостоятельное распоряжение собственною судьбою по собственному выбору».

К концу XIX в. в связи со спорами вокруг национального вопроса это существительное приобретает другой оттенок значения и употребляется в политическом смысле чаще всего в сочетании *право на самоопределение* или *право самоопределения*. Так, А.Д. Градовский пишет о праве государства на

независимость, основанием которого являлось «...высшее право каждой народности на самостоятельное развитие и *самоопредѣленіе* (Das Recht der nationalen Entwicklung und der Selbstbestimmung der Völker)» [Градовский, 1873, с. 117]. Как видно из примера, русскому сложению *самоопределение* соответствует немецкое *Selbstbestimmung*. Обе единицы встречаются также в «Отчетах лиц, командированных за границу, с ученою целью...» (1879) в сочетании *свободное самоопределение, freie Selbstbestimmung* [Отчеты..., 1879, с. 88], у С.М. Латышева «способность къ *самоопредѣленію* (*Selbstbestimmung*)» [Латышев, 1882, с. 119]. В начале XX в. слово *самоопределение* в указанном значении часто употребляется Г.В. Плехановым: «принципъ *самоопредѣленія* народовъ», «право *самоопредѣленія* народовъ», «право націй на *самоопредѣленіе*», «признать право на *самоопредѣленіе*» [Плеханов, 1921, с. 49, 50, 68, 184].

Несмотря на широкое распространение в русском литературном языке второй половины XIX в., слово *самоопределение* в обоих значениях было зафиксировано лишь в третьем издании Словаря В.И. Даля [Даль, 1909, т. 4, с. 21].

Выше приведенные примеры употребления данного сложения доказывают, что *самоопределение* является структурно точной словообразовательной калькой с соответствием внутренней формы немецкого *Selbstbestimmung* (нем. *selbst* ‘сам’, *Bestimmung* ‘определение’): *сам-(о)-определ-ени-е* – *Selbst-bestimm-ung*. Кроме того, Б. Унбегаун приводит эту лексему в числе калек с немецкого языка, возникших в русском языке во второй четверти XIX в. [Unbegaun, 1932, p. 39]. Н.М. Шанский считает, что слово *самоопределение* вместе с такими словами, как *представление, состоять, очевидный, призвание, немыслимый, односторонний, образование* и т.п., возникло в 30–50-х гг. XIX в. и является «плодом поморфемной съемки соответствующих немецких» [Шанский, 1959, с. 202].

Полное семантическое сходство единиц языка-реципиента и языка-донора подтверждается дефинициями: «*Самоопределение*, я, мн. нет, ср. (книжн.).

Действие по глаг. *самоопределиться-самоопределяться*. || Выявление народом своей воли по вопросу о национальном и государственном устройстве (полит.)», «*Самоопределиться, люсь, лиюсь, сов. (к *самоопределяться*) (книжн.). Осознать себя, свои классовые, общественные интересы, определить свое собственное существование, начать существовать самостоятельно, найти свое особое место в мире, обществе*» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 37]; “1. a) <ohne Plural> (Philosophie) Unabhängigkeit des Individuums von eigenen Trieben, Begierden u. Ä.; b) <ohne Plural> (Politik, Soziologie) Unabhängigkeit des bzw. der Einzelnen von jeder Art der Fremdbestimmung (z. B. durch gesellschaftliche Zwänge, staatliche Gewalt); c) <ohne Plural> [Lehnübersetzung von englisch self-determination] (Politik) Unabhängigkeit eines Volkes von anderen Staaten und die Unabhängigkeit im innerstaatlichen Bereich. 2. Definition von sich selbst; Standortbestimmung»” [DUDEN-online, Электронный ресурс].

Самозабвение. В русских толковых словарях это сложение фиксируется только начиная со Словаря Д.Н. Ушакова: «*Самозабвение, я, мн. нет. ср. (книжн.). 1. Высшая степень возбужденности, экстаза, граничащего с потерей сознания. В самозабвении он бросился вниз с утеса. 2. Пренебрежение собой во имя высших интересов. Любить, работать до самозабвения*» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 34].

В конце XVIII в. в литературных и лексикографических источниках отмечаем выражение *забвение, забывание самого себя*, например, у А.Н. Радищева в его статье «О человеке, его смертности и бессмертии» (начато 1792) [Радищев, 1907, т. 2, с. 148] и в Словаре И. Соца, где оно соответствует немецкому «*Vergessenheit seiner selbst, забывание, непризнание самого себя*» [Соц, 1787, ч. 2, с. 177]. В такой форме оно встречается и в немецко-русских словарях 40-х гг. XIX в. для передачи уже сложного существительного *Selbstvergessenheit* [Schmidt, 1844, Th. 2, S.322]. Даже в конце XIX в. в рассказе «Учитель словесности» (1889) А.П. Чехов предпочитает это сочетание: «Ему захотѣлось чего-нибудь такого, чтохватило бы его до *забвенія самого себя*, до равнодушія

къ личному счастью, ощущенія котораго такъ однообразны» [Чехов, 1918, т. 10, с. 36], хотя многоязычные словари еще в 70-х гг. XIX в. фиксируют русское сложение *самозабвение* и его немецкий образец *Selbstvergessenheit* [Reiff, 1875, Th. 3, S. 577; Рейф, 1876, ч. 1, с. 619].

Самое раннее употребление сложения *самозабвение* в русском литературном языке отмечает Н.С. Арапова в книге Ф. Ансильона «Естетические рассуждения» (1813): «Прекрасный характеръ чуждъ страстей обыкновенныхъ и нетерпитъ личныхъ уваженій; естественная рьяность доводитъ его всегда почти до *самозабвенія...*» [Арапова, 2000, с. 211].

Наряду с этой формой существовало еще две: *самозабытие* и *самозабывчивость*, которые не закрепились в русском языке и, соответственно не фиксируются словарями. Слово *самозабытие* встречается в романе В.Т. Нарезного «Российский Жилбаз, или похождения Князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814): «Я погрузился въ *самозабытіе* и до самыхъ полудней сидѣлъ у могилы» [Нарежный, 1938, т. 2, с. 515] и в романе «Бурсак» (1824): «Какое-то разсѣяніе, близкое къ упоенію, къ *самозабытію*, столько мною овладѣло, что я ничего не видѣлъ...» [Нарежный, 1935, ч. 2, с. 118–119]. Лексемой *самозабывчивость* пользуется А.А. Бестужев-Марлинский в отрывке из романа «Вадимов» «Свидание», давая описание чувствам влюбленных: «Но на долго ли даны человѣку, съ самой страстною душой, эти мгновенія *самозабывчивости*, этого знакомства съ небомъ?» [Бестужев-Марлинский, 1839, ч. 12, с. 230]. В своем романе «Фрегат “Надежда”» (1832) он употребляет слово *самозабвение*: «Я летѣлъ; колеса жгли мостовую; я хотѣлъ закружить себя быстротой, упиться *самозабвеніемъ* – напрасно!» [Бестужев-Марлинский, 1838, ч. 7, с. 70].

Самозабвение часто встречается у В.Г. Белинского, например, в критической статье «Горе от ума. Комедия в 4-х действиях, в стихах» (1839)

[Белинский, 1906, т. 1, стб. 503] или «О жизни и сочинениях Кольцова» (1846), где он пишет о Кольцове: «...когда его страсти отвѣчала страсть, – онъ предавался ей и ея наслажденіямъ со всѣмъ *самозабвеніемъ*...» [Белинский, 1907, т. 4, стб. 403]. Н.И. Греч употребляет эту единицу в письме 1843 г.: «Пожертвованія ... будемъ приносить съ совершеннымъ *самозабвеніемъ*...» [Греч, 1847, с. 264].

В немецком языке XVIII в., согласно Словарю братьев Гримм [DWB-online, Электронный ресурс], существовало два варианта: *das Selbstvergessen* и *die Selbstvergessenheit*. К. Флекенштейн пишет о возможности калькирования первого из этих слов в форме *самозабытие* и *самозабвение*, а второго в форме *самозабывчивость* [Флекенштейн, 1963, с. 120]. Однако вышеприведенные примеры из лексикографических источников не подтверждают эту точку зрения. Более того субстантивированная единица *das Selbstvergessen* не фиксируется другими словарями немецкого языка, несмотря на то, что активно употребляется в немецком литературном языке с 20-х гг. XIX в. [DWDS-online, Электронный ресурс]. Считаем русское сложение *самозабвение* структурно неточной словообразовательной калькой немецкого *Selbstvergessenheit* (нем. *selbst* ‘сам’, *Vergessenheit* ‘забвение’): *сам-(о)-заб-в-ени-е* – *Selbst-vergessen-heit* – с соответствием внутренней формы.

Самоотвержение. Самое раннее употребление лексемы *самоотвержение* отмечается в «Записках» И.В. Лопухина (1756–1816), составленных не позднее 1816 г.: «...духовная жизнь внутренняго Христіанства есть безпрестанное распятіе плоти и страстей на внутреннемъ крестѣ *самоотверженія* и смиренія» [Лопухин, 1860, с. 137]. Это слово употребляет А. Галич в «Картине человека» (1834): «Релігіозное чувство ...имѣетъ сильнѣйшее вліяніе на поступки, ...укрѣпляя слабыхъ духомъ въ дивныхъ подвигахъ *самоотверженія*...» [Галич, 1843, с. 410]; Н. Греч в письме 1843 г.: «Среди общаго бѣдствія уцѣлѣли: новая

биржа, споленная усердіемъ и *самоотверженіемъ* нѣкоторыхъ гражданъ...» [Греч, 1847, с. 23]. У Аполлона Григорьева встречаются как существительное *самоотвержение*, так и прилагательное *самоотверженный*. Например, в критической статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина», опубликованной в журнале «Русское слово» в 1859 г.: «Это *самоотверженіе* чувства встрѣтите вы только у Пушкина...» [Григорьев, 1916, вып. 6, с. 56]; в критической статье ««Горе от ума» Грибоедова. («По поводу нового издания старой вещи»)), опубликованной в журнале «Время» в 1862 г.: «Есть два типа женщинъ. Однѣ созданы всѣ изъ способности къ *самоотверженной* ... привязанности» [Григорьев, 1915, вып. 5, с. 15]. И.А. Гончаров часто употребляет это сложение в своих произведениях. Например, в романе «Обыкновенная история» (1848): «— И самъ я отъ людей не требовалъ, продолжалъ Александръ: — ни подвиговъ добра, ни великодушія, ни *самоотверженія*... (отточие в тексте — С.П.)» [Гончаров, 1884, т. 1, с. 26]; в романе «Обломов» (1857): «...я люблю тебя до *самоотверженія*, если готовъ жертвовать собой» [Гончаров, 1884, т. 2, с. 3]. В.Г. Белинский, рассуждая о женщине, называет ее «жрица любви и *самоотверженія*» [Белинский, 1898, с. 51]. М.А. Бакунин наряду с единицей *самоотвержение* использует вариант *самоотверженность*: «...они имѣли всегда возможность пожертвовать собой ради общественной пользы и чтобы сильные своимъ добродѣтельнымъ *самоотверженіемъ* и своимъ исключительнымъ умомъ, будучи привилегированными стражами челоувческаго стада, толкая его къ его благу и направляя его къ его спасенію, они могли бы также его немного стричь» [Бакунин, 1907, т. 1, с. 154]; «Таковъ истинный характеръ того, что искренніе и серьезные поклонники Бога называютъ своей любовью къ людямъ. Это не столько *самоотверженность* тѣхъ, кто любить, сколько вынужденное

самопожертвованіе тѣхъ, которые являются объектами или лучше сказать жертвами этой любви» [Бакунин, 1907, т. 1, с. 38].

Что касается лексикографической фиксации данной единицы, то она начинается с переводных словарей. Так, в 1816 г. это слово отмечается в Словаре М.А. Паренаго как русский вариант анлийского *self-denial*: «Self-denial, s. *самоотверженіе*, отверженіе самага себя» [Паренаго, 1816, ч. 3, с. 149]. В отличие от него в 40-х гг. XIX в. Ф. Рейф слово *самоотвержение* приводит в качестве соответствия немецкому *Selbstverleugnung* и английскому *self-rejection*, а английское *self-denial* и немецкое *Selbstentsagung* – русскому *самоотпеченіе* [Рейф, 1844, ч 1, с. 627], что в последующих изданиях было изменено: “*Selbstverläugnung* – *самоотверженіе* – *self-denial*” [Reiff, 1875, Th. 3, S. 577]; «*Самоотверженіе* и *-отпеченіе* – *Selbstverläugnung* – *self-denial*» [Рейф, 1876, ч. 1, с. 619].

Примечательно, что только после многоязычных словарей русская единица «признается» отечественными словарями, а точнее Словарем церковно-славянского и русского языка (1847): «*Самоотверженіе*. Жертвованіе всѣми своими выгодами и самимъ собою общей пользѣ» [СЦСРЯ, 1847, т. 4, с. 90].

По мнению Н.С. Араповой *самоотвержение* представляет собой словообразовательную кальку немецкого *Selbstverleugnung* (нем. *selbst* ‘сам’, *Verleugnung* ‘отказ, отвержение’) или английского *self-denial* (англ. *self* ‘сам’, *denial* ‘отречение, отвержение’) [Арапова, 2000, с. 213]. Сложность в выборе образца калькирования подтверждается приведенным нами выше фактологическим материалом.

Немецкая композита *Selbstverleugnung* употребляется в письменных памятниках с 1676 г. [DWDS-online, Электронный ресурс] и зафиксирована в Словаре братьев Гримм в статье о существительном *Selbstverleugner* “*Selbstverleugner*, m. der sich selbst verleugnet, aufopfert, seine eigenen interessen bei seite setzt. Üblicher ist *Selbstverleugnung*, f., s. ebenda: *selbst-verläugnung*, *selbst-*

absterbung <...> auch in bezug auf das urtheil über sich selbst und das verständnis anderer”[DWB-online, Электронный ресурс]. Русская лексема дефинируется следующим образом: «*Самоотвержение*, я, мн. нет, ср. (книжн.). 1. Отказ от своих личных интересов для общего блага, для блага других. *Героическое* с. 2. То же, что самоотречение (устар.)». [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 38].

Самопожертвование. Данную композиту Н.С. Арапова отмечает в «Сказках о кладах» О.М. Сомова (1830) [Арапова, 2000, с. 214]. Это сложение встречается у В.Г. Белинского в работах разных лет, начиная с 1835 г.: «...готовностью *самопожертвованія* въ дѣлѣ правды водворять добро...» [Белинский, 1906, т. 1, стб. 633]; «Основаніе христіанской религіи есть любовь къ ближнему до *самопожертвованія*» [Белинский, 1898, с. 22]. К. Флекенштейн отмечает негативное отношение С.П. Шевырева к этому слову в статье «Словарь солецизмов, варваризмов и всяких измов современной Русской Литературы», опубликованной в 1848 г. в журнале «Москвитянин» [Флекенштейн, 1963, с. 126]. Однако возражение против употребления сложения *самопожертвование* не останавливает других авторов в его использовании, например, М.А. Бакунина: «Государство ... по самому своему принципу, есть громадное кладбище, гдѣ происходит *самопожертвованіе*, смерть и погребеніе всѣхъ проявленій индивидуальной и мѣстной жизни...» [Бакунин, 1907, т. 1, с. 188].

Данная единица зафиксирована в переводном Словаре Ф. Рейфа для передачи немецкого сложения *Selbstaufopferung* [Reiff, 1875, Th. 3, S. 576], которое употребляется в немецком языке с конца XVIII в. [DWDS-online, Электронный ресурс]. Затем она «признается» и отмечается вторым изданием Словаря В.И. Даля (1880–1882): «*Самопожертвованіе*, жертва самимъ собою или своими выгодами, имуществомъ, на пользу другихъ» [Даль, 1882, т. 2, с. 137].

Считаем композиту *самопожертвование* структурно неточной словообразовательной калькой с соответствием внутренней формы немецкого

сложения *Selbstaufopferung* (нем. selbst ‘сам’, Aufopferung ‘пожертвование’) [Арапова, 2000, с. 214; Флекенштейн, 1963, с. 125]: *сам-(о)-по-жертв-ова-ни-е – Selbst-auf-opfer-ung*.

Самооценка. Н.С. Арапова отмечает это сложение в «Воспоминаниях о Московском пансионе» Н.В. Сушкова (1848) [Арапова, 2000, с. 214], Ю.С. Сорокин – в материалах Кеппена со ссылкой на работу М. Кофра «Жизнь Сперанского» [Сорокин, 1965, с. 302]. Встречается у Н.К. Михайловского: «Достигнувъ вѣрной *самооцѣнки*...» [Михайловский, 1888, т. 4, с. 394]. Зафиксировано в Словаре Д.Н. Ушакова с примерами из М. Горького: «*Самооценка*, и, ж. (книжн.). Оценка самого себя, рассмотрение своих собственных достоинств и недостатков. *Трудовая, бойкая жизнь сильно приподняла ее самооценку.* М. Горький. *Мертвые люди, потерявшие всякое уважение к себе, лишенные способности к самооценке.* М. Горький» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 38].

Предполагаемый образец калькирования *Selbsteinschätzung* (нем. selbst ‘сам’, Einschätzung ‘оценка’) употребляется в языке-источнике с 30-х гг. XIX в. [DWDS-online, Электронный ресурс] и обозначает “Einschätzung der eigenen Person im Hinblick auf bestimmte Fähigkeiten, Fehler u. Ä.” [DUDEN-online, Электронный ресурс].

Сам-(о)-о-цен-к-а – Selbst-ein-schätz-ung – структурно точная словообразовательная калька с соответствием внутренней формы.

Самоощущение. Эта лексема отмечается в 1818 г. у Д. Велланского в «Животном магнетизме» [Арапова, 2000, с. 214], в 1820 г. в журнале «Вестник Европы»: «...*самоощущение* в человеке, по преимуществу называемое самопознанием...» [Флекенштейн, 1963, с. 123]. В 1834 г. А. Галич посвящает этому понятию целую главу в «Картине человека», определяя, как: «...перечневое, опредѣленное и живое, однакожь безотчетное ощущение нашего внутренняго существа, со всѣхъ сторонъ развитаго, т.е. *самоощущение*. <...>

Самоощущение есть источникъ откровеній всякой внутренней дѣятельности» [Галич, 1834, с. 466, 467].

К. Флекенштейн предполагает образование композиты *самоощущение* от немецкого сложения *Selbstempfinden*, которое согласно Словарю братьев Гримм иногда употребляется в качестве синонима *Selbstgefühl* [Флекенштейн, 1963, с. 123]. Н.С. Арапова считает ее словообразовательной калькой немецкого *Selbstbefinden* (нем. *selbst* ‘сам’, *finden* ‘чувствовать себя’) [Арапова, 2000, с. 214]. В современных немецких лексикографических источниках отсутствует фиксация указанных слов-прототипов. Более того, поиск по Интернет-ресурсу DWDS не дал никаких результатов по их наличию в литературных памятниках XIX в. [DWDS-online, Электронный ресурс]. На основании этого считаем русскую лексему *самоощущение* автохтонной, несмотря на то, что в публицистике существует пример ее употребления в сопровождении немецкого сложения *Selbstgefühl*: «Подобно тому, какъ животное въ своихъ звукахъ (im Naturlaut) обнаруживаетъ свое *самоощущение* (sein *Selbstgefühl*), такъ человѣкъ въ языкѣ обнаруживаетъ свое самосознание» [ЖМНП, 1872, ч. 160, отд. 3, с. 41]. Принимать указанное немецкое сложение за образец для русского *самоощущение* не следует из-за его синонимии слову *самочувствие*: «*Самоощущение*, я, мн. нет, ср. (книжн.). *Самочувствие*, ощущение самого себя» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 38]; «*Самочувствие*, я, мн. нет, ср. Чувство, испытываемое человеком в зависимости от того или иного состояния его физических и душевных сил в известный момент» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 45].

Самочувствие. В письменных памятниках конца XVIII в. встречается лексема *самочувствование* как эквивалент немецкого *Selbstgefühl*, например, у Н.М. Карамзина в «Письмах русского путешественника» (письмо 1789 г.): «Всякое *чувство* и всякой *предметъ*, постигаемый которымъ нибудь изъ нашихъ чувствъ, суть прибавленія (Beyträge) нашего *самочувствования* (*Selbstgeföhles*);

чѣмъ болѣе *самочувствованія*, тѣмъ болѣе блаженства <...> Мудрый отличается отъ слабоумнаго только средствами *самочувствованія*» [Карамзин, 1848, т. 2, с. 243]. Употребление этих сложений встречается и в XIX в.: «...всѣ чувствованія суть «самочувствованія» (*Selbstgeföhle*) и при томъ выражаютъ сознаніе какого-либо абсолютнаго достоинства или недостатка въ насъ» [Грот, 1879, с. 299].

В первой трети XIX в. отмечается лексема *самочувствие*. В качестве первоисточника В.В. Виноградов указывает «Историю философских систем» (1818) А. Галича [Виноградов, 1994, с. 622–623]. Это слово используется и в более поздних произведениях А. Галича: «Ревнивость предполагает *нечистое самочувствіе*, т. е. такое, которое слишком слабо, чтобъ быть самодовлительнымъ, но опять и сильно, потому что довѣряетъ другимъ, потому что обходится съ другими, какъ съ *лицемъ* человѣческимъ» [Галич, 1834, с. 437].

В 80–90-х гг. XIX в. в русской литературе и публицистике существительное *самочувствие* употребляется вместе с немецким вариантом *Selbstgeföhл*: «Указаннымъ нравственнымъ цѣлямъ или идеямъ соотвѣтствуютъ *самочувствіе* (*Selbstgeföhл*) и сочувствіе (*Mitgeföhл*), какъ нравственные мотивы» [Русская мысль, 1887, № 8, с. 135]; «Это такъ же несправедливо, какъ и то, будто необходимо нарочно поддерживать и возбуждать въ людяхъ и народахъ ихъ *самочувствіе* (*Selbstgeföhл*) и самоутвержденіе (*Selbstbejahung*), потому что иначе они погибнутъ отъ избытка любви къ ближнимъ и самопожертвованія» [Соловьев, 1891, вып. 2, с. 273]; «Въ противоположность интеллектуализму онъ характеризуетъ самосознаніе, какъ *самочувствіе* (*Selbstgeföhл*)...» [Ученые записки Императорскаго Юрьевскаго университета, 1895, № 4, с. 254].

Иногда немецкая композита используется самостоятельно, например, в письме Н.П. Огарева А.И. Герцену от 31 марта 1845 г.: «Можетъ быть,

напряженность, а, можетъ, и истинное *Selbstgefühl* заставляетъ въ жизни придавать многимъ фактамъ болѣе цѣны, чѣмъ они, дѣйствительно, имѣютъ...» [Русская мысль, 1891, № 8, с. 9]; у Н.В. Шелгунова (1824–1891) в «Очерках русской жизни» (очерк XXII «Наше «я» и немецкое «я»») (1895): «...московскій журналистъ, вздыхалъ ... не собственно о нѣмецкой культурѣ, а вздыхалъ о техъ возможностяхъ, которыя создали въ нѣмцѣ его *Selbstgefühl*. ...Его *Selbstgefühl* возникъ именно изъ его интеллигентнаго сознанія» [Шелгунов, 1895, стб. 421].

Несмотря на длительную историю употребления ни *самочувствование*, ни *самочувствие* не зафиксировано словарями русского языка XIX в. Переводные словари передают немецкое *Selbstgefühl* описательно: «чувствованіе себя самага» [Аделунг, 1798, ч. 2, с. 488]; «чувство самага себя, чувство собственнаго своего существованія; сознаніе своихъ достоинствъ» [Schmidt, 1844, Th. 2, S. 322]; «чувство собственнаго достоинства» [Reiff, 1875, Th. 3, S. 576].

Считаем композиту *самочувствие* собственно русским образованием.

Самопознание. Н.С. Арапова отмечает существительное *самопознание* в 1755 г. в журнале «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» [Арапова, 2000, с. 214], К. Флекенштейн – в 1784 г. в журнале «Покоящийся трудолюбец» Н.И. Новикова [Флекенштейн, 1963, с. 69]. Позднее оно встречается у А.Н. Радищева в произведении «О человеке, его смертности и бессмертии» (1792–1802): «...познаніе своего бытія въ животномъ столь тупо, столь мрачно, такъ сказать, что съ *самопознаніемъ* человѣка ни въ какое сравненіе войти не можетъ» [Радищев, 1907, т. 2, с. 259].

С первой трети XIX в. данная лексема употребляется в публицистике, например, в «Вестнике Европы» 1814 г. встречаем словосочетание «точное *сампознаніе*» [Вестник Европы, 1814, т. 74, отд. 5, с. 301], а также у А.И. Герцена в «Письмах об изучении природы» (1845): «Наука – живой организмъ, посредствомъ котораго отдѣляющаяся въ человѣкѣ сущность вещей развивается

до совершеннаго *самопознанія...*» [Герцен, 1875, т. 2, с. 58]. Наряду с композитой *самопознание* К. Флекенштейн отмечает в работах А.И. Герцена единицы *самопознательный* и *самопознающий*: «...природа отделила целым миром царство животное от царства самопознательного» и «...наука...стоит на самопознающем мышлении...» [Флекенштейн, 1963, с. 70].

При достаточно широком употреблении в литературных источниках русские академические словари конца XVIII–первой трети XIX вв. «не знают» лексемы *самопознание*, а переводные словари передают это понятие описательно вплоть до 40-х гг. XIX в.: «*Selbsterkenntniß, познаниѣ самага себя*» [Аделунг, 1798, т. 2, с. 488; Schmidt, 1844, Th. 2, S. 322; Reiff, 1875, Th. 3, S. 576]. Середина 40-х гг. XIX в. характеризуется различным отношением лексикографов к этому вопросу: в немецко-русской части Словаря И.А. Шмидта зафиксировано выражение *познание самага себя* [Schmidt, 1844, Th. 2, S. 322], а в это же время в Словаре Ф. Рейфа – сложение *самопознание* [Рейф, 1844, ч. 1, с. 627; Рейф, 1876, ч. 1, с. 619]. Ее право на существование признается Словарем 1847 г.: «*Самопознаниѣ, я, с. ср. Познаниѣ самага себя*» [СЦСРЯ, 1847, т. 4, с. 90]. Затем В.И. Даль несколько расширяет это понятие и фиксирует еще прилагательное *самопознательный*, которое не нашло дальнейшего признания в языке: «*Самопознаниѣ ср. познаниѣ самага себя, изученѣ своего нрава и своего сердца. Самопознательныя замѣчанія, открытія*» [Даль, 1866, ч. 4, с. 122]. В современном русском языке отмечается только единица *самопознание* как книжное философское образование в значении «познание самого себя, изучение своей внутренней сущности в процессе общественной деятельности» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 39].

Слово-образец *Selbsterkenntnis* встречается в немецких литературных источниках с конца XVII в., в XVIII в. часто употребляется в философских произведениях И. Канта, Ф. фон Шлегеля, И. Гердера, в настоящее время обозначает “*Erkenntnis des eigenen Wesens, Könnens und der eigenen Grenzen: nach*

S. streben; /sprichw./ S. ist der erste Schritt zur Besserung” [DWDS-online, Электронный ресурс].

Сравнив семантику и структуру русской композиты и немецкого сложения: *сам-(о)-по-зна-ни-е* – *Selbst-er-kennt-nis*, а также на основании вышеизложенного, приходим к выводу, что русское *самопознание* является структурно точной словообразовательной калькой немецкого *Selbsterkenntnis* (нем. selbst ‘сам’, Erkenntnis ‘познание’) с соответствием внутренней формы.

Самоконтроль, самопроверка. По мнению Н.С. Араповой данные сложения образованы путем калькирования немецкого существительного *Selbstkontrolle* (нем. selbst ‘сам’, Kontrolle ‘проверка, контроль’) [Арапова, 2000, с. 211, 214].

Лексема *самоконтроль* активно употребляется в русских периодических изданиях с 80-х гг. XIX в.: «Под вліяніємъ *самоконтроля* и строгаго разбора самыхъ незначительныхъ поступковъ и словъ другихъ лицъ...» [Русская мысль, 1881, № 3, с. 140]; «Такъ, въ этомъ Ѳедорѣ, прежде всего, выясняется эта способность *самоконтроля*, въ виду семейной обязанности» [Русское богатство, 1887, № 11, с. 233]. Кроме того, в этот период встречается форма *самоконтролирование*: «*Самоконтролирование* стремится... координировать и приводить ко взаимной гармоніи различныя желанія и цѣли ...» [Русское богатство, 1887, № 9, с. 346], которую Н.С. Арапова как более раннюю отмечает с 1879 г. [Арапова, 2000, с. 211]. Однако она не закрепились в языке, уступив место единице книжной лексики *самоконтроль* «контроль над самим собой, над своей работой» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 35].

Ее немецкий образец *Selbstkontrolle* употребляется в аутентичных источниках с 60-х гг. XIX в., например, в «Капитале» К. Маркса (1867): “Aber der grössere Spielraum ... strebt einerseits dahin die Individualität und damit Freiheitsgefühl, Selbstständigkeit und *Selbstkontrolle* der Arbeiter zu entwickeln, andererseits ihre Konkurrenz unter und gegen einander” [DWDS-online, Электронный

ресурс]. Словарь современного немецкого языка объясняет это понятие как «контроль собственных действий и поведения» и кроме прямого значения «самообладание, самодисциплина» отмечает новое, возникшее в языке ГДР: “Kontrolle des eigenen Tuns und Verhaltens: a) Selbstbeherrschung, Selbstdisziplin: die S. verlieren; d. Verbrecher, Geisteskranke war ein Mensch ohne S.; sein ruhiges Auftreten war das Ergebnis ständiger S.; b) Neubedeut. Überprüfung des eigenen Verhaltens sowie des Verhaltens anderer im Kollektiv: die Schüler werden zur Selbstkritik und zur S. angehalten; durch gegenseitige S. konnten schon viele Mängel beseitigt werden” [DWDS-online, Электронный ресурс]. Второе значение полностью соответствует русскому понятию *самопроверка* «производимая собственными силами проверка своей деятельности, своих расчетов» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 39].

Композита *самопроверка* встречается в русском языке с 90-х гг. XIX в., например, у Н.В. Шелгунова: «И это недовѣріе къ своимъ знаніямъ, постоянная потребность *самопровѣрки* и та легкость, съ какою эта *самопровѣрка* возбуждается, и составляетъ драгоцѣнную особенность этой части молодежи» [Шелгунов, 1895, стб. 1049]; в мемуарах П.Д. Боборыкина: «Это была первая по времени попытка *самопроверки* и выяснения того, куда шли мои, уже более серьезные, душевные потребности» [Боборыкин, 1929, с. 73]. Кроме того, единицы *самопроверка* и *самоконтроль* активно используются в 20–30-е гг. XX в. в педагогической и методической литературе, например, «...учащийся, организующий самостоятельную работу, должен приобретать кавык к *самоконтролю*, к *самопроверке*, к самокритике...» [Вторая ступень..., 1929, с. 193].

На основании представленного фактологического материала можно сделать вывод, что сложение *самоконтроль* является полукалькой немецкого *Selbstkontrolle*. Сложение *самопроверка* – скорее всего автохтонное образование,

под влиянием которого в результате семантического калькирования немецкая лексема *Selbstkontrolle* получила новое значение.

Саморазвитие. Ю.С. Сорокин включает данную лексему в перечень новых слов, возникших в научном языке в 30–60-е гг. XIX в., указывая в качестве источника журнал «Русское слово» 1862 г. [Сорокин, 1965, с. 301–302]. Н.С. Арапова отмечает ее раньше, в «Руководстве к опытной психологии» О.М. Новицкого (1840) [Арапова, 2000, с. 214]. Это сложное слово встречается в публицистике: «Эта исторія ...обнимаетъ четыре поры *саморазвитія* русскаго общества...» [Сын Отечества, 1850, № 8, отд. 5, с. 19]; у Аполлона Григорьева в критической работе «И.С. Тургенев и его деятельность...» (1859) при описании послепушкинской эпохи: «...это эпоха серьезныхъ знаній съ огромными пробѣлами, знаній, приобрѣтенныхъ большею частію *саморазвитіемъ*, самомышленіемъ – эпоха Бѣлинскихъ, Кольцовыхъ и многихъ, весьма многихъ изъ насъ...» [Григорьев, 1915, вып. 10, с. 129].

Б. Унбегаун образцом калькирования данной лексемы указывает немецкое сложение *Selbstentwicklung* [Unbegaun, 1932, p. 39]. Данное мнение разделяют К. Флекенштейн [Флекенштейн, 1963, с. 134] и Н.С. Арапова [Арапова, 2000, с. 214]. Причем К. Флекенштейн предполагает образование этого слова под влиянием диалектической философии Г.В.Ф. Гегеля, в произведениях которого часто употребляется композита *Selbstentwicklung*, и констатирует, что первоначально единица *саморазвитие* употреблялась в философском смысле и была близка по значению словообразовательной кальке немецкого происхождения *самодвижение* [Флекенштейн, 1963, с. 134], то есть «движение, развитие в природе и в обществе в силу внутренних противоречий и борьбы противоположностей» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 32].

В дальнейшем лексема *саморазвитие* приобретает новое значение, которое становится главенствующим и зафиксировано в третьем издании Словаря В.И. Даля: «*Саморазвитіе* ср. развитіе изъ самого себя, безъ посторонняго

почина» [Даль, 1909, т. 4, стб. 23]. Так, в конце 90-х гг. XIX в. данная единица используется для передачи немецкого сложения *Selbstbildung*. Такое соответствие находим, сравнив переводной и аутентичный текст работы Алоиза Риль «Фридрих Нитцше как художник и мыслитель»: «Пусть великая личность пользуется всѣмъ, что находится внѣ ея, для *саморазвитія* и самоусовершенствованія...» [Риль, 1898, с. 133]. В аутентичном тексте читаем: “Mag auch die grosse Persönlichkeit Alles, was ausser ihr ist, zu ihrer *Selbstbildung*, *Selbstvollendung* sich aneignen...” [Riel, 1897, S. 117]. Расширение значения философского термина *саморазвитие* зафиксировано в Словаре Д.Н. Ушакова: «*Саморазвитие*, я, мн. нет, ср. (книжн.). 1. Развитие собственных сил, физических и умственных, на основе самодеятельности, самостоятельных занятий. 2. Развитие, происходящее силой внутренних причин, независимо от внешних факторов, самодвижение (филос.)» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 39–40].

Сравнив строение кальки и ее образца: *сам-(о)-раз-ви-ти-е* – *Selbst-ent-wickl-ung*, – приходим к выводу, что это структурно точная словообразовательная калька.

Самосовершенствование, самоусовершенствование. К. Флекенштейн рассматривает лексему *самоусовершенствование* как словообразовательную кальку немецкого сложения *Selbstvervollkommnung*. Основанием для этого исследовательница видит в высказывании А. Галича о понятии «совершенство» и теории Лейбница о самоусовершенствовании [Флекенштейн, 1963, с. 132].

Как правило данное слово употребляется в отношении нравственной сферы человека. Так, в 1860 г. историк немецкой классической философии О.М. Новицкий (1806–1884), рассуждая о теории Сократа и Кхун-цзы, которые особое внимание уделяли нравственному развитию человека, пишет: «...подняли челоѡка..., выдвинули его на первый планъ, какъ существо разумное и способное къ нравственному *самоусовершенствованію*» [Новицкий, 1860, т. 2, с. 399]. Однако находим и другой оттенок значения «улучшение каких-либо

навыков»: «...стремленіе къ *самоусовершенствованію* въ механическомъ дѣлѣ возрастало въ немъ все болѣе и болѣе» [Олонецкие Губернские ведомости, 1871, № 72, с. 830].

Наряду с композитой *самоусовершенствование* встречается форма *самосовершенствование*, которую К. Флекенштейн, а вслед за ней и Ю.С. Сорокин, отмечают у В.Г. Белинского: «...успехов человечества на поприще *самосовершенствования*» [Флекенштейн, 1963, с. 133; Сорокин, 1965, с. 169, 303]. П.Д. Боборыкин в работе «В усадьбе и на порядке» (1875) использует ее для характеристики длительного процесса обучения: «...шелъ съ нимъ по долгому пути *самосовершенствованія*» [Боборыкин, 1886, т. 11, с. 204].

Существительное *самосовершенствование* вместе с производными зафиксировано в третьем издании Словаря Даля: «*Самосовершенствованіе* ср., совершенствованіе самого себя. *Самосовершенствователь* м., - льница ж. тотъ кто занимается однимъ только самосовершенствованіемъ самого себя. *Л.Н. Толстой, какъ самосовершенствователь, заглавіе одной статьи*» [Даль, 1909, т. 4, стб. 24]. Позднее Словарь Д.Н. Ушакова раскрывает это понятие: «*Самосовершенствование*, мн. нет, ср. (книжн.). Сознательное развитие в себе каких-н. положительных (преимущ. нравственных) качеств, способностей, уменья» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 41].

Немецкий образец в форме *Selbstvervollkommnerung* встречается в 1789 г. в описании божественного начала: "...Gott ein überirrdisches, unbekanntes Etwas durch alle Körper gegossen haben müsse, durch welches, wer es zu ergrübeln fähig wäre, man ungeheure Kenntnisse über das allgemeine Ganze zu seiner *Selbstvervollkommnerung* erhalten, sich über seine Menschengphäre erheben und etwa zu einem nähern, vertrauten Umgang mit höhern Wesen fähig machen könnte!" [DWDS-online, Электронный ресурс]. В XIX в. употребительна форма *Selbstvervollkommnung* в смысле личностного и культурного развития и

самопознания: “...so wird die Selbsterkenntniss die Bedingung und das Mittel der *Selbstvervollkommnung*”; “*Die Selbstvervollkommnung* ist die Aufgabe der Menschheit, auf dem Gebiete des Rechtes nicht minder als in allen andern Richtungen humaner Cultur” [DWDS-online, Электронный ресурс].

Н.С. Арапова, чью точку зрения мы разделяем, относит русскую композиту *самосовершенствование* к словообразовательным калькам [Арапова, 2000, с. 215]. *Сам-(о)-совершен-ств-ова-ни-е* – *Selbst-ver-voll-kommn-ung* (нем. selbst ‘сам’, Vervollkommnung ‘совершенствование’) – структурно неточная словообразовательная калька с соответствием внутренней формы.

Самосозерцание. Это слово встречается в русском литературном с 30-х гг. XIX в. Его отмечает К. Флекенштейн в 1832 г. в журнале «Телескоп»: «... силы и способности ... духа казались ему ... самосознанием и *самосозерцанием*, самоуравнением той же самой природы» [Флекенштейн, 1963, с. 123]; Н.С. Арапова – в 1833 г. в работе Н. Надеждина «О современном направлении изящных искусств» [Арапова, 2000, с. 215]. А. Галич подробно описывает это понятие: «...съ разсвѣтомъ *самосозерцанія* можетъ развернуться предъ нею (душой – С.П.) позорище творенія» [Галич, 1834, с. 131]; «...крайнему способу идеальнаго *самосозерцанія* не суждено быть состояніемъ совершенно чистымъ, продолжительнымъ, непрерывнымъ... <...> Какъ легко сіе высшее *самосозерцаніе* отличить и отъ внутренняго чувства и отъ сознанія! <...> ... *созерцаніе* сей же самости какъ дара свободы...» [Галич, 1834, с. 252–253]. В 1849 г. российский филолог и философ И.И. Давыдов (1794–1863) связывает развитие языка с историческим развитием народа: «Всѣ народы въ первомъ возрастѣ своемъ существуютъ болѣе жизнию внѣшнею; ихъ духъ еще не въ состояніи бываетъ углубляться въ *самосозерцаніе*: здѣсь внутренняя самобытность человѣческая покоряется внѣшнему вліянію. Поэтому внутренняя жизнь... народовъ выражается ...языкомъ фигурнымъ» [Давыдов, 1849, с. 296].

Лексема *самосозерцание* получает широкое распространение в публицистике в 50–60-е гг. XIX в. и употребляется при исследовании и критическом обзоре теорий немецких философов – И. Канта, В.Ф. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля, Г. Бюхнера и других [Русская беседа, 1859, № 13, отд. 3, с. 10; Время, 1863, № 3, с. 232].

Существует несколько мнений относительно слова-прототипа, по образцу которого сформировалось данное сложение. По мнению Н.С. Араповой русская единица *самосозерцание* является словообразовательной калькой немецкого *Selbstbeobachtung* (нем. *selbst* ‘сам’, *Beobachtung* ‘наблюдение, созерцание’) [Арапова, 2000, с. 215]. К. Флекенштейн предполагает ее образование от немецких лексем *Selbstanschauung* или *Selbstbeschauung*, игравших большую роль в немецкой идеалистической философии [Флекенштейн, 1963, с. 124].

Действительно, все три образца зафиксированы в Словаре братьев Гримм и представлены в немецком языке с конца XVIII–начала XIX вв. [DWB-online, Электронный ресурс]. Их употребляют Г.В.Ф. Гегель, И.Ф. Гербарт, И.В. Гете, К.Ф. Моритц, Ф.В. Шеллинг, Ф. Шлегель, Г.Г. Шуберт [DWDS-online, Электронный ресурс]. Однако, согласно данным ресурса DWDS, *Selbstanschauung* и *Selbstbeschauung* чаще используются в духовно-философском смысле, а *Selbstbeobachtung* для характеристики психических и психологических явлений. Значение последнего сложения подтверждается фиксацией в лексикографических источниках: “*Selbstbeobachtung*, die Beobachtung des eigenen Denkens, Fühlens, Tuns” [DWDS-online, Электронный ресурс]; “*Selbstbeobachtung*, Introspektion” [DUDEN-online, Электронный ресурс]. Представленная семантика полностью воспроизводится в русской композите *самонаблюдение*, которая зафиксирована в Словаре Д.Н. Ушакова как книжная, относящаяся к области психологии: «анализ собственной душевной жизни, непосредственное наблюдение состояний своего сознания, то же, что интроспекция [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 36].

Из вышеизложенного следует, что немецкое сложение *Selbstbeobachtung* не может быть образцом для русской кальки *самосозерцание*.

Таким образом, приходим к выводу что *самосозерцание* – словообразовательная калька *Selbstanschauung* или *Selbstbeschauung*. Сравним вторые компоненты этих сложений: “*Anschauung*, f. воззрѣніе, взгядываніе” [Schmidt, 1844, Th. 2, S. 23]; “*Beschauung*, f. осматриваніе, осмотръ; созерцаніе” [Schmidt, 1844, Th. 2, S. 67]. Следовательно, *сам-(о)-созерца-ни-е* – *Selbst-beschau-ung* – это структурно неточная калька с соответствием внутренней формы.

Самосознание. Данное сложение исследователи отмечают у А. Галича в работах разных лет [Арапова, 2000, с. 215; Флекенштейн, 1963, с. 122]. В его работе «Картина человека» (1834) в главе «Самосознание» определяется это понятие следующим образом: «...самосознание, то вѣдѣніе о насъ самихъ, которому внутреннее основаніе жизни раскрывается въ качествѣ *дѣйствительно свободнаго*, въ качествѣ *прямо первоначальнаго, чисто безусловнаго*, – та степень знакомства съ самимъ собою, на которой человѣкъ является себѣ въ такой формѣ, въ какую умѣлъ отлить свою жизнь» [Галич, 1834, с. 251].

Лексема *самосознание* находит свое широкое употребление в философской, критической, художественной, политической литературе, например, у В.И. Киреевского в работе «О необходимости и возможности новых начал для философии (1856)»: «...все бытіе міра является ему прозрачной діалектикой его собственнаго разума, а его разумъ *самосознаніемъ* всемірнаго бытія?» [Киреевский, 1861, т. 2, с. 282]; «Ибо Церковь Православная не ограничиваетъ своего *самосознанія* какимъ нибудь временемъ...» [Там же. С. 308]; у А.Д. Градовского о И.Г. Фихте «...когда онъ взывалъ къ германскому *самосознанію*» [Градовский, 1873, с. 181]; у А.П. Чехова в рассказе «Моя жизнь»: «Спасибо твоей женѣ и Владиміру, они возбудили во мнѣ *самосознаніе*. <...> я теперь чувствую себя человѣкомъ» [Чехов, 1918, т. 11, с. 192], в комедии «Вишневый сад»: «...воспитывая въ насъ идеалы добра и общественнаго

самосознанія» [Чехов, 1918, т. 21, с. 198]; у М.А. Бакунина в работе «Бог и государство»: «...эти представлѣнія, привходя извнѣ, проникають и запечатлѣваются въ мозгу дѣтей, раньше чѣмъ они достигаютъ самосознанія, — ошибочно называютъ прирожденными идеями» [Бакунин, 1907, т. 1, с. 21].

Русская композита часто сопровождается немецким существительным *Selbstbewusstsein*: «Шебель, однако, выдѣляетъ способность человѣка къ *самосознанію* (*Selbstbewusstsein*) изъ прочихъ физическихъ функцій...» [Известия Императорскаго русскаго Географическаго общества, 1880, т. 15, с. 274, Электронный ресурс]; у А.С. Хомякова: «Выраженія: слово, мысль, бытіе, сознание (*Bewusstsein*, что ведетъ за собою *Selbstbewusstsein* – *самосознаніе*), разбросаны здѣсь въ страшномъ безпорядкѣ» [Хомяков, 1886, т. 2, с. 261]; в журнале «Вѣра и разумъ» о христіанскомъ учении Шлейермахера: «...клиръ выражаетъ „*самосознаніе цѣлаго*“ (*das Selbstbewusstsein des ganzen*)... <...> ...этапы, чрезъ которые каждый долженъ пройти, чтобы достигнуть правильнаго *самосознанія* (*zum rechten Selbstbewusstsein zu gelangen*) [Вѣра и разумъ № 20, 1895, с. 459, 460, Электронный ресурс]; «...реакція тому, что выражается утвержденіемъ *самосознанія* къ движенію (*das in Bewegung setzen des Selbstbewusstseins*)» [Вѣра и разумъ, № 21, с. 542, Электронный ресурс].

Немецкий образец *Selbstbewusstsein* известен в языке-источнике с 70-х гг. XVIII в., употребляется в трудах немецких мыслителей и философов, особенно И.Н. Тенеса, И. Канта, К.Ф. Моритца [DWDS-online, Электронный ресурс]. В современном немецком языке эта единица имеет два значения: “*Selbstbewusstsein, s.n. 1. (Philosophie) Bewusstsein (des Menschen) von sich selbst als denkendem Wesen; 2. das Überzeugtsein von seinen Fähigkeiten, von seinem Wert als Person, das sich besonders in selbstsicherem Auftreten ausdrückt*” [DUDEN-online, Электронный ресурс].

Таким образом, выше приведенные примеры употребления лексемы *самосознание* и указание на модель из языка-источника свидетельствуют о ее калькированном характере – это структурно неточная словообразовательная калька: *сам-(о)-созна-ни-е* – *Selbst-bewusst-sein*. Данный эмпирический материал значительно расширяет доказательную базу, представленную в работах К. Флекенштейн [Флекенштейн, 1963, с. 122], Ю.С. Сорокина [Сорокин, 1965, с. 169], Н.С. Араповой [Арапова, 2000, с. 215].

Самосохранение. Слово *самосохранение* употребляется в русском литературном языке с начала XIX в. вместе с устаревшими *самохранение* и *самоохранение*. Так, в труде Ф. фон Цейллера «Естественное частное право» (1809) встречаются две формы – ныне не сохранившаяся и современная: «...*право самосохраненія* есть врожденное, а право собственности, приобретаемое» [фон Цейллер, 1809, с. 67], «...нарушилось бы и *право самохраненія*» [фон Цейллер, 1809, с. 111]. Этим русским словосочетаниям в оригинале соответствуют немецкое выражение *Recht der Selbsterhaltung* и сложение *Erhaltungsrecht*: “So ist das *Recht der Selbsterhaltung* ein angebornes, das Eigenthumsrecht ein erwerbliches Recht” [von Zeiller, 1802, S. 48], “...und ihr *Erhaltungsrecht* beeinträchtigt werden” [von Zeiller, 1802, S. 79]. А. Галич использует слово *самосохранение* как в 10-х гг. XIX в., так и спустя 20 лет: «Каждая вещь имеет побужденіе къ *самосохраненію*» [Галич, 1818, т. 1, с. 312]; «...то, что всего выгоднѣе отличаетъ наши, прямо человѣческія чувства, отъ чувствъ животнаго, – это тѣснѣйшая связь первыхъ съ сознаниємъ и смысломъ, тогда, какъ последнія исключительно обрѣчены на рабское служеніе физическому *самосохраненію*» [Галич, 1834, с. 164].

Параллельно с этой формой употребляется форма *самохранение*. Она отмечается, например, Н.С. Араповой у И.Г. Гердера в «Мыслях, относящиеся к философической истории человечества» (1829) [Арапова, 2000, с. 215]. Ее

употребляет А.А. Бестужев-Марлинский в повести «Аммалат-бек» (1831): «...врожденное въ Азіятцѣ чувство *самохраненія* не погасло и въ самомъ безуміи» [Бестужев-Марлинский, 1838, т. 5, с. 220]. У В.Г. Белинского встречается как *самохранение*: «сила личного *самохраненія*», так и *самосохранение* [Белинский, 1859, т. 4, с. 348].

В 40-х гг. XIX в. на смену форме *самохранение* пришла форма *самоохранение*. Однако и она употреблялась параллельно с современным вариантом *самосохранение*. Например, А.И. Герцен в статье «Буддизм в науке» (1843) он употребляет современную форму: «забота *самосохраненія*» [Герцен, 1875, т. 1, с. 353], а в «Письмах об изучении природы» (1845) – ныне устаревшую: «...испуганный человѣкъ стремится, напутствуемый ложнымъ чувствомъ *самоохраненія*, удержать себя, и истиною ставить свое лицо...» [Герцен, 1875, т. 2, с. 89].

Аполлон Григорьев в критических работах конца 50–начала 60-х гг. XIX в. поясняет смысл лексемы *самосохранение*, например, в статье «И.С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское Гнездо»» (1859): «...это отношеніе ... родилось изъ чувства *самосохраненія* (*сохраненія собственной личности*), стало-быть, изъ необходимости...» [Григорьев, 1915, вып. 10, с. 44].

Несмотря на широкое употребление в русском литературном языке XIX в., слово *самосохранение* попало в русские толковые словари только начиная со Словаря Д.Н. Ушакова (1940): «*Самосохранение*, я, мн. нет, ср. (книжн.). Стремление как можно долее сохранить свою жизнь, стремление обезопасить себя от чего-н.» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 41]. Это произошло видимо потому, что форма его долго варьировалась, а стабилизировалась только к XX в. Вариативность данной единицы отражена в словарях 1844 г. издания: Ф. Рейф передает немецкую лексему *Selbsterhaltung* русской *самохранение* [Рейф, 1844, ч. 1, с. 627], а И. Шмидт – лексемой *самосохранение* [Schmidt, 1844, Th. 2, S. 401].

Единица *Selbsterhaltung* встречается в немецком литературном языке с 60-х гг. XVII в. и обозначает «die Erhaltung des eigenen Lebens» [DWDS-online, Электронный ресурс].

Сам-(о)-со-хран-ени-е – Selbst-er-halt-ung (нем. selbst ‘сам’, Erhaltung ‘сохранение’) является структурно точной словообразовательной калькой немецкого *Selbsterhaltung* с соответствием внутренней формы.

Самоуважение. Ю.С. Сорокин отмечает слово *самоуважение* в своей работе и отсылает нас к Словарю языка Пушкина [Сорокин, 1965, с. 303]. Нам же удалось найти более раннее употребление этого слова, чем отмечается в ССРЛЯ, где первоисточником указывается статья А.С. Пушкина «Вольтер» 1836 г. [ССРЛЯ, 1962, т. 13, стб. 140–141]. В 1831 г. оно встречается у историка и фольклориста И.М. Снегирева (1793–1868): «...честь влечетъ насъ къ величію, благородству, *самоуваженію* и добросовѣстности...» [Снегирев, 1831, с. 114, Электронный ресурс]. Н.С. Арапова также отмечает вариант *самоуважительность* в 1834 г. [Арапова, 2000, с. 215].

Свое широкое распространение в русском литературном языке данная лексема получает в 50–70-е гг. XIX в. В журнале «Отечественные записки» это понятие конкретизируется: «Изъ обязанности *самоуваженія* или, точнѣе, уваженія своего достоинства, выходитъ первое понятіе о грѣхѣ, какъ нарушеніи обязанности...» [Отечественные записки, 1859, т. 127, с. 236]. На первая фиксация в лексикографических источниках, на наш взгляд, принадлежит Словарю Д.Н. Ушакова: «*Самоуважение*, я, мн. нет, ср. (книжн.). Уважение к самому себе, к своей личности» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 42].

Предположительным образцом калькирования является немецкая лексема *Selbstachtung* (нем. selbst ‘сам’, Achtung ‘уважение’), которая уже активно употребляется в 90-х гг. XVIII в. в значении “die Achtung des Menschen vor seiner eigenen Persönlichkeit, Gefühl für die eigene Würde” [DWDS-online, Электронный ресурс].

Самоуверенность. Эту лексему Н.С. Арапова отмечает в Словаре Жданова 1784 г. (на *self-conceit*) [Арапова, 2000, с. 215], К. Флекенштейн – в переводе 1809 г., а также указывает на его широкое употребление в произведениях И.С. Тургенева, А.И. Герцена и других русских писателей [Флекенштейн, 1965, с. 130]. Мы находим лексему *самоуверенность* у И.И. Панаева в произведении «Внук русского миллионера. Листки из моих петербургских воспоминаний» (1838): «...добродушіе соединялось съ безграничною *самоувѣренностью*» [Панаев, 1912, т. 4, с. 497]; в «Провинциальном хлыще» (1856): «...онъ ... съ *самоувѣренностью* отрѣзывалъ урокъ безъ остановки, не запнувшись ни на одномъ словѣ...» [Панаев, 1912, т. 4, с. 128].

Двуязычные словари XIX в. передают русскую композиту *самоуверенность* немецким сложным существительным *Selbstvertrauen* [Рейф, 1844, ч. 1, с. 627; Schmidt, 1844, Th. 1, S. 402], которое зафиксировано в немецком литературном языке с первой половины XVIII в. [DWDS-online, Электронный ресурс]. В 1847 г. русская единица *самоуверенность* зафиксирована в Словаре церковно-славянского и русского языка [СЦСРЯ, 1847, т. 4, с. 91].

Русское *Сам-(о)-у-вер-енн-ость* является структурно неточной калькой немецкого *Selbst-ver-trau-en* (нем. *selbst* ‘сам’, *vertrauen* ‘верить’) с соответствием внутренней формы.

Самоунижение. Данная лексема отмечается в произведениях В.Г. Белинского 40-х гг. XIX в. [Флекенштейн, 1963, с. 131; Сорокин, 1965, с. 303; Арапова, 2000, с. 215]. Мы находим ее у Ап.А. Григорьева в критической статье «Лермонтов и его направление...» (1862): «... въ заключительныхъ словахъ общественнаго отщепенца, <...> въ которыхъ слышится не *самоуниженіе*, а скорѣе вѣра въ себя...» [Григорьев, 1915, вып. 7, с. 53].

Русская композита *самоунижение* неточно воспроизводит структуру немецкого сложения *Selbsterniedrigung* (нем. *selbst* ‘сам’, *Erniedrigung*

‘унижение’), которое употребляется в немецких письменных памятниках с первой половины XVIII в. [DWDS-online, Электронный ресурс]: *сам-(о)-у-ниж-ени-е – Selbst-er-niedr-ig-ung*.

Самоутверждение. Н.С. Арапова отмечает эту единицу в «Очерке истории философии» Ф. Надежина 1837 г., причисляя ее к словообразовательным калькам немецкоязычного происхождения путем калькирования немецкой композиты *Selbstbehauptung* (нем. *selbst* ‘сам’, *Behauptung* ‘утверждение’ [Арапова, 2000, с. 216].

Нам не удалось найти более раннего источника употребления русского сложения. Можем только констатировать, что периодом ее активности в языке является конец XIX–начало XX вв. Например, Б.Н. Чичерин, объясняя некоторые понятия философии Шопенгауэра, утверждает: «Въ эгоизмъ выражается *самоутверждение* воли, стремление жить» [Чичерин, 1877, ч. 4, с. 155]. Российский математик и философ Н.В. Бугаев (1837–1903) в конце XIX в. говорит о единстве противоположностей в математике: «...причинность и цѣлесообразность, необходимость и случайность, анализъ и синтезъ, *самоутверждение* и самоотрицание могутъ и должны находиться въ полномъ соотвѣтствіи другъ съ другомъ» [Бугаев, 1898, с. 18, Электронный ресурс]. Также в периодике указанного периода часто встречается русско-немецкая пара *утверждение – Behauptung* [Журнал гражданского и уголовного права, 1887, т. 4, с. 5; Журнал министерства юстиции, 1909, № 7, с. 31; Юридические записки, 1914, вып. 4, с. 618–619].

Предполагаемый образец *Selbstbehauptung* зафиксирован в Словаре братьев Гримм как антоним слова *Selbstverneinung* [DWB-online, Электронный ресурс]. Он широко представлен в научных философских и психолого-педагогических текстах с 40-х гг. XIX в. и обозначает «*Erhaltung und Durchsetzung des eigenen Willens, der eigenen Persönlichkeit und des eigenen Daseins*» [DWDS-online, Электронный ресурс].

Русская лексема имеет соответствующее немецкому образцу значение: «*Самоутверждение*, я, мн. нет, ср. (книжн. филос.). В идеалистической философии – утверждение собственной творческой деятельности, сознания субъектом, отрицающим объективность мира» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 44]. С точки зрения структурного соответствия *сам-(о)-утвержд-ени-е* – *Selbst-behauptung*, русская единица – структурно точная словообразовательная калька.

Самоцель. Словарь Д.Н. Ушакова фиксирует эту лексему как новообразование книжной лексики: «*Самоцель*, и, ж. (книжн. нов.). Цель, значение к-рой исчерпывается ею самой и к-рая не служит средством для достижения других целей» [Ушаков, 1940, т. 4, стб. 44]. Однако Н.С. Арапова отмечает наречие *самоцельно* в «Теории поэзии» С.П. Шевырева 1836 г., выражение «... наука – *цель самой себе*» в «Дилетантизме в науке» А.И. Герцена 1843 г. и, наконец, существительное *самоцель* в «Курсе политической экономии» Э. Вредена 1874 г. [Арапова, 2000, с. 216].

К. Флекенштейн выделяет лексему *самоцельность* у В.Г. Белинского в следующем контексте: «Субъект, сознавая свою особность, свою *самоцельность* <...> чувствует себя <...> связанным какими-то внешними отношениями; он говорит себе: “Я сам себе цель, и хочу жить для жизни, жить для себя”...» [Флекенштейн, 1963, с. 131]. Кроме указанного существительного В.Г. Белинский употребляет прилагательное *самоцельный*: «Общество состоит из людей, из которых каждый человек принадлежит и себе и обществу, есть индивидуальная и *самоцельная* особность и член общества, часть цѣлаго, принадлежащая не себе, а обществу» [Белинский, 1898, с. 47].

Соответствующая русской немецкая композита *Selbstzweck* употребляется, по данным ресурса DWDS, с конца XVIII в. Ф. Шиллером Г.В.Ф. Гегелем и И.Г. Фихте [DWDS-online, Электронный ресурс]. Словарь братьев Гримм определяет это понятие как “was an sich selbst, um seiner selbst willen zweck ist”

[DWB-online, Электронный ресурс], что полностью соответствует значению русской лексемы *самоцель*, приведенному выше.

Таким образом, считаем композиту *самоцель* структурно точной словообразовательной калькой немецкого сложения *Selbstzweck* (нем. *selbst* ‘сам’, *Zweck* ‘цель’) с соответствием внутренней формы: *сам-(о)-цель* – *Selbstzweck*.

2.1.5. Экспликация и анализ сложений с первым компонентом *взаимо-*

Зачастую трудно решить, какую роль в процессе калькирования сыграл перевод, а какую – самостоятельное сложение слова на базе известного ранее русского словосочетания. Одним из таких трудных случаев является образование единицы *взаимодействие* под влиянием одного из немецких образцов *Zusammenwirkung* (*zusammen* – ‘вместе, сообща’, *Wirkung* ‘действие’) и *Wechselwirkung* (*Wechsel* – ‘обмен’) [Арапова, 2000, с. 65; Сорокин, 1965, с. 168].

Исходное словосочетание *взаимное действие* употреблялось в русском литературном языке в конце XVIII–начале XIX вв. Так, например, в «Писмах о любви к отечеству» Фридриха II, переведенных с французского языка в 1779 г.: «Здравіе его, сила и бодрость зависятъ отъ *взаимнаго* и согласнаго *дѣйствія* его частей...» [Фридрих II, 1779, с. 20]; у А.Н. Радищева в произведении «О человеке, его смертности и бессмертии» (1792–1802): «...ограничиваяся *взаимнымъ дѣйствіемъ*, сохраняя однако же начальную свою свойственность...» [Радищев, 1907, т. 2, с. 242–243]; у В.В. Петрова в «Новых электрических опытах» (1804): «...*взаимное дѣйствіе* притягательной силы масла и стекла» [Петров, 1804, с. 97].

С 30-х гг. XIX в. в русском литературном языке встречается сложение *взаимодействие*, например, у Ф. Надежина в «Очерке истории философии по

Рейнгольду» (1837) [Надежин, 1837, с. 209]; В. Милютина: «Порядокъ вѣщей, который основанъ на *взаимнодѣйстви* двухъ равно необходимыхъ законовъ» [Милютин, 1847, с. 150]; у В. Безобразова в статье «Аристократия и интересы дворянства»: «...въ атмосферѣ, открытой соприкосновенію и *взаимнодѣйствию* элементовъ всѣхъ классовъ общества» [Русский вестник, 1859, т. 23, с. 9]. Несмотря на довольно частое употребление существительного *взаимодействие* в русской литературной речи 30–40-х гг. XIX в., словари русского языка не фиксируют его.

По мнению Ю.С. Сорокина с 70-х гг. XIX в. начинает встречаться современный вариант – *взаимодействие* [Сорокин, 1965, с. 309]. Однако еще в 40-х гг. XIX в. эта лексема употребляется А.И. Герценом в «Письмах об изучении природы»: «Эмпирики поняли, <...> что *взаимодѣйстви*е чувствъ и предмета не есть обманъ...» [Герцен, 1876, т. 2, с. 41]; В.Г. Белинским: «Матеріалисты XVIII вѣка хотѣли объяснить происхожденіе міра механическимъ сцѣпленіемъ атомовъ, механическимъ процессомъ *взаимодѣйстви*я тяжести и выходящихъ изъ нея математическихъ законовъ стремленій» [Белинский, 1906, т. 1, стб. 381].

В 70–80-х гг. XIX в. употребительны оба слова, например, у А.В. Никитенко в статье «Мысли о реализме в литературе»: «... самая логика жизни заставляетъ насъ въ отправленіяхъ ея признать связь и *взаимнодѣйстви*е ихъ...» [ЖМНП, 1872, ч. 159, с. 31] и «... общество и высшія умственные силы въ немъ находятся въ отношеніи *взаимодѣйстви*я...» [Там же. С. 36]. В.В. Розанов в работе «О понимании» (1886) тоже употребляет оба слова: «Потенціи – это части, изъ которыхъ можетъ, а иногда и стремится возникнуть цѣлое; мѣжду которыми... начинается нѣкоторое *взаимнодѣйстви*е <...>, когда таинственный процессъ

взаимодѣйствія совершится, появляется новое цѣлое...» [Розанов, 1886, с. 155–156].

О том, что существительное *взаимодействие* в это время уже является широкоупотребительным, свидетельствует указание Я.К. Грота в «Дополнениях и заметках к «Толковому Словарю» Даля» (1870). Он отмечает, что данная лексема давно закрепились в русском языке и не должна игнорироваться словарями [Грот, 1873, с. 62]. Однако словари по-прежнему упускают слово *взаимнодействие*, а вслед за ним и *взаимодействие*. Лишь В.Р. Долопчев отмечает первое, как неправильность разговорной речи, и указывает правильный вариант – *взаимодействие* [Долопчев, 1886, с. 14].

В конце 80-х гг. XIX в. Е. Корш, переводчик с немецкого языка «Теории науки» (1887) А. Рилья, объясняет свой выбор в пользу варианта *взаимнодействие* [Риль, 1887, с. 59] как эквивалента немецкого *Wechselwirkung* [Riehl, 1879, S. 49] в оригинале. Он предпринимает попытку семантически дифференцировать рассматриваемые единицы русского языка, полагая, что лексема *взаимнодействие* обозначает философское понятие, характеризующее жизненные процессы, а *взаимодействие* относится к финансово-экономической терминологии: «Въ послѣднее время слово *взаимнодѣйствіе* стали у насъ смѣшивать съ *взаимодѣйствіемъ*, совсѣмъ позабывая, что первое происходитъ въ природѣ, что на немъ держится, можно сказать, вся жизнь, а второе болѣе пригодно для нашихъ пресловутыхъ банковъ: Ссуднаго, Рыковского, Тамбовскаго и многихъ другихъ» [Риль, 1887, с. 59].

В начале XX в. выдающийся русский психиатр, академик В.М. Бехтерев (1857–1927), раскрывая вопрос о взаимоотношении психических и физических явлений в психической деятельности человека, указывает немецкое сложение *Wechselwirkung* для пояснения русской композиты: «... новѣйшее ученіе о *взаимодѣйствіи* (*Wechselwirkung* – нѣмцевъ) <...> рассматриваетъ душу и тѣло,

какъ двѣ независимыя другъ отъ друга сущности, которыя стоятъ другъ съ другомъ въ тѣсномъ соотношеніи» [Бехтерев, 1902, с. 9].

По данным Ю.С. Сорокина существительное *взаимодействие* и глагол *взаимодействовать* впервые фиксирует Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук, 1891 г. [Сорокин, 1965, с. 309]. Это, пожалуй, единственная фиксация данных образований в словарях конца XIX–начала XX вв., потому как даже в третьем издании Словаря В.И. Даля (1903–1909) они отсутствуют. Только в словаре П.Е. Стояна (1913) встречается существительное *взаимодействие*, да и то в статье о прилагательном *взаимный*: «взаимный – общій двоимъ или многимъ, обоюдный: *взаимодѣйствіе*, упреки» [Стоян, 1913, с. 93]. Это свидетельствует о том, что лексическим материалом для образования данной единицы послужило устойчивое словосочетание *взаимное действие*. В процессе калькирования, образцом для которого служит немецкое *Wechselwirkung*, путем сложения имени существительного *действие* с прилагательным *взаимный*, была образована единица русского языка.

Словарь Д.Н. Ушакова относит существительное *взаимодействие* к книжной лексике и толкует как «взаимная связь; взаимная обусловленность» [Ушаков, 1935, т. 1, стб. 269]. Этому определению соответствует немецкая композита *Wechselwirkung*, которая употребляется в современном немецком языке в двух значениях («обоюдное влияние» в общем понимании и «взаимное влияние физических объектов» в узко специальном смысле, как физический термин): “1. [Zusammenhang durch] wechselseitige Beeinflussung; 2. (Physik) gegenseitige Beeinflussung physikalischer Objekte (Austausch von Elementarteilchen oder Quanten)” [Duden-online, Электронный ресурс]. Согласно Словарю Братьев Гримм *Wechselwirkung* возникло в середине XVIII в. как философский термин и обозначает “wechselseitige, in einander greifende, sich ergänzende u. dgl. wirkung zwischen zweien und mehreren” [DWB-online, Электронный ресурс]. В отличие от него, по данным DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache,

существительное *Zusammenwirkung* не зафиксировано в современных словарях немецкого языка: „*Zusammenwirkung*“ ist nicht in unseren gegenwartssprachlichen lexikalischen Quellen vorhanden” [DWDS, Электронный ресурс]. Его отмечает лишь Словарь Братьев Гримм, не давая дефиниции, как лексему из языка Лейбница и Гете [DWB-online, Электронный ресурс]. В современном немецком языке употребителен глагол *zusammenwirken* в значении «совместно работать», «действовать сообща»: “1. (gehoben) zusammenarbeiten; 2. gemeinsam, vereint wirken” и его субстантивированная форма *Zusammenwirken* [DUDEN-online, Электронный ресурс].

Таким образом, на основании вышеизложенного, считаем русское сложение *взаимодействие* словообразовательной калькой немецкого *Wechselwirkung*. Что касается структуры, то она неточно передается в русском существительном: *взаим-о-дей-ств-и-е* – *Wechsel-wirk-ung*. Разница заключается в количестве аффиксов: в кальке два суффикса (*-ств-и-*), в калькируемом образце – один (*-ung*). Это свидетельствует о том, что аффиксация при словообразовании в процессе калькирования имеет уникальный характер в каждом из рассматриваемой пары языков, т.е. не имеет строгих взаимных межъязыковых соответствий [Филиппова, 2014, с. 40–41]. Если рассматривать внутреннюю форму этих слов, налицо их несоответствие, так как русское *взаимо-* и немецкое *Wechsel-* не являются полным тождеством друг друга по значению. Таким образом, существительное *взаимодействие* является структурно неточной словообразовательной калькой с частичным воспроизведением внутренней формы калькируемого образца.

2.1.6. Экспликация и анализ сложений с первым компонентом *воле-*

Волеизъявление. В 20-х гг. XIX в. встречается выражение *изъявление воли*, например, в «Высочайшем Рескрипте Императора Николая I», адресованном

Н.М. Карамзину (1826): «Въ приложенной бумагѣ найдете вы *изъявленіе воли* моей, которая, будучи съ моей стороны одною только справедливостію, есть для меня и священное завѣщаніе Императора Александра» [Карамзин, 1862, ч. 1, с. 129]. Это словосочетание широко употребляется в русском литературном языке на протяжении всего XIX в. чаще всего в юридической литературе, где оно объясняется немецким сложением *Willenserklärung* (нем. Wille ‘воля’, Erklärung ‘1. объяснение; 2. заявление’). Так, российский правовед, профессор права Берлинского университета К.И. Бернштейн (1842–1894) немецкое выражение *eine einseitige Willenserklärung* передает русским *одностороннее изъявление воли* [Бернштейн, 1871, с. 57, Электронный ресурс]. В переводах юридических текстов с немецкого языка русское словосочетание сопровождается немецкой композитой, указанной в скобках: «*Изъявленіе воли (Willenserklärung)* объ установленіи ипотеки, если оно исходить отъ собственника имѣнія, служить правооснованіемъ къ внесенію» [Саксонское гражданское уложение, 1885, с. 90, Электронный ресурс]; «Способы *изъявленія воли (Arten der Willenserklärung)*» [Там же. С. 190].

Наряду с указанным словосочетанием используется сложение *волеизъявление*. Его употребляет российский юрист Л.Н. Казанцев (1854–1896) для передачи немецкого существительного *Willensäußerung*: «Для бытія сдѣлки, какъ справедливо говорить Циммерманъ, необходимы только три момента: дѣеспособность, существованіе воли и *волеизъявленіе...*» [Казанцев, 1878, с. 94]. В оригинальном тексте, на основе которого Л.Н. Казанцев разработал «Учение о представительстве в гражданском праве» (1878), это предложение передается следующим образом: “Müssen wir sonach bei der Ansicht verharren, daß das Rechtsgeschäft Nichts weiter fordert, als Handlungsfähigkeit, Willensentschluß und (gehörige) *Willensäußerung...*” [Zimmermann, 1876, S. 149]. Кроме того, в 70–80-х гг. XIX в. немецкое существительное *Willensäußerung* указывается в русских

юридических текстах в качестве пояснения к словосочетаниям *обнаружение воли* и *выраженное намерение*: «... есть лишь преступное *обнаружение воли* – (*Willensäusserung*)» [Юридический вестник, 1877, № 3, с. 76]; «...*выраженные намерения* контрагентов – *Willensäusserungen*...» [Журнал гражданского и уголовного права, 1880, т. 4, с. 114]; к существительному *намерение*: «Конститутивное начало договора лежит всегда въ *намереніи* (*Willensäusserung*) контрагента, обязывающагося по договору» [Там же. С. 114]; либо вообще дается без русского эквивалента: «Договоръ является средствомъ субъективнаго приобрѣтенія права, установленнаго объективно должникомъ и перешедшаго, благодаря *Willensäusserung* кредитора, въ область правъ этого послѣдняго» [Там же. С. 115].

В 80–90-е гг. XIX в. композита *волеизъявление* получает свое широкое распространение: «Констатированіе фактовъ *волеизъявленіями* сторонъ. <...> Эти *волеизъявленія* могутъ быть одностороннія или двустороннія, – къ одностороннимъ относится судебное признаніе, къ двустороннимъ – договоръ о присягѣ» [Гольмстен, 1885, с. 150]; «...условія, необходимыя для дѣйствительности сдѣлки (свобода и сознательность *волеизъявленія*)...» [Васьковский, 1894, с. 141]; «Подъ государственными нормами мы разумѣемъ *волеизъявленія* субъекта верховной власти или уполномоченныхъ имъ агентовъ, направленныхъ на явленія соціальной жизни» [Ивановский, 1899, с. 76]. Необходимо отметить, что в этот период у данного существительного отмечается эквивалентность немецкому сложению *Willenserklärung*, которое в 70-х гг. XIX в. передавалось словосочетанием *изъявление воли*. Так, Н.Л. Дювернуа, объясняя понятие юридической сделки, пишет: «Пока нѣтъ *волеизъявленія*, нѣтъ воли, нѣтъ сдѣлки. <...> *Волеизъявленіе* для сдѣлки тоже что публикація для закона» [Дювернуа, 1898, вып. 2, с. 641]. При этом в подстрочной ссылке он указывает

произведения немецких правоведов, освещающих данный вопрос: «По вопросу объ отношеніи воли къ *волеизъявленію* есть на нѣмецкомъ языкѣ ... трактатъ ... Бернгарда Виндшейда Willen u. Willenserklärung...» [Дювернуа, 1898, вып. 2, с. 641]. К.П. Змирлов, излагая систему немецкого законодательства, употребляет и словосочетание *изъявление воли*, и композиту *волеизъявление* с указанием на немецкий вариант: «объ *изъявленіи воли*», «о *волеизъявленіи (Willenserklärung)*» [Журнал Министерства юстиции, 1917, № 4, с. 74, 76].

Таким образом, на основании вышеприведенных примеров из научных источников можно констатировать, что русские лексема *волеизъявление* и выражение *изъявление воли* употреблялись приблизительно в один исторический период и соответствовали одновременно двум немецким сложным существительным *Willenserklärung* (нем. Wille ‘воля’, Erklärung ‘1. объяснение; 2. заявление’) и *Willensäußerung* (нем. Wille ‘воля’, Äußerung ‘изъявление’). Некоторая синонимичность этих немецких сложений прослеживается в «Указателе юридических выражений...» (1878) В.Е. Рейтерна, о котором мы упоминали выше, в параграфе 2.1.3: «*Willenserklärung (die)*. *Изъявленіе воли*; распоряженіе; изъявленіе готовности, намѣренія» [Рейтерн, 1878, с. 335]; «*Willensäusserung (die)*. См. Bestimmung (die) des Willens» [Рейтерн, 1878, с. 335]; «Bestimmung (die) des Willens oder Willensäusserung (die) oder Willensbestimmung (die). Установленіе, *изъявленіе воли*» [Рейтерн, 1878, с. 55–56]. Однако примеры их употребления в немецком литературном языке свидетельствуют о том, что эти единицы принадлежат к разным терминологическим системам.

Так, сложение *Willenserklärung* активно используется с 50-х гг. XVIII в. в юридических изданиях. В свою очередь, *Willensäußerung* отмечается с конца 70-х гг. XVIII в. в философской литературе и лишь в первой трети XIX в. распространяется в правоведческих источниках [DWDS-online, Электронный ресурс]. Этот факт подтверждается фиксацией в Словаре Братьев Гримм. *Willensäußerung* определяется как «проявление воли субъекта (личности)»

“*äusserung, kundgebung des willens, zunächst mit bezug auf personen*”, также отмечается его употребление в отношении абстрактных явлений “*auch von unpersönlichen trägern eines willens: <...> diese unverkennbare willensäusserung des schicksals*”, тем самым подчеркивается его принадлежность к области философского знания [DWB-online, Электронный ресурс]. *Willenserklärung* не имеет здесь дефиниции, но по указанным источникам ясно, что это юридическое понятие: “in seiner letzten willenserklärung Engel schriften 6, 268; auch ist der ... wildbann nichts anders als *die willenserklärung des eigenthümers* Haller restauration d. staatswiss. 2, 277; auch war es nicht *die willenserklärung der mächte* Gentz schriften 2, 395; bürgerl. gesetzb. § 28, 2; 166; handelsgesetzb. § 125, 1; im sinne von 'rechtsgeschäft' Posener rechtslex. 2, 864” [DWB-online, Электронный ресурс]. Кроме того, в словаре современного немецкого языка есть четкое указание на его принадлежность к юридической терминологии: “*Willenserklärung* Jura Willensäußerung im Hinblick auf die Herbeiführung eines rechtlichen Erfolges” [DWDS-online, Электронный ресурс].

В отличие от лексем немецкого языка, в русском нет такой выраженной дифференциации значений по внешнему признаку. Вышеприведенные примеры показывают область применения лексемы *волеизъявления* как по отношению к одушевленному субъекту действия (человек, кредитор, контрагент и прочее), так и неодушевленному (власть, орган власти, субъект государства). Слово *волеизъявление* как книжное, официальное обозначает «обнаружение желания, воли; приказание» и впервые зафиксировано в Толковом словаре Д.Н. Ушакова [Ушаков, 1935, т. 1, стб. 348], несмотря на широкое употребление в русской научной литературе с 70-х гг. XIX в. Это свидетельствует о его иноязычном происхождении. Однако нельзя однозначно утверждать, что образцом для формирования существительного *волеизъявление* является именно немецкая лексема *Willensäußerung*, как это делает, например, Н.С. Арапова [Арапова, 2000, с. 73]. Факты употребления русской единицы подтверждают ее соответствие еще и немецкой лексеме *Willenserklärung*. Более того, немецко-русская пара

Willenserklärung – *изъявление воли* встречается в источниках раньше. Эмпирический материал по использованию данной единицы русского языка подтверждает ее формирование путем слияния словосочетания *изъявление воли*, которое выступает как перевод немецкого сложения *Willenserklärung*, под влиянием немецкой лексемы *Willensäußerung*. Таким образом, можно констатировать, что *волеизъявление* – это словообразовательная калька, объединяющая в себе значение двух немецких понятий. Если рассматривать пару *вол-(е)-изъ-явл-ени-е* – *Willen-(s)-er-klär-ung*, то русская лексема – это структурно точная словообразовательная калька с частичным воспроизведением внутренней формы. В паре *вол-(е)-изъ-явл-ени-е* – *Willen-(s)-äußer-ung* русское сложение является структурно неточной словообразовательной калькой с соответствием внутренней формы.

2.1.7. Производные слова как репрезентация словообразовательного потенциала калькирования

Наглядный, наглядность. К словообразовательным калькам немецкоязычного происхождения относит К. Флекенштейн лексему *наглядность*, образованную по модели немецкого слова *Anschaulichkeit* [Флекенштейн, 1963, с. 167]. Согласно «Истории слов» В.В. Виноградова, прилагательное *наглядный* вошло в русский литературный язык из народной речи и является антонимом слова *ненаглядный*. Такой вывод ученый делает, исходя из первого значения прилагательного *ненаглядный* «такой, на которого нельзя наглядеться», а второе «любимый, дорогой», то соответственно *наглядный* первоначально имело противоположное значение: «такой, на которого можно было легко наглядеться», а затем: «освоенный или приобретаемый наглядкою, неоднократным наблюдением» [Виноградов, 1994, с. 342–344].

В конце XVIII в. русский язык еще не знал слов *наглядный*, *наглядность*. В академическом Словаре (1789–1894) зафиксированы лишь глагол *наглядеться*, у которого уже отмечается второе значение «насмотрѣться, испытать, научиться, пріобрѣсть свѣденіе о чемъ», соответствующее современному, и существительное *наглядка* в значении «способность дѣлать что, получаемая отъ разсматриванія или отъ частаго примѣчанія» [САР, 1790, ч. 2, стб. 103].

В 30-е гг. XIX в. существительное *наглядность* и прилагательное *наглядный* встречаются в «Картина человека» (1834) А.И. Галича, он пишет, что ясности мышления «...способствуютъ опредѣлительность (курсив в тексте – С.П.) и *наглядность*...» [Галич, 1834, с. 187]; «Въ человѣкѣ господствуетъ побужденіе представлять неощутимые предметы такъ, какъ будтобы они проявлялись внѣшнему чувству, равно и побужденіе представлять самыя формы или образы сверхчувственнаго формами *наглядными*» [Галич, 1834, с. 370].

Российский ученый-педагог А.Г. Ободовский (1796–1852) в «Руководстве к дидактике...» (1837) употребляет словосочетания *чувственная наглядность*, *наглядность познания*, *средства наглядности*: «Чѣмъ болѣе предметы изученія могутъ быть сообщаемы начинающимъ посредствомъ *чувственной наглядности*, посредствомъ силы воображенія, посредствомъ соединенія съ тѣмъ, что относится къ любимымъ ихъ склонностямъ и занятіямъ, тѣмъ прочнѣйшее основаніе положено будетъ къ будущему ихъ образованію» [Ободовский, 1837, с. 15]; «...*наглядность познанія*, которая возможна не только въ предметахъ внѣшнихъ чувствъ, но также и въ отвлеченныхъ понятіяхъ» [Ободовский, 1837, с. 30]; для обучения вычисленію «...служать разныя *средства наглядности*» [Ободовский, 1837, с. 118]. Это «Руководство...» является кратким изложением сочинения немецкого богослова и педагога Августа Нимейера “Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts...” (1796). В немецком аутентичном тексте находим соответствующие русским выражения: *anschauliche Erkenntniß* или *anschauende*

Erkenntniß [Niemeier, 1818, S. 99, 100]; “Man fordere die Aufmerksamkeit nur für Objecte, die dem Alter und dem Grade der Ausbildung gemäß sind; daher in den frühesten Jahren nur für Gegenstände *sinnlicher Anschauungen*” [Niemeier, 1818, S. 114].

В 40-е гг. XIX в. существительное *наглядность* часто встречается в произведениях В.Г. Белинского. В рецензии на издание «Сказка за сказкой» (1843) автор пишет о повести В.И. Даля «Савелий Граб или Двойник», что она «отличается ... подробностями, обличающими въ авторѣ многостороннюю опытность, бывалость, ... наблюдательность и *наглядность*» [Белинский, 1860, т. 7, с. 203]. В рецензии на «Сельское чтение» (1843) он положительно оценивает оформление этой книги картинками и виньетками, так как «... простые люди, что малыя дети – *наглядность* и заохочиваетъ ихъ къ чтенію и помогаетъ понимать читаемое» [Белинский, 1860, т. 7, с. 245]. В рецензии на книгу А.Ф. Постельса «Картина земли для наглядности при преподавании физической географии» В.Г. Белинский приходит к выводу, что «*Наглядность* признана теперь всѣми единодушно самымъ необходимымъ и могущественнымъ помощникомъ при ученіи» [Белинский, 1861, т. 11, с. 175].

Данная лексема встречается у Н.В. Гоголя (1809–1852) в статье о русской поэзии «В чем же наконец существо русской поэзии, и в чем ее особенность» (1846). Он пишет, что в русских пословицах, «...видна необыкновенная полнота народнаго ума, умѣвшаго сдѣлать все своимъ орудіемъ: иронію, насмѣшку, *наглядность*...» [Гоголь, 1847, с. 198–199].

Таким образом, в 30-е гг. XIX в. у прилагательного *наглядный* отмечается новый семантический оттенок: «приобретаемый или достигаемый посредством непосредственного зрительного восприятия», что влечет за собой образование отвлеченного существительного *наглядность*. Причиной этому служит внедрение и распространение педагогического метода, основанного на зрительном восприятии преподаваемого материала.

Идея наглядности, например, играла большую роль в учении швейцарского педагога И.Г. Песталоцци (1746–1827). В своей книге «Как Гертруда учит своих детей...» (1801) он употребляет слово *Anschauung*, как самостоятельную единицу и как первый компонент в составе сложений *Anschauungskunst*, *Anschauungskraft*, *Anschauungserkenntnisse*, *Anschauungsbüchern* и прочих [Pestalozzi, 1801]. Русские соответствия этим лексемам находим в «Педагогической хрестоматии» (1906) Н.Н. Завьялова, где представлены отрывки произведений великих зарубежных педагогов, в том числе и И.Г. Песталоцци. Так, немецкое существительное *Anschauung* передается русским *наглядность* или *наблюдение* в зависимости от контекста: “... durch die Anschauung ...” [Pestalozzi, 1801, S. 47] – «... благодаря этой наглядности...» [Завьялов, 1906, с. 268] ; “...den Kreis ihrer Anschauung immer mehr zu erweitern” [Pestalozzi, 1801, S. 47] – «как можно больше расширять круг их наблюдений» [Завьялов, 1906, с. 271], а *Anschauungs-*, как первый компонент сложений – прилагательным *наглядный*: “...so mußte ich notwendig auf das Bedürfnis von Anschauungsbüchern verfallen...” [Pestalozzi, 1801, S. 36] – «...я должен был подумать о необходимости книг для наглядного обучения...» [Завьялов, 1906, с. 268].

Такую двоякую передачу термина *Anschauung* на русский язык можно объяснить очень верным, на наш взгляд, замечанием М. Владиславлева, изложенным им в переводе «Критики чистого разума» И. Канта. Он пишет, что немецкое *Anschauung* «у насъ переводится обыкновенно “воззрѣніе”». Однако русский эквивалент не передает точного значения немецкой лексемы. Лексема *воззрение* в русском языке означает «исключительно одну субъективную дѣятельность и, притомъ, одного чувства зрѣнія». И. Кант употребляет *Anschauung* в значении «дѣятельного, находящегося предъ внутренними очами души и потому наглядно-зримаго представлѣнія. Такъ онъ представлялъ себѣ пространство и время». Переводчик предлагает переводить эту единицу немецкого языка «нагляднымъ представлѣніемъ», объясняя свой выбор тем, «что

у самого Канта во многихъ мѣстахъ слово *Anschauung* положительно употребляется въ значеніи вообще представления» [Кант, 1867, с. 20–21].

Лексикон Вейсмана не знает слова *Anschauung*. Там зафиксировано только субстантивированное *das Anschauen*: «(das) Anschauen, *adspectus*, *взираніе*, *взглядЪ*, *взорЪ*» [Вейсман, 1731, с. 31], во втором издании это толкование расширено русским словом *смотреніе на что* [Вейсман, 1782, с. 27]. В словарях немецкого языка 90-х гг. XVIII в. слово *Anschauung* переводится русским *взирание*. В Словаре И.А. Гейма (1796): «*das Anschauen, die Anschauung, взираніе, взглядываніе, leregard, lacontemplation, confidération*» [Гейм, 1796, ч. 1, с. 51]. И.Х. Аделунг в своем Лексиконе уточняет, что *Anschauung* – это философский термин: «*Anschauen, взглядывать, воззрѣть. Die Anschauung (въ философіи) воззръніе, взглядываніе*» [Аделунг, 1798, ч. 1, с. 93]. В это издание не вошли ни немецкое прилагательное *anschaulich*, ни существительное *Anschaulichkeit*, видимо, по причине того, что им не нашлось русских соответствий: “*Anschaulichkeit, - er, - ste, adj. et adv. In dem Anschauen, der unmittelbaren Empfindung durch das Gesicht, gegründet, bildlich, und in weiterer Bedeutung, in unmittelbarer Empfindung gegründet, sinnlich. Die anschauliche Erkenntniß, wie anschauende. Daher die Anschaulichkeit, plur.inusit*” [Adelung, 1793, Th. S. 354].

Прилагательное *наглядный* появляется в словарях XIX в. Так, оно и его немецкий эквивалент *anschaulich* зафиксированы в «Полном российско-французско-немецком словаре» И. Гейма [Гейм, 1826, т. 2, с. 487]. Словарь Ф. Рейфа (1844) отмечает его только в первом значении «такой, на которого можно было легко наглядеться». Об этом свидетельствуют иностранные эквиваленты слова: французское “*quel’on regarde avec plaisir*” (букв. на который смотришь с удовольствием), немецкое “*anschauungswürdig*” (букв. достойный созерцания) и английское “*admirable*” (букв. восхитительный, замечательный) [Рейф, 1844, ч. 1, с. 327]. В Словаре церковно-славянского и русского языка (1847)

это прилагательное толкуется следующим образом: «Наглядный, ая, ое, пр. Приобрѣтаемый наглядкою. *Наглядное обученіе. Наглядное распознаваніе минераловъ*» [СЦСРЯ, 1847, т. 2, с. 356]. При этом существительное *наглядность* остается «не признанной» лексикографическими источниками.

В 50-е гг. XIX в. оно встречается в курсе Н.Т. Костыря «Предмет, метод и цель филологического изучения русского языка» (1850). Автор пишет о происхождении языка: «...изобрѣтеніе языка теперь ... находится во всеобщемъ употребленіи; но въ первыя времена оно вовсе не имѣло никакой очевидности, *наглядности* и, напротивъ того, было слишкомъ далеко отъ обыкновенныхъ понятій» [Костырь, 1850, с. 187]. А в 1859 г. единица *наглядность* наряду с лексемой *наглядный* зафиксированы в «Полном русско-немецком словаре» И.Я. Павловского: «*Наглядный, anschaulich*; наглядное обучение der Unterricht durch lebendige Anschauung; наглядное учение die Anschauungslehre. *Наглядность, die Anschaulichkeit*» [Павловский, 1859, с. 332].

Таким образом, первыми фиксируют новые лексические образования переводные словари и зачастую первыми отмечают семантические изменения уже закрепленных в языке слов. Кроме того, языковые новшества отражаются в справочных изданиях, как например, Словарь Ф.Г. Толля: «*Наглядная оцѣнка, поверхностная оцѣнка гуртом, не входя въ подробности. – Наглядное обученіе, способ обученія по подлинным предметам или моделям или изображеніям, картинкам и проч. Н. об. все болѣе и болѣе входит въ употребленіе для перваго возраста дѣтей, перед уроками и во время уроков отчизновѣденія. Оно обходится без книги. Оно ведет свое начало съ Локке, Руссо, филантропинистов, въ особенности Песталоцци и разрабатывается многими новѣйшими педагогами*» [Толль, 1863, т. 2, с. 962]. В то время, как толковым словарям требуется больше времени на признание новообразований. Так, В.И. Даль в первом издании

Толкового словаря только незначительно расширил понятие *наглядный*, зафиксированное в Словаре 1847 г.: «Наглядный, усвоенный наглядкою; опытный, практический, прилагаемый къ дѣлу; ясный, понятный, вразумительный. *Наглядное дѣло преимчиво. Наглядный способъ обученья. Чертежный способъ доказательства нагляднѣе алгебраическаго*» [Даль, 1865, ч. 2, с. 985]. Даже несмотря на указание П. Шейна об отсутствии лексемы *наглядность* и нового значения у прилагательного *наглядный* в Словаре В.И. Даля [Шейн, 1873, с. 28], во второе (1880–1882) и третье (1903–1909) издания не было внесено никаких изменений.

Начитанность. Н.С. Арапова видит в этой лексеме словообразовательную кальку немецкого слова *Belesenheit* – суффиксального производного от причастия *belesen* ‘начитанный’, которое в свою очередь является префиксальным производным от глагола *lesen* ‘читать’) [Арапова, 2000, с. 152–153].

Переводные словари XVIII в. еще не фиксируют это образование. В Лексиконе Э. Вейсмана (1731) немецкому *belesen* соответствует русское сочетание «*Belesen, великїи чтецѢ книгѢ, много книгѢ читалѢ*» [Вейсман, 1731, с. 77]; в Словаре И.Х. Аделунга: «*Belesen, adj. и adv. Книгочїй, тотѢ кто много читалѢ. Ein belesener Mann, человекѢ много книгѢ читавшїй: отѢ того die Belesenheit, книгочетство, многочетство*» [Аделунг, 1798, с. 229].

В Российских академических словарях (1789–1794) и (1806–1822) его тоже нет. В Словаре 1806–1822 гг. зафиксирован только глагол *начитаться* в двух значениях: «1) Довольно читать. 2) Чрезъ многое чтенїе обрѣсть знанїе, свѣдѣнїе» [САР, 1814, ч. 3, стб. 1268].

По данным В.В. Виноградова лексемы *начитанный*, *начитанность* становятся общелитературными не позднее 20–30-х гг. XIX в. Кроме того, ученый обращает внимание на существование в начале XIX в. различных точек зрения на

проблему пополнения лексического состава русского языка. Так, он выделяет критическое замечание А.С. Шишкова по поводу употребления единицы *начитанность*, как неологизма Н.М. Карамзина, изложенное в «Рассуждении о старом и новом слоге Российского языка» (1803), и в то же время указание П.И. Макарова на отсутствие в словарях этого новообразования среди прочих, опубликованных в журнале «Московский Меркурий» (1803). В.В. Виноградов отмечает лексемы *начитанность* и *начитанный* у Н.В. Гоголя в «Мертвых душах» (1842), у И.С. Тургенева в сборнике рассказов «Записках охотника» (1853), у Н.И. Греча в «Парижских письмах» (1843) и в «Воспоминаниях старика» (1855–1857) [Виноградов, 1994, с. 360–362]. Исходя из этих замечаний, можно сделать вывод, что данные единицы были употребительны уже в начале XVIII в., поскольку вызывают у одних филологов негативную реакцию на их использование в языке и, одновременно, замечания на их отсутствие в лексикографических источниках у других. Позднее Я.К. Грот, критикуя А.С. Шишкова, пишет в «Филологических разысканиях» о его нападках на Н.М. Карамзина: «...онъ упрекаетъ Карамзина за его *начитанность*...<...> Далѣ новые писатели обвиняются въ составленіи русскихъ словъ и реченій по иностранному образцу..., какъ-то: *трогательный, занимательный, сосредоточить, представитель, начитанность, обдуманность, оттънокъ*...» [Грот, 1873, с. 116].

В 20-е гг. XVIII в. существительное *начитанность* встречается в письме В.Ф. Одоевского В.К. Кюхельбекеру: «...проклятой мой Дядька, желая показать свою *начитанность*, воскликнулъ: «Нѣтъ! напечатанное въ *Новостяхъ Литературы* (курсив в тексте – С.П.) не можетъ быть ни дурно, ни несправедливо!» [Одоевский, 1824, с. 2]. Вместе с прилагательным *начитанный* оно часто используется в публицистике: «...рассказываетъ видѣнное, какъ искусный и *начитанный* Авторъ» [Сын Отечества, 1825, ч. 99, с. 305]; «...нужно

было не только пылкое воображеніе, но и глубокомысленность и *начитанность*...» [Отечественные записки, 1825, ч. 22, с. 168]; «...*начитанность* въ лѣтописяхъ средняго вѣка и чувство..., съ которымъ говоритъ онъ объ Изящномъ и Божественномъ, такъ очаровываютъ читателя на Нѣмецкомъ...» [Московский телеграф, 1826, ч. 9, отд. 2, с. 23].

В 40–50-х гг. XIX в. эти слова употребляет И.И. Панаев в своих произведениях. Прилагательное *начитанный* встречается в его повести «Родственники» (1847): «Кружокъ этотъ состоялъ изъ молодыхъ людей очень умныхъ и *начитанныхъ*...» [Панаев, 1912, т. 3, с. 403], существительное *начитанность* – в романе «Львы в провинции» (1852): «– Ну, Вѣра Ивановна, ... ваша Катя ... дѣвушка необыкновенно замѣчательная <...> умъ свѣтлый, ясный, большая *начитанность*...» [Панаев, 1912, т. 3, с. 1].

В этот период русские лексемы уже получили свое признание в лексикографических источниках. Они с соответствующими им немецкими *belesen*, *Belesenheit* зафиксированы в переводных словарях И.А. Шмидта и Ф. Рейфа [Schmidt, 1844, Th. 1, S. 213; Schmidt, 1844, Th. 2, S. 64; Рейф, 1844, ч. 1, с. 347]. Они вошли в состав Словаря церковно-славянского и русского языка: «*Начитанность*, и, с. ж. Свойство начитаннаго; познанія пріобрѣтенныя чтеніемъ; «*Начитанный*, ая, ое, -нѣ, а, о, 1) прич. стр. гл. начитать. *Онъ говоритъ не свое, а начитанное*. 2) *пр.* Много читавшій, научившійся многому изъ книгъ. *Онъ человекъ начитанный*» [СЦСРЯ, 1847, т. 2, с. 422]. Позднее их фиксирует В.И. Даль: «*Начитанный человекъ*, начитавшійся многого и понявшій читаное. *Начитанность*, свойство, принадлежность начитаннаго человека» [Даль, 1863, ч. 2, стб. 1083].

Немецкое причастие *belesen* встречается в немецких письменных памятниках с конца XVI в. и широко употребляется уже в первой половине

XVII в.: “*belesen* Part.adj. ‘durch vieles Lesen gut unterrichtet, gebildet’ (17. Jh.), zu *belesen* ‘durchlesen, gründlich lesen’ (17. Jh.); vgl. schon Wohl*belesenheit* (16. Jh.)”. Существительное *Belesenheit* известно с 70-х гг. XVII в. [DWDS-online, Электронный ресурс].

Из вышеизложенного материала следует, что русские лексемы *начитанный* и *начитанность* образованы от соответствующих немецких *belesen* и *Belesenheit*: *на-чит-а-нн-ый* – *be-les-en*; *на-чит-а-нн-ость* – *Be-les-en-heit*, являются структурно неточными словообразовательными кальками с соответствием внутренней формы. Кроме того, по указанию В.В. Виноградова, на калькированный характер единицы *начитанный* указывает его строение, а именно образование как отглагольного прилагательного, а не страдательного причастия от глагола *начитать* [Виноградов, 1994, с. 360].

Выводы по главе 2

Представленные в данной главе результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Сложность работы над калькированной лексикой заключается в том, калька создается из материала языка-реципиента, и зачастую ее очень трудно отделить от собственных образований, либо, наоборот, автохтонную единицу принять за калькированную. Кроме того, многие лингвисты и лексикографы имеют противоположные точки зрения на природу происхождения некоторых калек. Эти эмпирические трудности экспликации калькированных единиц в лексическом составе языка определяют необходимость разработки методики выявления калек и дифференциации их от смежных явлений.

2. При выявлении и анализе калькированных единиц наряду с языковыми критериями крайне важно учитывать экстралингвистические факторы, потому как структурное и семантическое совпадение слов в разных языках не является окончательным доказательством факта калькирования. Такие лексемы

могут возникать без иноязычного влияния, самостоятельно, независимо друг от друга, то есть в результате внутриязыковой мотивированности. Необходимо обращать внимание на межкультурное взаимодействие стран и народов, учитывать среду, в которой возникло понятие и его наименование, и определить влияние на нее иноязычной культуры. При выявлении калькированной единицы важно установить время ее возникновения, а также, по возможности, источник ее первой фиксации. Это непростая задача, так как отсутствие слова или значения в лексикографическом издании не является доказательством его отсутствия в лексическом составе данного языка. Как правило, новые слова сначала употребляются в разговорной речи, литературных источниках, а лишь затем фиксируются в словарях. Факт калькирования более вероятен, если при сравнительном анализе переводного издания и оригинала встречается соответствующий образец.

3. В результате анализа эмпирического материала выявлен факт первоначальной фиксации лексемы языка-реципиента в переводных дву- и многоязычных лексикографических источниках, а лишь спустя продолжительное время признание толковыми словарями данного языка, что является доказательством ее калькирования с иноязычного образца.

4. В пределах одного исторического периода происходит употребление нескольких структурных вариантов словообразовательной кальки одного иноязычного образца. Вариативность представлена не только в литературных источниках, но зафиксирована и лексикографических. Стабилизация формы происходит в данном случае спустя полвека.

5. Для передачи смысла иноязычного образца калькирования наличие структурного и семантического соответствия компонентов кальки компонентам слова-прототипа совсем необязательно. Тщательный морфологический анализ позволяет обнаружить отклонение от полного структурного тождества единиц языка-донора и языка-реципиента. Типология таких отклонений может быть проведена по нескольким основаниям: по количеству морфем в составе исходной

единицы и кальки, по типу аффикса, по степени самостоятельности основ, по порядку следования основ.

6. Одна единица языка-реципиента может являться формой для выражения нескольких понятий, представленных разными единицами в языке-доноре. В исследованных литературных памятниках XIX в. выявлены принадлежность кальки к различным сферам употребления в языке-реципиенте (к терминам и общенародной лексике) в результате семантического синтеза двух единиц-прототипов языка-донора и изменения коммуникативной природы единиц-прототипов в процессе калькирования.

7. Наиболее значимыми объективными причинами затруднений при экспликации калек и определении статуса калькирования в системе номинации одного национального языка как результате его контакта с другими языками являются структурно-семантические расхождения калек и единиц-прототипов и вариативность калек при вхождении в лексический запас языка. Субъективными причинами можно признать различия во мнениях лингвистов и лексикографов, противоречия лексикографических источников литературным памятникам, взаимная противоречивость лексикографических источников в диахроническом масштабе.

Заключение

Данная работа представляет собой исследование структурных и семантических особенностей лексических единиц, калькированных в русском языке в результате русско-немецких контактов XVIII–XIX вв.

Как показал обзор лингвистической литературы, в современном языкознании спорным является вопрос о природе калек. Поэтому необходимо определение критериев, позволяющих выявлять данные единицы. В ходе работы подвергнута анализу структура калькированных лексических единиц путем сравнения словообразовательной структуры кальки и ее образца, а также установлены способы калькирования (структурное: точное/неточное; смысловое: полное/частичное) и осуществлен семантический анализ, который позволяет выявить наличие/отсутствие семантического единства или соприкосновения кальки и иноязычного слова-прототипа.

В результате исследования нами было установлено, что структурный и семантический критерии – основополагающие интралингвистические факторы для выделения калькированных единиц среди лексем языка: словообразовательные принципы, внутренняя форма слова, эквивалентность значения кальки и ее элементов значению иноязычного образца калькирования и его составляющих соответственно. Таким образом решена задача экспликации калек в языке-реципиенте.

В соответствии с установленными критериями мы констатируем, что калька занимает особую, промежуточную, позицию между исконной и заимствованной лексикой. Ярким доказательством этого являются словообразовательные кальки, которые с одной стороны, представляют собой перевод по отношению к образцам из языка-источника, а с другой стороны, заимствование, так как вносят в систему языка-реципиента новые номинации. Это позволяет определить особый статус калькирования в системе средств пополнения словарного состава языка

посредством языковых контактов, на основе дифференциации между переводом и заимствованием. Одновременно это служит выявлению структурных и семантических преобразований лексем в процессе калькирования. Необходимо подчеркнуть, что намеченные процессы структурно-семантической ассимиляции калек в данном случае значимы для дальнейших общетеоретических исследований лексикогенеза, в то время как эмпирическая база настоящей диссертации служит фоном для решения более крупной задачи, выходящей за рамки калькирования с немецкого языка на русский в анализируемую эпоху.

Результаты анализа калькированных единиц в русском языке и калькируемых объектов в немецком языке свидетельствуют о том, что изучение калькирования как двустороннего процесса требует рассмотрения межкультурной ситуации и общественного устройства, то есть подчеркивают значимость экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на лексическую систему языка в целом. Одним из факторов, играющих важную роль в российско-германских отношениях, является немецкое происхождение многих русских наследниц престола. Это стало основанием для распространения немецких ценностей в российских дворцах. Другим значимым фактором, оказавшем влияние на развитие русской и других языковых систем, стало развитие немецкой классической философии в период XVIII–XIX вв. Оно является выражением эпохального подъема духовной культуры и включается в общеевропейское движение общественной мысли, получившее название Просвещения. В итоге данного влияния в русский язык вошли такие философские термины, как *мировоззрение*, *мироощущение*, *самоопределение*, *самоощущение*, *самодетальность* и другие, которые прошли процесс детерминологизации и позже получили распространение за рамками этой терминологии.

Анализ лексических калек показал, что калькирование является продуктивным способом обогащения словарного состава русского языка XVIII–XIX вв. Основной период возникновения калькированных лексем с немецкого

языка – XVIII в. и первая половина XIX в. – время активной переводческой деятельности.

Среди общего количества калек по немецкоязычным образцам преобладают словообразовательные, что объясняется типологическим различием немецкого (языка-прототипа) и русского (языка-реципиента) языков, реализуемым структурой немецкого языка и наибольшей продуктивностью способа словосложения по сравнению с русским, то есть стремлением формального выражения значения.

В ходе исследования были опровергнуты некоторые представления о классификации калек. Так, в начале работы нами критиковалась классификация, предложенная А.К. Палий, однако в результате проведенного анализа было выявлено, что невозможно обойтись без столь подробного дифференцирования калькированных единиц для понимания сущности калькирования.

Использование данных авторитетных этимологических лексикографических справочников, толковых и двуязычных словарей, сравнительно-сопоставительного метода, методов структурно-семантического, контекстуального, этимологического анализа, метода хронологического описания, позволили разработать собственную типологию словообразовательных калек:

1. структурно точные кальки с полным воспроизведением внутренней формы (*вкрапление*);
2. структурно неточные кальки с полным воспроизведением внутренней формы (*безосновательный, всемирноисторический, одухотворенный*);
3. структурно точные кальки с частичным воспроизведением внутренней формы (*взаимодействие, душераздирающий, злонамеренный*);
4. структурно неточные кальки с частичным воспроизведением внутренней формы (*телосложение, баснописец, кругообращение*);
5. полукальки (*орденоносцы*).

Данная типология является доказательством того, что калька не копирует структуру своего образца и не является его поморфемным переводом. При

калькировании происходит усвоение внутренней формы иноязычного образца, перенесение понятия в язык-реципиент, то есть перенесение отношения между составляющими кальки. В то же время способ выражения этого отношения данных компонентов слова языка-прототипа принадлежит языку-реципиенту. Средства выражения варьируются от полностью автохтонных до заимствования одного из элементов (в случае полукалькирования). Это позволяет решить вопрос о месте калек в словарном составе языка и их отношении к исконной и заимствованной лексике.

На основе представленной типологизации установлено частое расхождение словообразовательного строения калек и их образцов в лексической системе языка-прототипа. Этот факт свидетельствует о том, что морфологическим фундаментом, на базе которого осуществляются операции по интерпретации и усвоению калькированных единиц, является основа слова. Она играет приоритетную роль в рецепции новых для языка-рецептора лексических единиц. Семантика калькированных лексем объединяет различные типы знания: от лингвистических до знаний о мире. Данная лексика рассматривается как на общем фоне языковых контактов, так и закономерностей когнитивных операций в целом. Таким образом, описание явлений калькирования выходит за рамки лексикологии и становится междисциплинарным. Подобная интеграция различных отраслей науки вызвана неразрывной связью между структурами знания и лексическими структурами и необходима для объяснения понимания калькированных слов.

Междисциплинарный характер результатов эволюции языка посредством калькирования (в рамках исследованного объекта) нашел отражение в теоретически обоснованной и апробированной в диссертационном исследовании интегративной методики, включающей следующие исследовательские процедуры:

1. Анализ письменных памятников на языке-реципиенте.
2. Рассмотрение толкований слов в одноязычных словарях на предмет определения связей, существующих между ними; изучение дву- и многоязычных

словарей, которые сами являются источниками появления неологизмов, потому что составитель или переводчик словаря, не находя эквивалента к слову, передает его значение описательно или калькирует.

3. Семантический анализ, то есть поиск семантического единства или соприкосновения кальки и иноязычного слова-прототипа.

4. Структурный разбор лексических единиц, то есть сравнение словообразовательной структуры кальки и ее образца, а также установление способа калькирования.

Представленная эмпирическая процедура носит универсальный характер и может быть полезной при изучении процесса эволюции лексического состава любого национального языка в дальнейших изысканиях в области типологии лексики и словообразования, при решении проблем этимологии и номинации на базе любых (отличных от исследованных в настоящей работе) пар языков и в любые исторические периоды контактов языков и культур.

Список сокращений

букв. – буквально

ВДЮЛ: Временник Демидовского юридического лица

греч. – греческий язык

ЖМНП: Журнал Министерства народного просвещения

лат. – латинский язык

нем. – немецкий язык

польск. – польский язык

рус. – русский язык

слов. – словенский язык

франц. – французский язык

САР: Словарь Академии Российской

ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка

СЦСРЯ: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный
Вторым Отделением Императорской академии наук

Список литературы

Список научной литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.И. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Андреева Е.А. Окказионализмы русских поэтов XX века в немецких переводах: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1998. 196 с.
3. Апреотесей Ч. Кальки славянского происхождения в румынском языке // *Romanoslavica*. 1983. Т. 21. С. 85–95.
4. Арапова Н.С. Кальки в русском языке послепетровского периода: опыт словаря. М.: Изд-во МГУ, 2000. 320 с.
5. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. 351 с.
6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
7. Багана Ж. Об отношении заимствования и интерференции // Научные ведомости. Серия: гуманитарные науки. Белгород: БелГУ, 2008. № 11. Вып. 1. С. 46–50.
8. Багана Ж., Безрукая А.Н., Тарасова М.В. Калька и заимствование как результат иноязычного влияния // Вестник РУДН. М.: РУДН, 2007. № 1. С. 5–10.
Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
9. Багана Ж., Трещева Н.В. Явление калькирования в условиях языкового контакта (на материале канадского национального варианта французского языка) // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. Белгород: БелГУ, 2010. № 24. Вып. 8. С. 99–109.

10. Бондарева Е.В. Калькирование как посреднический механизм языковых контактов // Гуманитарные и социальные науки. Ростов-на-Дону, 2014. № 4. С. 127–137.
11. Будагов Р.А. Введение в науку о языке: учеб. пособие. Изд. 2-е переработ. и доп. М.: Просвещение, 1965. 490 с.
12. Булаховский Л.А. Введение в языкознание: [Учеб. пособие для гос. ун-тов и пед. ин-тов]. М.: Учпедгиз, 1952–1953. Ч. 2. 1953. 179 с.
13. Вакуленко О.Л. Авторские неологизмы, афоризмы и контекстуально-преобразованные фразеологизмы как проблема перевода (на материале англоязычных переводов поэзии В. Маяковского): дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1987. 210 с.
14. Василевская Н.П. Особенности перевода культурно-бытовых реалий с немецкого на русский язык // Вестник КГУСТА. Бишкек: Изд-во Кыргызского гос. ун-та строительства, транспорта и архитектуры, 2011. № 2. С. 267–271.
15. Виноградов В.В. Из истории слов // Вопросы языкознания. М.: издательство Академии наук СССР, 1955. № 5. 184 с.
16. Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных, Ответственный редактор Н.Ю. Шведова. М.: Толк, 1994. 1138 с.
17. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Пособие для высших педагог. учеб. заведений. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Учпедгиз, 1938. 448 с.
18. Гальди Л. Слова романского происхождения в русском языке: Доклад, представленный венгерской делегацией. М.: Изд-во МГУ. 1958. 81 с.
19. Горбов А.А. Семантическое калькирование и эволюция парадигм отвлеченных существительных в современном русском языке // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Краков, 2016. С. 193–202. 386 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ejournals.eu/Language-and-Method/2016/2016/art/6715/> (дата обращения: 02.05.2017).

20. Горбунов П.Я. Проблемы именного словообразования в русской лингвистической литературе: дис. ... канд. филол. наук. М., 1952. 286 с.
21. Ефремов Л.П. Калькирование и его отличие от заимствования // Изв. АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения. Алма-Ата, 1960. Вып. 14. 110 с.
22. Ефремов Л.П. Лексическое и фразеологическое калькирование // Труды Самаркандского Государственного университета. Вопросы фразеологии. Новая серия. Самарканд, 1961. Вып. 106. 231 с.
23. Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования: учеб. пособие. Алма-Ата, 1974. 191 с.
24. Ефремов Л.П. Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов: дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1958. 189 с.
25. Жабина Е.В. Англо-американские заимствования в лексике современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 18 с.
26. Журавлева И.В. Особенности перевода безэквивалентной лексики подязыка информационных технологий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2016. №8-2. 218 с.
27. Земская Е.А. Из истории русской литературной лексики XIX века // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М.: изд. Академии наук СССР, 1957. Т. 4. С. 5–64.
28. Зиндер Л.Р., Строева-Сокольская Т.В. Современный немецкий язык. Л., 1941. Изд. 2-е. 362 с.
29. Зиннатуллина Л.М. Безэквивалентные адвербиальные фразеологические единицы в английском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5. Ч. 1. С. 82–85.
30. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

31. Крысин Л.П. К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово» / Сб. «Развитие лексики современного русского языка». М.: Наука, 1965. 133 с.
32. Ложнова З.С. Фразеологические кальки по английской модели в русской спортивной терминологии // Русский язык в школе. 1976. № 2. С. 84–86.
33. Майорова В.С. Лексическое калькирование в современном немецком языке // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Воронеж: Воронежский гос. технич. ун-т, 2009. № 11. С. 69–76.
34. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка: учеб. Пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 288 с.
35. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: Учебник для филологических специальностей вузов. М.: Высшая школа, 1987. 272 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/maslov3.htm#5> (дата обращения 02.04.2018).
36. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. / Изд. 3-е, перераб. и доп. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с.
37. Матвеев А.А. Латинские лексические кальки в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1966. 21 с.
38. Матвеева О.В. Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук, Саратов, 2005. 216 с.
39. Наркевич И.Ф. Калькированные слова русского происхождения в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1973. 235 с.
40. Наумова И.О. Фразеологизмы французского происхождения в русском и английском языке // Русский язык в школе. 1993. № 6. С. 76–79.
41. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода. М.: Изд-во Флинта, 2009. 216 с.

42. Палий А.К. Калькирование как вид иноязычного влияния: дис. ...канд. филол. наук. Кишинев, 1991. 187 с.
43. Перетрухин В.Н. Введение в языкознание: Курс лекций : Учеб. пособие для студентов филол. фак. пединститутов и ун-тов / Белгор. гос. пед. ин-т им. М. С. Ольминского. Белгород: 1968. 359 с.
44. Полякова Т.А. Испанские заимствования в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 14 с.
45. Пономаренко Л.А. Калькирование как вид влияния одного языка на другой (на материале английских калек с русского языка): дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1965. 351 с.
46. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, Восток-Запад, 2010. 314 с.
47. Реформатский А.А. Введение в языковедение. Изд. 5-е. / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
48. Рецкер О.Г. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.
49. Рецкер О.Г. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. Вып. 1. М., 1981. 84 с.
50. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. Изд. 4-е. М.: Айрис-Пресс, 2002. 443 с.
51. Руткевич С.А. Лексическое калькирование как билингвальный номинативный процесс: дис. ... филол. наук. Минск, 1990. 118 с.
52. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е годы XIX века. М-Л: Издательство «Наука», 1965. 566 с.
53. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. 375 с.
54. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. 560 с.

55. Филиппова И.Н. Избыточность и недостаточность в одноязычии и двуязычии: вопросы теории, практики, методологии, лингводидактики. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 208 с.
56. Флекенштейн К. Кальки по немецкой модели в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 260 с.
57. Хабиров В.П. Введение в контактную лингвистику: Учебная программа. Изд. 2-е. – Екатеринбург: Ин-т иностр. языков УрГПУ, 2012. 38 с.
58. Шанский Н.М. Лексические и фразеологические кальки в русском языке // Русский язык в школе. М., 1955. № 3. С. 28–35.
59. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М.: Учпедгиз, 1959. 307 с.
60. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 310 с.
61. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л.: Акад. наук СССР, 1927. Вып. 2. 217 с.
62. Back E. Wesen und Wert der Lehnübersetzung: Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. Giessen, 1935. 256 S.
63. Balli Ch. Traité de stylistique française. Vol. 1. Paris: 1909. 331 p.
64. Betz W. Deutsch und Lateinisch. Die Lehnbildungen der althochdeutschen Benediktinerregel. Bonn, 1949. 227 S.
65. Fleischer W. Wortschatz der deutschen Sprache der DDR. VEB Bibliographisches Institut. Leipzig, 1987. 366 S.
66. Hüttl-Worth G. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956. 232 S.
67. Lauffer H. Der Lehnwortschatz der althochdeutschen Prudentiusglossen. München: Wilhelm Pink Verlag, 1976. 650 S.
68. Sandfeld Jensen K., Notes sur les calques linguistiques // Festschrift für Thomsen, Leipzig: Otto Harrassowitz, 1912. P. 166–173.

69. Sommerfeldt K.-E. Entwicklungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. VEB Bibliographisches Institut. Leipzig, 1997. 267 S.

70. Unbegaun B. Le calque dans les langues slaves littéraires // Revue des etudes slaves. Paris, 1932. T. 12. P. 19–48.

71. Vinay J.P., Darbelnet J.L. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction // Bibliothèque de stylistique compare / Nouv. éd. rev. et corr./ Paris, 1965. 331 p.

Список словарей и справочников

72. Аделунг И.Х. Полный немецко-русский лексикон, из большого граматикально-критического словаря господина Аделунга составленный, с присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений. СПб.: в Императорской типографии, у Ивана Вейтбрехта, 1798. Ч. 1. 1048 с.

73. Аделунг И.Х. Полный немецко-русский лексикон, из большого граматикально-критического словаря господина Аделунга составленный, с присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений. СПб.: печатан в Императорской типографии, у Ивана Вейтбрехта, 1798. Ч. 2. 1060 с.

74. Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон: Купно с первыми началами русаго языка к общей пользе / При Имп. Академии наук печатню издан; [Перевели на русский язык И.И. Ильинский, И.П. Сатаров и И.С. Горлицкий]. St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. 788 с.

75. Вейсманнов немецкий лексикон с латинским: Преложенный на российский язык, / [Перевели на русский язык И.И. Ильинский, И.П. Сатаров и

И.С. Горлицкий]. При втором сем издании вновь пересмотренный и против прежнего в разсуждении латинскаго и российскаго языков знатно приумноженный. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1782. 788 с.

76. Гейм И.А. Новый и полный словарь: Первое отделение, содержащее немецко-российско-французский словарь, / Изданный Иваном Геймом, коллежским ассессором, профессором и суббиблиотекарем при Имп. Московском университете; Иждивением Хр. Ридигера и Хр. Клаудия. М.: Унив. тип., 1796–1797. Ч. 1. 1796. 663 с.

77. Гейм И.А. Новый и полный словарь: Первое отделение, содержащее немецко-российско-французский словарь, / Изданный Иваном Геймом, коллежским ассессором, профессором и суббиблиотекарем при Имп. Московском университете; Иждивением Хр. Ридигера и Хр. Клаудия. М.: Унив. тип., 1796–1797. Ч. 2. 1797. 620 с.

78. Гейм И. Полный российско-французско-немецкий словарь, сочиненный по новейшему изданию словаря Академии Российской и других. Изд. 2-е, противу первого издания Словаря российско-французско-немецкаго г-на проф. Ивана Гейма исправленное и во многом дополненное Карлом Мессом. СПб.: в типографии Ивана Глазунова, 1826. Т. 2. 549 с.

79. Гельтергоф Ф. Российский Целлариус, или Этимологический российский лексикон, купно с прибавлением иностранных слов в российском языке во употребление принятых слов, також с сокращенною российскою этимологиєю, изданный магистром Франциском Гелтергофом, немецкого языка лектором в имп. Московском университете. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1771. 656 с.

80. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х ч. М.: Издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при императорском Московском Университете. М.: типография Лазаревского института восточных языков (А. Мамонтов), 1863–1865.

81. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / [Соч.] Владимира Даля. Изд. 2-е, испр. и знач. умнож. по рукописи авт. Т. 1–4. СПб.–М.: М.О. Вольф, 1880–1882.

82. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / [Соч.] Владимира Даля. Изд. 3-е, испр. и знач. доп. под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1–4. СПб.– М.: Т-во М.О. Вольф, 1903–1909.

83. Долопчев В.Р. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи (преимущественно в Южной России). С приложением «Замечания о произношении в Южной России». Одесса: Типография «Одес. Вестн.», 1886. 180 с.

84. Дубровский П.П. Полный словарь польского и русского языка, составленный П.П. Дубровским, членом-корреспондентом Академии наук. Варшава: издание книгопродавца Фердинанда Гезика, 1876. Ч. 1. Польско-русская. 871 с.

85. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. 709 с.

86. Наумов И.Ф. Дополнения и заметки И.Ф. Наумова к Толковому словарю Даля / Приложение к XXIV тому Записок Императорской академии наук. № 1. СПб.: тип. Императорской академии наук, 1874. 46 с.

87. Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь, / Сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом. СПб.: Изданием типографщика и книгопродавца И.К. Шнора, 1780–1782. Т. 1. 1780. 434 с.

88. Павловский И.Я. Полный русско-немецкий словарь / Сост. Иваном Павловским. Рига: издание книгопродавца Н. Киммеля, 1859. Ч. 1. 376 с.

89. Паренаго М.А. Новый английско-русский словарь, составленный по английским словарям гг. Джонсона, Еберса и Робинета, надворным советником Михайлом Пареного. М.: в тип. Н.С. Всеволожского, 1816. Ч.3. 307 с.

90. Потоцкий Ф.А. Словарь польского и русского языка, составленный по наиновейшим и лучшим источникам Фр. А. Потоцким. Изд. 2-е. Ч. 1–2. Лейпциг: О. Гольце, 1877–1900. Ч. 1. Польско-русская. 1877. 779 с.

91. Рейтерн В.Е. Указатель юридических выражений, встречающихся в гражданском и торговом праве: Часть немецко-рус. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1878. 350 с.

92. Рейф Ф. Новый карманный словарь русского, французского, немецкого и английского языков, в пользу сих четырех народов по словарям Академии российской, Академии французской, Аделунга, Гейнзиуса, Джонсона, Вебстера и по другим лексиконам, составленный Филиппом Рейфом, кавалером русского ордена св. Анны. Карлсруэ: придвор. тип. В. Гаспера, 1844. Ч. 1. 840 с.

93. Рейф Ф. Новые параллельные словари языков русского, французского, немецкого и английского, в четырех частях, по словарям Российской академии, Французской академии, Аделунга, Гейнзиуса, Джонсона, Спирса и по другим лексиконам, составил Филипп Рейф, кавалер императорских российских орденов св. Владимира и св. Анны... Изд. 4-е, ново-стереотип., исправ. и умнож. 8-е тиснение. Карлсруэ [и др.]: придворная тип. В. Гаспера, 1876. Ч. 1. Русский словарь. 828 с.

94. Словарь Академии Российской. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. Ч. 1–6. 6064 стб.

95. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб.: При Императорской Академии наук, 1806–1822. Ч. 1–6. 7140 стб.

96. Соколов П.И. Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и русском наречиях употребляемых... по поручению Комитета устройства учебных заведений составленное П. С.: с присовокуплением таблиц склонений и спряжений, заимствованных из грамматики г. Востокова, напечатанной в 1832 г. и

введенной в употребление в нижних и средних учебных заведениях. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1834. Ч. 1–2. 3472 стб.

97. Соц И. Новый лексикон или Словарь на французском, италианском, немецком, латинском и российском языках, содержащий в себе, полное собрание всех употребительных французских слов с самым точнейшим оных на другие четыре языка переводом, и объяснением различных знаменований и всех грамматических свойств, какия токмо каждому слову приличествуют, сообразно Словарю Французской академии / Изданный трудами коллежского переводчика Ивана Соца. М.: в Университетской тип., у Н. Новикова, 1787. Ч.2. 655 с.

98. ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. А.М. Бабкина, С.Г. Бархударова, Ф.П. Филина и др. М.–Л.: изд-во Академии Наук ССР, 1962. Т. 13. (С-Сняться). 1516 стб.

99. Стоян П.Е. Краткий толковый словарь русского языка, издание В.Я. Макушкина, СПб.: Тип. К.П. Шрадер, 1913. 704 с.

100. СЦСРЯ: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1847. Т. 2. 471 с.

101. СЦСРЯ: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. СПб.: в Тип. Императорской акад. наук, 1847. Т. 4. 1847. 487 с.

102. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940. Т. 1–4. 2963 стб.

103. Толль Ф.Г. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон): в 12 вып. или 3 т. / сост. под ред. Ф. Толля. СПб.: издание Ф. Толля, 1863–1866. Т. 3. / сост. под ред. В.Р. Зотова и Ф. Толля. 1864 (обл. 1863). 1171 с.

104. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. / Автор-сост. Н.М. Шанский. М.: издательство Московского университета, 1963. Т. 1. 198 с.

105. Adelung J.Ch. Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuches der hochdeutschen Mundart mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten. T. 1–5. Leipzig: J.G.I. Breitkopf, 1774–1786.

106. Adelung J.Ch. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen / Von Johann Christoph Adelung. T. 1–4. Leipzig: J.G.I. Breitkopf, 1793–1801.

107. DWB-online: Deutsches Wörterbuch von J. und W. Grimm, 1854–1961. [Электронный ресурс]. URL: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB (дата обращения: 16.04.2018).

108. DWDS-online: Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 16.04.2018).

109. DUDEN – Deutsches Universalwörterbuch: das umfassende Bedeutungswörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Die 8., überarb. und erweiterte Aufl. Berlin: Dudenverlag, 2015. 2132 S.

110. DUDEN-online: Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 16.04.2018).

111. Köbler G. Deutsches Etymologisches Wörterbuch. Wassertrüdingen, 1995. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.koeblergerhard.de/derwbhin.html> (дата обращения: 16.04.2018).

112. Reiff Ch.Ph. Neue Parallelwörterbücher der Russischen, Französischen, Deutschen und Englischen Sprache, in vier Theilen, nach den Wörterbüchern der Russischen Akademie, der Französischen Akademie, von Adelung, Heinsius, Johnson, Spiers und Andern, bearbeitet von Ch.Ph. Reiff. Vierte, neu bearbeitete und sehr vermehrte Auflage. Karlsruhe – Leipzig, 1875. Th. 3. Deutsches Wörterbuch. 816 S.

113. Schmidt I.A.E. Vollständiges russisch-deutsches und deutsch-russisches Wörterbuch zum Gebrauch beider Nationen. Leipzig: Karl Tauchnitz, 1844. Th. 1. Russisch-Deutsch. 522 S.

114. Schmidt I.A.E. Vollständiges russisch-deutsches und deutsch-russisches Wörterbuch zum Gebrauch beider Nationen. Leipzig: Karl Tauchnitz, 1844. Th. 2. Deutsch-Russisch. 515 S.

Список лингвистического материала исследования

115. Аксаков И.С. Славянский вопрос 1880–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси» / [Соч.] И.С. Аксакова. М.: типография М.Г. Волчанинова, 1886. 799 с.

116. Александр Сергеевич Пушкин: биографический очерк, характеристика личности и литературной деятельности поэта. / Оттиск из «Русского филологического Вестника». Варшава, 1899. 48 с.

117. Ансильон Ф. Эстетические рассуждения г. Ансильйона, члена Королевской Академии наук в Пруссии / Переведены с французского языка г.г. студентами Санктпетербургской духовной академии в пользу любителей прекрасного и высокого, под руководством синодального члена, преосвященного Феофилакта, архиепископа рязанского. СПб.: В типографии Иос. Иоаннесова, 1813. 255 с.

118. Бакунин М.А. Полное собрание сочинений. / под ред. А.И. Бакунина. М.: издание М. Балашова, 1907. Т. 1. 235 с.

119. Бакунин М.А. Полное собрание сочинений / под ред. А.И. Бакунина. СПб.: Издание И. Балашова, 1907. Т. 2. 266 с.

120. Баршев С.И. О мере наказаний. М.: в университетской типографии, 1840. 279 с.

121. Безобразов В.П. Война и революция: Очерки нашего времени В.П. Безобразова. М.: Университетск. тип. (Катков и К°), 1873. 224 с.

122. Белинский В.Г. О воспитании умственном и нравственном: Посвящается родителям и наставникам / Сост. А.Н. Сальников, СПб.: В.И. Губинский, 1898. 160 с.

123. Белинский В.Г. Сочинения в 4-х тт. Изд. 3-е, Ф. Павленкова. СПб.: типография Ю.Н. Эрлих, 1906. Т. 1. 996 стб.

124. Белинский В.Г. Сочинения в 4-х тт. Изд. 3-е, Ф. Павленкова. СПб.: книгопечатня Шмидт, 1907. Т. 4. 1344 стб.

125. Белинский В.Г. Сочинения В. Белинского. С портретом автора и его факсимиле. Т.1–12. М.: М. Солдатенков и Н. Щепкин, 1859–1862 (Типография В. Грачева и комп.). 6625 с.

126. Бентам И. Избранные сочинения Иеремии Бентама / Пер. по англ. изд. Боуринга и фр. Дюмона, А.Н. Пыпина и А.Н. Неведомского. СПб.: Рус. книж. торговля, 1867. Т. 1. 678 с.

127. Бернштейн К.И. О существе делегации по Римскому праву / Соч. К. Бернштейна Д-ра прав Берлинского университета. СПб.: типография товарищества «Общественная польза», 1871. 61 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knigafund.ru/books/39995/read#page60> (дата обращения: 19.05.2017).

128. Бестужев-Марлинский А.А. Второе полное собрание сочинений А. Марлинского [псевд.]. Изд. 4-е. Т. 1–4. СПб.: тип. М-ва гос. имуществ, 1847. Т. 4. Ч. 11. 521 с.

129. Бестужев-Марлинский А.А. Полное собрание сочинений. Ч. 1–12. СПб.: Тип. 3-его Отделения е.и.в. канцелярии, 1838–1839. Ч. 7. 1838. 302 с.

130. Бестужев-Марлинский А.А. Полное собрание сочинений. Ч. 1–12. СПб.: Тип. 3-его Отделения е.и.в. канцелярии, 1838–1839. Ч. 12. 1839. 322 с.

131. Бехтерев В.М. Психика и жизнь. СПб.: Н.Л. Риккер, 1902. 140 с.

132. Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб.: А. Смирдин, 1835. Т. 11. 692 с.

133. Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб.: А. Смирдин, 1838. Т. 31. 880 с.

134. Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб.: в тип. Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1860. Т. 158. 474 с.

135. Блэкстон У. Истолкования аглинских законов г. Блэкстона. / Переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской; С подлинника аглинского [Перевел С.Е. Десницкий при участии А.М. Брянцева]. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1780–1782. Кн. 2. 1781. 568 с.

136. Боборыкин П.Д. За полвека: (Мои воспоминания) / П.Д. Боборыкин; Ред., предисл. и прим. Б.П. Козьмина. М.–Л.: Земля и фабрика, 1929. 383 с.

137. Боборыкин П.Д. Сочинения П.Д. Боборыкина. СПб.–М.: т-во М.О. Вольф, 1884–1886. Т. 5. 1885. 388 с.

138. Боборыкин П.Д. Сочинения П.Д. Боборыкина. СПб.–М.: т-во М.О. Вольф, 1884–1886. Т. 11. 1886. 312 с.

139. Богданович И.Ф. Сочинения Богдановича. Т. 1–2. СПб.: А. Смирдин, 1848. Т. 1. 579 с.

140. Бок К.Э. Руководство к патологической анатомии и диагностике с применением к употреблению при постели больного / пер. с нем. Людовиком Севруком. М.: в Унив. Тип., 1853. 765 с.

141. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова описанные самим им для своих потомков, 1738–1793 / [предисл.: М. Семеvский]. СПб.: Печатня В. Головина, 1871–1873. 1330 стб.

142. Брандт Р.Ф. О языке Игоря Северянина // Критика о творчестве Игоря Северянина / Статьи проф. Р.Ф. Брандта, В.Я. Брюсова, С. Боброва; Рецензии А. Измайлова, А. Крайнего, Иванова-Разумника, С.Я. Рубановича, В. Шмидта, В. Гиппиуса, А. Амфитеатрова и др. М.: В.В. Пашуканис, 1916. 161 с.

143. Бугаев Н.В. Математика и научно-философское мирозерцание. Киев: типография С.В. Кульженко, 1898. 19 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knigafund.ru/books/171408/read#page18> (дата обращения: 16.04.2016).

144. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: Т. 1–2 / Соч. Ф. Буслаева. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1861. Т. 2. [Древнерусская народная литература и искусство]. 429 с.

145. Васильчиков А.И. О самоуправлении: Сравн. обзор рус. и иностр. зем. и обществ. учреждений / [Соч.] Кн. А.И. Васильчикова. Т. 1–3. СПб.: тип. Г. Мюллера, 1869–1871. Т. 1: О самоуправлении. 1869. 412 с.

146. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. СПб.: Н.К. Мартынов, 1894. Вып. 1. 169 с.

147. Введенский А.И. Религиозное сознание язычества. Опыт философской истории естественных религий. М.: Университетская типография, 1902. Т. 1. 764 с.

148. Вера и разум. Журнал богословско-философский. Харьков: типография Губернского Правления, 1895. № 20. 507 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knigafund.ru/books/9710/read#page15> (дата обращения: 01.03.2015).

149. Вера и разум. Журнал богословско-философский. Харьков: типография Губернского Правления, 1895. № 21. 567 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knigafund.ru/books/9711/read#page38> (дата обращения: 01.03.2015).

150. Временник Демидовского юридического лица. Ярославль: в типографии губернского правления, 1874. Т. 7. 496 с.

151. Временник Демидовского юридического лица. Ярославль: в типографии губернского правления, 1884. Т. 34. 484 с.

152. Вестник Европы. М.: В. Измайлов, 1814. Т. 74. 329 с.

153. Вестник Европы. СПб.: М. Стасюлевич, 1873. Т. 5. 466 с.

154. Вестник Европы. Петербург: М. Стасюлевич, 1907. Т. 10. 446 с.

155. Вестник воспитания. Научно-популярный журнал, издаваемый под ред. Н.Ф. Михайлова. М.: типо-литорафия Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1907. № 1. 356 с.

156. Вирхов Р. Патология, основанная на теории ячеек (целлулярная патология) в применении к микроскопической анатомии нормальных и ненормальных тканей, пер. с нем. М.: в тип. Каткова и К°, 1859. 480 с.

157. Власьев Н.С. О вменении по началам теории и древнего русского права : Рассуждение Н. Власьев. М.: в университетской типографии, 1860. 239 с.

158. Время / Под ред. М. Достоевского. Петербург: в типографии Э. Праца, 1863. № 3. 532 с.

159. Вторая ступень советской трудовой школы: Организация. Содержание. Методы: [Сборник] / Под. ред. И. Векслера и Р. Харитоновой. [М.–Л.]: Главсоцвос НКП РСФСР, 1929. 476 с.

160. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. Т. 1–12. СПб.: изд. гр. С.Д. Шереметева, 1878–1896. Т. 8. Старая записная книжка. 1883. 524 с.

161. Вяземский П.А. Стихотворения Карамзина: [Критич. статья] / [П. ч. кн. П. Вяземский]. М.: тип. Грачева и К°, [1867]. 8 с.

162. Галич А. Картина человека. Опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий, начертанный А. Галичем. СПб.: тип. Акад. наук, 1834. 677 с.

163. Галич А.И. История философских систем, / По иностранным руководствам составленная и изданная Главного педагогического института экстраординарным профессором Александром Галичем.; В двух книгах. 1818–1819. СПб.: Печатано в типографии М. Иверсена, 1818–1819. 685 с.

164. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. Лекции, читанные в Московском университете, 1897–1898. 766 с.

165. Гейер А. Краткий очерк истории философии права А. Гейера, перев. с нем. под ред. Н. Неклюдова. СПб., 1866. 149 с.

166. Гейнце₁ Н.Э. В тине адвокатуры. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=VEHWCwAAQBAJ&pg=PT1&dq=гейнце+в+тине+>

адвокатуры&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjdxYWT7u_MAhWkE5oKHWwiDx0Q6AEIJTAA#v=onepage&q=свежеиспеченного&f=false (дата обращения: 01.05.2016).

167. Гейнце₂ Н.Э. От Москвы до Петербурга. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gejnce_n_e/text_0050.shtml#408 (дата обращения: 01.05.2016).

168. Герцен А.И. Сочинения А.И. Герцена / С предисл. [Г.Н. Вырубова]. Genève; Bale: H. Georg, 1875– 1879. Т. 1–10.

169. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями / [Соч.] Николая Гоголя. СПб.: тип. Деп. внеш. торговли, 1847. 287 с.

170. Гоголь Н.В. Иллюстрированное полное собрание сочинений Н.В. Гоголя: В 8 т. / под ред. А.Е. Грузинского; Со вступ. ст. поч. акад. и проф. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. Т. 1–8. М.: Печатник, [1912]–1913. Т. 7. 348 с.

171. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / [Соч.] А.Х. Гольмстена. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1885. 335 с.

172. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений И.А. Гончарова. С портретом автора, гравированным академиком И.П. Пожалостиным и факсимиле. СПб.: Типография Глазунова, 1884–1889. Т. 1. 1884. 221 с. Т. 2. 186 с.

173. Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и в литературе [Текст] / [сочинение] А. Градовскаго. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1873. 309 с.

174. Греч Н. Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии. [Соч.] Николая Греча. Издание П.И. Мартынова. СПб.: в тип. Карла Крайя, 1847. 592 с.

175. Григорьев Ап. Собрание сочинений Аполлона Григорьева / под ред. [и с вступит. ст. В.Ф. Саводника]. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1915–1916. Вып. 1: Автобиография. Мои литературные и нравственные скитальчества: (с биографическим очерком В. Саводника). 1915. 104 с.

176. Григорьев Ап. Собрание сочинений Аполлона Григорьева под ред. В.Ф. Саводника. Вып. 5. «Горе от ума» Грибоедова («По поводу нового издания старой вещи»). М.: Типо-литорафия Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1915. 20 с.

177. Григорьев Ап. Собрание сочинений Аполлона Григорьева / под ред. [и с вступит. ст. В.Ф. Саводника]. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1915–1916. Вып. 6: Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. 1915. 81 с.

178. Григорьев Ап. Собрание сочинений Аполлона Григорьева / под ред. [и с вступит. ст. В.Ф. Саводника]. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1915–1916. Вып. 7: Лермонтов и его направление : (крайняя грани развития отрицательного взгляда). 1915. 96 с.

179. Григорьев Ап. Собрание сочинений Аполлона Григорьева / под ред. [и с вступит. ст. В.Ф. Саводника]. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1915–1916. Вып. 10: И.С. Тургенев и его деятельность: (по поводу романа “Дворянское гнездо”). 1915. 135 с.

180. Грот Н.Я. Психология чувствований в ее истории и главных основах. СПб.: тип. Импер. Акад. наук, 1879–1880. 569 с.

181. Грот Я.К. Филологические разыскания: Материалы для слов., грамматики и истории рус. яз. / [Соч.] Акад. Я.К. Грота. СПб.: 2-е Отд-ние Акад. наук, 1873. 668 с.

182. Давыдов И.И. Грамматика русского языка / [Иван Давыдов]. Изд. 2-го Отд-ния Импер. Акад. наук. СПб.: Второе отд-ние Импер. Акад. наук, 1849. 335 с.

183. Добролюбов Н.А. Сочинения. Изд. О.Н. Поповой. Изд. 5-е. СПб.: типография И.Н. Скороходова, 1896. Т. 4. 674 с.

184. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Изд. 7-е. Т. 1–12. СПб.: изд. А.Г. Достоевской, 1904–1906. Т. 7. 1906. 599 с.

185. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Изд. 3-е. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1898–1899. Т. 1. Вып. 1–3. 800 с.

186. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Изд. 4-е. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1902–1905. Т. 1. Вып. 1–3. 936 с.

187. Екатерина II. О время! Комедия в трех действиях, 1772. // Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей, с

объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. СПб.: Имп. Академия наук, 1901. Т. 1. 420 с.

188. Живописец. Еженедельное сатирическое сочинение. Изд-е 4-е, вновь пересмотренное, исправленное и умноженное. М., 1781. Ч. 1. 164 с.

189. Журнал гражданского и уголовного права. СПб.: типография правительствующего Сената, 1880. Т. 4. 372 с.

190. Журнал гражданского и уголовного права. СПб.: типография правительствующего Сената, 1887. Т. 4. 290 с.

191. Журнал гражданского и уголовного права. СПб.: типография правительствующего Сената, 1893. Т. 10. 262 с.

192. Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: в типографии Императорской академии наук, 1846. Ч. 50. 831 с.

193. Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: печатня В. Головина, 1872. Ч. 159. 843 с.

194. Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: печатня В. Головина, 1872. Ч. 160. 878 с.

195. Журнал Министерства юстиции. Петроград: сенатская типография, 1917. № 4. 344 с.

196. Журнал Министерства юстиции. СПб.: в типографии правительствующего Сената, 1863. Т. 17. 732 с.

197. Журнал Министерства юстиции. СПб.: в типографии правительствующего Сената, 1909. № 7. 493 с.

198. Жуковский Ю.Г. Что такое право? Наша ученая простота и немец Блунчли // Современник. СПб.: в типографии Карла Вульфа, 1860. Т. 84. С. 83–102.

199. Завьялов Н.Н. Педагогическая хрестоматия: Примен. к прогр. педагогики в 8 кл. жен. гимназий М. Н. П.: [Биогр. и характеристики, избр. места из соч. иностр. и рус. педагогов] / [Сост.] Н.Н. Завьялов, преп. Моск. практ. акад. и част. жен. гимназий. М.: кн. маг. Р.И. Нератова, 1906. 500 с.

200. Звездочка. Журнал для детей старшего возраста, издаваемый А. Ишимовой. СПб.: в типографии книжного магазина Крашенинникова и комп., 1848. Ч. 25. 174 с.

201. Звездочка. Журнал для детей старшего возраста, издаваемый А. Ишимовой. СПб.: в типографии книжного магазина Крашенинникова и комп., 1848. Ч. 26. 180 с.

202. Ивановский В.В. Вопросы государственного управления, социологии и политики. Казань: типо-литография Императорского Университета, 1899. 399 с.

203. Ивановский И.А. Определения, основные начала, задача и значение международного права // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1885. Т. 41. Отд. 2. 448 с.

204. Ивановский И.А. Разбор сочинения профессора Н. Чинова "Право и его содержание по учению Лоренца фон-Штейна" (В 2-х частях. Одесса. 1889–1890). СПб.: типография В.С. Балашева, 1891. 25 с.

205. Иеринг Р. Борьба за право доктора Рудольфа фон Иеринга, перевод с нем. П.П. Волкова. М.: К.Т. Солдатенков, 1874. 80 с.

206. Известия Императорского русского Географического общества / Под ред. В.И. Срезневского. СПб.: В. Безобразов и Ко, 1880. Т. 15. 1271 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knigafund.ru/books/21559/read#page464> (дата обращения: 01.03.2015).

207. Казанцев Л.Н. Учение о представительстве в гражданском праве / [Соч.] Л. Казанцева. Ярославль: тип. Г.В. Фальк, 1878. 125 с.

208. Камаровский Л.А. Основные вопросы науки международного права графа Л. Камаровского, профессора Имп. Моск. Университета. М., 1895. 208 с.

209. Кампе И.Г. Путешествие господина Бридоне чрез Сицилию и Мальту в 1770 году: Дополненное из разных новейших путешествий, как-то г. Ридезеля, Швинбурна, Бартелса и других: Приятное и полезное чтение для детей и молодых людей. / Снабденное примечаниями и полезными наставлениями для юных детей господином Кампе; И изданное оригинально славным господином Дюмунье.

Перевод с немецкого [Андрея Тихомирова]. Изданием М. Глазунова. М.: Тип. Селивановского и товар., 1796. Ч. 2. 1796. 183 с.

210. Кант И. Критика чистого разума / пер. М. Владиславлева. СПб.: в тип. Н. Тиблена и Комп. (Н. Неклюдова), 1867. 627 с.

211. Карамзин Н.М. Моя исповедь. Письмо к издателю // Вестник Европы. М., 1802. Ч. 2. № 6. С. 147–167.

212. Карамзин Н.М. Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб.: В Тип. Н. Тиблена и комп., 1862. Ч. 1. 240 с.

213. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Сочинения. СПб.: А. Смирдин, 1848. Т. 2. 790 с.

214. Киреевский И.В. Полное собрание сочинений Ивана Васильевича Киреевского. М.: А.И. Кошелев, 1861. Т. 2. 343 с.

215. Колоколов Г.Е. К учению о покушении: Исслед. Георгия Колоколова. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1884. 232 с.

216. Костомаров Н.И. Лекции по русской истории. СПб.: в типографии Безобразова, 1861. Ч. 1. 100 с.

217. Костыр Н.Т. Предмет, метод и цель филологического изучения русского языка. Курс читанный в I-м отдел. Философ. Факультета в 1846–1848 годах. Киев: в университетской типографии, 1850. 355 с.

218. Крушевский Н.В. Об «анalogии» и «народной этимологии» // Русский филологический вестник. Варшава, 1879. Т. 2. С. 89 – 135.

Латышев С.М. Извлечения из иностранных сочинений, упоминаемых в Объяснительной записке по вопросам, относящимся к учению о преступных деяниях и наказаниях вообще. СПб.: типография правительствующего Сената, 1882. 308 с.

219. Лекарство от скуки и забот. Еженедельное издание. СПб., 1786. Ч. 1. № 12. 280 с.

220. Лопухин И.В. Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И.В. Лопухина, составленные им самим / С предисл. Искандера. Лондон: Trübner & Co, 1860. 212 с.

221. Лотце Г. Микрокосм: Мысли о естеств. и бытовой истории человечества: Опыт антропологии / [Соч.] Германа Лотце; Пер. [с нем.] Е. Корша. Ч. 1–3. М.: издание К. Солдатенкова, 1866. Ч. 1. 549 с.

222. Лукин В.И., Ельчанинов Б.Е. Сочинения и переводы Владимира Игнатьевича Лукина и Богдана Егоровича Ельчанинова / Ред. изд. П.А. Ефремова. СПб.: И.И. Глазунов, 1868. 512 с.

223. Малиновский И.А. Учение о преступлении по Литовскому Статуту. Киев: типография Императорского университета св. Владимира, 1894. 234 с.

224. Маркевич Б.М. Полное собрание сочинений Б.М. Маркевича: Т. 1–11. СПб.: тип. (б.) А.М. Котомина, 1885. Т. 1. 372 с.

225. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб.: типография Мин-ва путей сообщения (А. Бенке), 1882. Т. 1. 417 с.

226. Мейер Д.И. Русское гражданское право. Чтения Д.И. Мейера, изданные по запискам слушателей. / под ред. А. Вицына. Изд. 3-е, исправ. СПб.: издание Николая Тиблена, 1864. 790 с.

227. Мещерский В.П. Очерки нынешней общественной жизни в России / [Соч.] Кн. В.П. Мещерский. Вып. 1–2. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1868–1870. Т. 1. Письма из средних велико-российских губерний за 1867 год. 1868. 461 с.

228. Милютин В. Мальтус и его противники // Современник. Литературный журнал. СПб., 1847. № 8. С. 138–173.

229. Михайловский Н.К. Сочинения. Изд. 2-е. СПб.: А.Я. Панафидин, 1888. Т. 4. 400 с.

230. Михайловский Н.К. Последние сочинения. СПб.: Издание редакции журнала «Русское богатство», 1905. Т. 2. 504 с.

231. Модестов В.И. Заграничные воспоминания // Исторический вестник. СПб.: А.С. Суворин, 1883. Т. 11. С. 383–406.

232. Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. М.: в Университетской типографии, 1826. Ч. 9. 550 с.
233. Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права. М.: типография А.П. Мамонтова, 1877. Ч. 1. 317 с.
234. Надежин Ф. Очерк истории философии по Рейнгольду, сделанный Ф. Надежиным. СПб.: тип. Деп. внеш. торг., 1837. 239 с.
235. Нарезный В.Т. Романы и повести. Изд. 2-е. СПб.: в типографии А. Смирдина, 1835. Ч. 2. 380 с.
236. Нарезный В.Т. Российский Жилбаз, или похождения Князя Гаврилы Симоновича Чистякова. М.: Художественная литература, 1938. Т. 2. 249 с.
237. Никанор (архиепископ) Позитивная философия и сверхчувственное бытие / Соч. еп. Никанора. СПб.: типография т-ва «Общественная польза», 1786. Т. 2. 404 с.
238. Новицкий О.М. Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований / Соч. Ор. Новицкого. Киев: Унив. тип., 1860. Т. 2. Религия классического мира и первая половина греческой философии. 429 с.
239. Ободовский А.Г. Руководство к дидактике, или науке преподавания, составленное по Нимейеру Александром Ободовским, инспектором классов Императорского Санктпетербургского воспитательного дома [Текст]. СПб.: В тип. Конрада Вингебера, 1837. 166 с.
240. Одоевский В.Ф. Письмо в Москву к В.К. Кюхельбекеру. [М.]: [В типографии Императорского Московского театра], [1824]. 22 с.
241. Олонецкие Губернские ведомости. Петрозаводск: в губернской типографии, 1871. № 72. 836 с.
242. Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиньиным. СПб.: в типографии А. Смирдина, 1825. Ч. 22. 487 с.

243. Отечественные записки. Журнал учено-литературный и политический, издаваемый А. Краевским и С. Дудышкиным. СПб.: в тип. А.А. Краевского, 1864. Т. 152. 1082 с.

244. Отечественные записки. СПб.: в типографии И.И. Глазунова и комп., 1840. № 4. 338 с.

245. Отечественные записки. СПб.: в типографии И.И. Глазунова и комп., 1859. Т. 127. 704 с.

246. Отечественные записки. СПб.: в типографии И.И. Глазунова и комп., 1861. Т. 128. № 10. 1194 с.

247. Отечественные записки. СПб.: в типографии А.А. Краевского, 1880. Т. 249. 976 с.

248. Отчеты лиц, командированных за границу, с ученою целию, для приготовления к профессорскому званию // Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1879 года. М., 1879. 452 с.

249. Павский Г. Филологические наблюдения протоиерея Г. Павского над составом русского языка: Рассуждение 1–3. СПб.: тип. Росс. акад., 1841–1842. Т. 2: Об именах существительных. 1842. 372 с.

250. Панаев И.И. Собрание сочинений Ив.Ив. Панаева: Т. 1–6. М.: В.М. Саблин, 1912. 3947 с.

251. Петражицкий Л.И. Очерки философии права. СПб.: тип. Ю.Н. Эрлих, 1900. Вып. 1. 138 с.

252. Петров В.В. Новые электрические опыты. СПб.: В медицинской типографии, 1804. 355 с.

253. Писарев Д.И. Полное собрание соч. в 6 тт. Изд. 4-е, Ф. Павленкова. СПб.: типография Ю.Н. Эрлих, 1903. Т. 4. 608 стб.

254. Плеханов Г.В. Год на родине: Полное собр. ст. и речей 1917–1918 г. в 2 тт. / Г.В. Плеханов. Paris: Povolozky, Sor. 1921. Т. 1. 495 с.

255. Полонский Я.П. Полное собрание сочинений Я.П. Полонского. Т. 1–10. СПб.: изд. Ж.А. Полонская, 1885–1886. Т. 2. 363 с.
256. Полонский Я.П. Полное собрание сочинений Я.П. Полонского. Т. 1–10. СПб.: изд. Ж.А. Полонская, 1885–1886. Т. 3. 1886. 491 с.
257. Полянский Н.Н. Коалиции рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного права. М.: тип. Имп. Моск. ун., 1909. 429 с.
258. Пухта Г.Ф. История римского права / С 5 нем. изд. пер. В. Лицкой. М.: тип. Семена, 1863. 583 с.
259. Радио всем. Журнал общества друзей радио Союза ССР. М.: государственное издательство, 1928. №1. 40 с. Приложение. С. 24–40
260. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений / редакция В.В. Каллаша. М.: В.М. Саблин, 1907. Т. 2. 640 с.
261. Редкин П.Г. Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, доктором права и ординарным профессором Императорского Московского университета. М.: в университетской типографии, 1842. Т. 2. 550 с.
262. Риль А. Теория науки и метафизика с точки зрения философского критицизма / Соч. проф. А. Риль; Пер. с нем. [и предисл.] Е. Корша. М.: К.Т. Солдатенков, 1887. 434 с.
263. Риль А. Фридрих Нитцше как художник и мыслитель / [Соч.] Проф. А. Риль; Пер. с нем. З. Венгеровой. СПб.: ред. журн. «Образование», 1898. 151 с.
264. Розанов В.В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / [соч.] Вас. Розанова. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1886. 737 с.
265. Розин Н.Н. О крайней необходимости: уголовно-юридическое исследование. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1899. 250 с.
266. Русская беседа. М.: в типографии А. Семена, 1859. № 13. 458 с.
267. Русская мысль. М.: И.Н. Кушнерев и Ко, 1881. № 3. 497 с.
268. Русская мысль. М.: И.Н. Кушнерев и Ко, 1887. № 8. 500 с.
269. Русская мысль. М.: И.Н. Кушнерев и Ко, 1891. № 8. 478 с.

270. Русская школа. Общепедагогический журнал для школы и семьи, издаваемый под ред. Я.Г. Гуревича. СПб.: типография И.Н. Скороходова, 1893. № 1. 304 с.
271. Русский вестник. М.: в типографии Каткова и К^о, 1859. Т. 23. 980 с.
272. Русский вестник. Современная летопись. М.: в типографии Каткова и Ко, 1860. Т. 28. 1346 с.
273. Русский вестник. М.: в типографии Каткова и Ко, 1862. Т. 37. 434 с.
274. Русский вестник. М.: в типографии Каткова и Ко, 1877. Т. 128. 962 с.
275. Русский вестник. М.: В Университетской Типографии (М. Катков), 1884. Т. 172. 942 с.
276. Русское богатство. СПб.: типография и литография В.В. Комарова, 1887. № 9. 352 с.
277. Русское богатство. СПб.: типография и литография В.В. Комарова, 1887. № 11. 416 с.
278. Русское слово. СПб., 1865. № 7. 480 с.
279. Саксонское гражданское уложение. СПб.: Ред. комис. по сост. гражд. уложения, 1885. 592 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knigafund.ru/books/51246/read#page148> (дата обращения: 16.04.2016).
280. Салтыков-Щедрин М.Е. Петербургские театры. [Электронный ресурс]. URL: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_05/01text/0113.htm (дата обращения: 16.04.2016).
281. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 20-ти томах. М.: Художественная литература, 1965 – 1977. Т. 6. 1966. 740 с.
282. Салтыков-Щедрин М.Е. Современная идиллия: соч. М.Е. Салтыкова (Щедрина), издание книгопродавца Н.П. Карбасникова. СПб.: в тип. А.А. Краевского, 1883. 438 с.
283. Салтыков-Щедрин М.Е. Сочинения М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина). СПб.: Изд. авт., 1889–1890. Т. 1–9. 5012 с.

284. Салтыков-Щедрин М.Е. Убежище Монрепо / Соч. М.Е. Салтыкова (Щедрина). СПб.: тип. А.С. Суворина, 1880. 211 с.

285. Снегирев И.М. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. М.: в Университетской типографии, 1831. 182 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knigafund.ru/books/2923/read#page112> (дата обращения: 16.04.2016).

286. Сборник статей, недозволенных цензурою в 1862 году, напечатан по распоряжению г. управляющего Министерством народного просвещения для комиссии по делам книгопечатания. СПб.: в типографии Морского министерства, 1862. Т. 1. 468 с.

287. СИРИО: Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1874. Т. 13. 471 с.

288. Современник. СПб.: в типографии Карла Вульфа, 1863. Т. 98. Современное обозрение. № 10. 1010 с.

289. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1891. Вып. 2. 345 с.

290. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. СПб.: в типографии Иосафата Огризко, 1863. Т. 1. Вып. 1. 430 с.

291. Сумароков А.П. О новой философической секте // Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, покойного Действительного Статского Советника, Ордена Св. Анна Кавалера и Лейпцигского ученого Собрания Члена, Александра Петровича Сумарокова: собраны и изданы в удовольствие любителей российской учености Николаем Новыковым, членом Вольного Российского Собрания при Императорском Московском университете. Изд. 2-е. М.: в университетский типографии у И. Новикова, 1787. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_1757_o_novoy_sekte_oldorfo.shtml (дата обращения: 17.04.2018).

292. Сын Отечества. Журнал литературы, политики и современной истории, издаваемый Н. Гречем и Ф. Булгариным. СПб.: в типографии Н. Греча, 1825. Ч. 99. 442 с.

293. Сын Отечества. Журнал литературы, политики и современной истории, издаваемый Н. Гречем и Ф. Булгариным. СПб.: в типографии Н. Греча, 1828. Ч. 117. 438 с.

294. Сын Отечества. Журнал истории, политики, словесности, наук и художеств. СПб.: в типографии А. Дмитриева, 1850. № 8. 520 с.

295. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву, читанные Н.С. Таганцевым, доктором уголовного права, ординарным профессором Императорского Училища правоведения, почетным членом университетов С.-Петербургского и св. Владимира. Часть общая. Выпуск 1. СПб., 1887. 394 с.

296. Телескоп. М., 1831. № 10. 132 с.

297. Техника молодежи. М.: Детиздат, 1939. №10–11. 82 с. С. 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://zhurnalko.net/=nauka-i-tehnika/tehnika-molodezhi/1939-10-11--num8> (дата обращения: 10.04.2016).

298. Толстой Л.Н. Сочинения графа Л.Н. Толстого. Изд. 8-е. Ч. 1–14. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1889–1895. Ч. 4: Педагогические статьи; [Из сочинений и переводов для детей]. 1889. 626 с.

299. Толстой Л.Н. Сочинения графа Л.Н. Толстого. Изд. 8-е. Ч. 1–14. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1889–1895. Ч. 9: Анна Каренина, т. 1. 1889. 364 с.

300. Труды Киевской Духовной Академии. Киев: в типографии Губернского управления, 1871. Т. 2. 432 с.

301. Университетские известия. Киев: в университетской типографии, 1873. № 1. 240 с.

302. Университетские известия. Киев: в университетской типографии, 1897. № 9. Ч. 2. 402 с.

303. Ученые записки Императорского Юрьевского университета. Юрьев: типография К. Матисена, 1895. № 4. 290 с.

304. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. СПб.: тип. Ф.С. Сущинского, 1869. Т. 2. 390 с.

305. Фон Цейллер Ф. Естественное частное право, сочиненное Францом фон Цейллером, профессором прав в университете Венском и Членом законоположной комиссии, перевод с немецкого. СПб.: при Императорской Академии наук, 1809. 326 с.

306. Фридрих II, король прусский Писма о любви к отечеству, или Переписка Анапистемона и Филопатроса, с франц. Коллежским переводчиком И.Л. СПб.: в вольной типографии Вейтбрехта и Шнора, 1779. 60 с.

307. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. Изд. 3-е. М.: в университетской типографии (М. Катков), 1886. Т. 2. 450 с.

308. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. Изд. 4-е. М.: Типо-лит. Кушнерева, 1900. Т. 3. 524 с.

309. Христианское чтение. СПб.: Санктпетербургская Духовная Академия, 1869. Ч. 2. 1172 с.

310. Цитович П.П. Курс русского гражданского права // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1878. Т. 25. Отд. 3. Приложения. 462 с.

311. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 10 тт. с 4 портретами, издание М.Н. Чернышевского. СПб.: типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. Т. 7. 664 с.

312. Чехов А.П. Полное собрание сочинений. Петроград: Литературно-издательский отдел комиссариата народного просвещения, 1918. Т. 1–23. 4841 с.

313. Чичерин Б.Н. История политических учений / [Соч.] Б. Чичерина. Ч. 1–5. М.: тип. Грачева и К°, 1869–1902. Ч. 4. 1877. 614 с.

314. Чулков М.Д. Пересмешник, или Славенские сказки. Изд. 3-е, с поправлением. М.: в типографии Пономарева, 1789. Ч. 1. 235 с.

315. Шейн П.В. Дополнения и заметки П. Шейна к Толковому словарю Даля. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1873. 52 с.

316. Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни: («Рус. вед.» 1885 г. «Рус. Мысль» 1886–1891 г.). СПб.: О.Н. Попова, 1895. 1098 стб.

317. Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге российского языка // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб.: В тип. Имп. Рос. Академии, 1824. Ч. 2. С. 1–352.

318. Шпилевский М. Полицейское право как самостоятельная область правоведения. Одесса: типография Ульриха и Шульце, 1875. 196 с.

319. Штур Л. Славянство и мир будущего: послание славянам с берегов Дуная Людевита Штура / перевод неизданной немецкой рукописи, с примечаниями Владимира Ламанского. М.: Имп. об-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1867. 191 с.

320. Эйхенвальд А.А. Электричество. Изд. 5. М.–Л.: государственное издательство, 1928. 756 с.

321. ЮБ: Юридическая библиография, издаваемая Демидовским юридическим лицеем. Ярославль: типо-литография Э.Г. Фальк, 1895. № 42. 48 с.

322. Юнг-Штиллинг И.Г. Угроз Световостоков, сочинение Иоанна Генриха Юнга, называющегося иначе Генрихом Штиллингом. СПб.: В Имп. тип., 1806. Ч. 1. Кн. 1, 2, 3, 4. 319 с.

323. Юнг-Штиллинг И.Г. Угроз Световостоков, сочинение Иоанна Генриха Юнга, называющегося иначе Генрихом Штиллингом. СПб.: В Имп. тип., 1806. Ч. 2. Кн. 5, 6, 7, 8. 307 с.

324. Юридические записки, издаваемые Демидовским Юридическим лицеем. Ярославль, 1914. Вып. 4. 692 с.

325. Юридическое общество (Петербург). Уголовное отделение. Редакционный комитет. Замечания Редакционного комитета Уголовного

отделения С.-Петербургского юридического общества на Проект особенной части уголовного уложения: Прил. к протоколам Уголовного отд-ния. СПб., 1885–1893. 3 т. / Злоупотребления общественною и государственною службою. 1893. 264 с.

326. Юридический вестник. М.: в университетской типографии (М. Катков), 1877. № 3. 244 с.

327. Янжул И.И. Между делом. Очерки по вопросам народного образования, экономической политики и общественной жизни. СПб., 1904. 560 с.

328. Bock C.E. Lehrbuch der pathologischen Anatomie, mit Rücksicht auf die Anwendung am Krankenbette. Leipzig, 1847. 751 S.

329. Der Mensch: eine moralische Wochenschrift. Halle, 1753. 414 S. S. 72 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=r9EGAAAACAAJ&pg=PA72&dq=neumodisch&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjun7nM8ZPMAhWDVywKHUSvA704ZBDoAQhAMAU#v=onepage&q=neumodisch&f=false> (дата обращения: 15.04.2016).

330. Der Pilgrim. Königsberg, 1743. Т. 1. 435 S. S. 388. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=r-NGAAAACAAJ&pg=PA388&dq=neumodisch&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiT3o3e7JPMAhXIDpoKHTxIA9A4bhDoAQhQMAc%20-%20v=onepage&q=neumodisch&f=false#v=snippet&q=neumodisch&f=false> (дата обращения: 15.04.2016).

331. Geheime Nachrichten vom Schwedischen Hofe und von denen in selbigem Reich vorgefallenen Veränderungen unter Regierung Carls des XI: aus d. Frantzös. übersetzt. Front Cover. Esaias Pufendorf. Köln: Marteau, 1716. 198 S.

332. Geier A. Geschichte und System der Rechtsphilosophie in Grundzügen von Dr. August Geier. Innsbruck, 1863. 234 S.

333. Hahnen J.Ch. Gottes Hand und Geißel. Nürnberg, 1684. 342 S. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=f1k9AAAACAAJ&pg=PA290&dq=gottes+hand+und+geissel&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwi2->

uX68JXMAhWIDCwKHYLZDQM6AEIGzAA%20-
%20v=onepage&q=frischgebacken&f=false#v=snippet&q=frischgebacken&f=false
(дата обращения: 15.04.2016).

334. Ihering R. Der Kampf um's Recht von Rudolf Ihering. Wien, 1872. 96 S.
Jellinek G. Die rechtliche Natur der Staatenverträge: ein Beitrag zur juristischen
Construction des Völkerrechts. Wien: Alfred Hölder, 1880. 71 S.

335. Jung J.H. Der graue Mann, eine Volksschrift / herausgeg. von
Dr. J.H. Jung, Hofrat und Professor in Marburg sonst auch Heinrich Stilling genannt.
Nürnberg: im Verlag der Kaw'schen Buchhandlung, 1795–1798. 2.–5. Stück. 144 S.

336. Nachtrag zu den Sinngedichten. In vier Büchern: nebst einem
unentbehrlichen Vorberichte. von Mayriandern [Johann Carl Niedermayer]. Frankfurt
und Leipzig, 1773. 161 S. [Электронный ресурс]. URL:
<https://books.google.ru/books?id=d9o6AAAACAAJ&pg=PA149&dq=Nachtrag+zu+den+Sinngedichten&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjXr9HY26fMAhUD8ywKHSVhD50Q6AEIJAB#v=onepage&q=neugebacken&f=false> (дата обращения: 15.04.2016).

337. Niemeyer A.H. Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern,
Hauslehrer und Erzieher / Von D. August Hermann Niemeyer. 7. Ausg. Halle: Bei dem
Verfasser u. in Commiss. der Waisenhaus-Buchh., 1818. Th. 1. 610 S.

338. Oehme J.A. Extract der Medicinischen Fama. Dresden, 1746. 86 S.
[Электронный ресурс]. URL:
<https://books.google.ru/books?id=J7FeAAAACAAJ&pg=PA32&dq=Extract+der+Medicinischen&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiulPGQ8pXMAhXEkCwKHXE-AQ8Q6AEIHjAA#v=onepage&q=frischgebacken&f=false> (дата обращения: 15.04.2016).

339. Puchta G.F. Geschichte des Rechts bei dem römischen Volk mit einer
Einleitung in die Rechtswissenschaft von G.F. Puchta, fünfte neu vermehrte Auflage
nach dem Tode des Verfassers besorgt von Dr. A. Rudorff. Leipzig, 1856. 751 S.

340. Pestalozzi J.H. Wie Gertrud ihre Kinder lehrt, ein Versuch den Müttern Anleitung zu geben, ihre Kinder selbst zu unterrichten, in Briefen von Heinrich Pestalozzi. Bern und Zürich: Heinrich Geßner, 1801. 390 S.

341. Riehl A. Der philosophische Criticismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft / von Prof. A. Riehl. 2. Bd. 1. Teil. Die sinnlichen und logischen Grundlagen der Erkenntniss. Leipzig: W. Engelmann, 1879. 682 S.

342. Riehl A. Der philosophische Criticismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft / von Prof. A. Riehl. 2. Bd. 2. Teil. Zur Wissenschaftstheorie und Metaphysik. Leipzig: W. Engelmann, 1887. 370 S.

343. Riehl A. Friedrich Nietzsche. Der Künstler und der Denker. Ein Essay / von Alois Riehl. Stuttgart: Fr. Frommanns Verlag, 1897. 137 S.

344. Virchow R.L.K. Die Cellularpathologie in ihrer Begründung auf physiologische und pathologische Gewebelehre. Berlin: A. Hirschwald, 1858. 476 S. Vorrede, S. VII.

345. Von Zeiller F.E. Das natürliche Privat-Recht. Wien, 1802. 216 S.

346. Von Schönberg J.F. Grillenvertreiber. Frankfurt-am-Main, 1670. 722 S.

347. Zimmermann E. Die Lehre von der stellvertretender Negotiorum Gestio. Straßburg: Verlag von K. Schulz und Comp., 1876. 329 S.